

АРХЕОЛОГИЯ XXI ВЕКА:
СИНТЕЗ КЛАССИЧЕСКИХ И СОВРЕМЕННЫХ
МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЙ —
ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ
КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ



Правительство Калужской области
Министерство культуры Калужской области
ГУК «Калужский областной краеведческий музей»
Российский гуманитарный научный фонд
АНО «Калужский научный центр»

**АРХЕОЛОГИЯ XXI ВЕКА:
СИНТЕЗ КЛАССИЧЕСКИХ И СОВРЕМЕННЫХ МЕТОДОВ
ИССЛЕДОВАНИЙ — ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ**

Материалы научного симпозиума 8—9 апреля 2009 г.

К-8225

ООО «Полиграф-Информ»
Калуга — 2009

ББК 63.А(2)
А87

Организация, проведение научного симпозиума и выпуск настоящего сборника осуществлены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Правительства Калужской области (проект № 09-01-59180 г/Ц)

ISBN 978-5-93999-340-1

Художник В.М. Типикин

На обложке — реконструкция внешнего вида Любутского городища (идея О.И.Болдиной).

А87 Археология XXI века: синтез классических и современных методов исследований — приоритетное направление археологического изучения Калужской области: Материалы научного симпозиума 8—9 апреля 2009 г.
— Калуга: Изд-во ООО «Полиграф-Информ», 2009. — 120 с., ил.

Сборник включает материалы научного симпозиума, проходившего 8—9 апреля 2009 г. в Калужском областном краеведческом музее и посвящен вопросам изучения памятников археологии в Верхнем Поочье и сопредельных регионах России. Статьи рассчитаны на широкий круг читателей: научных работников, краеведов, студентов.

ББК 63.А(2)

ISBN 978-5-93999-340-1

© Калужский областной краеведческий музей
© Авторы публикаций

ДОКЛАДЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ ГОРОДА КАЛУГИ И ИСТОРИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ОБЪЕКТ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

*О.Л. Прошкин, к.и.н., заведующий отделом археологии,
Калужский областной краеведческий музей*

На территории Калужской области к настоящему времени известно около 850 объектов археологического наследия — стоянок и мастерских, поселений, селищ, городищ, могильников, кладов разных исторических эпох и периодов — от позднего палеолита до позднего средневековья. В их числе и культурные напластования исторических городов — Калуги, Боровска, Козельска, Малоярославца, Медыни, Мещовска, Мосальска, Перемышля, Тарусы. Изучение культурного слоя городов археологическими методами началось еще в конце XIX столетия и продолжается до сих пор (И.Д. Четыркин, Т.Н. Никольская, П.А. Раппопорт, А.С. Фролов, О.Л. Прошкин, И.В. Болдин и др.). В данной статье речь пойдет о результатах и перспективах изучения данного вида объектов археологического наследия — культурных исторических слоев древних городских центров, в первую очередь на примере г. Калуги.

Культурный слой исторических центров Калужской области достаточно мощный по своей толщине, т.к. накапливался в течение нескольких столетий в процессе интенсивной экономической деятельности. Так, мощность культурного слоя в исторической части г. Калуги достигает 5-ти м, в г. Козельске — более 3-х м, в г. Боровске — до 2,3 м, в г. Тарусе — до 2-х м и более¹. Культурные напластования содержат огромное количество различных артефактов, остатков жилых, хозяйственных и производственных построек и являются бесценным источником для изучения древней истории городских центров.

С конца XIX столетия и до настоящего времени наибольший интерес вызывает у исследователей культурный слой г. Калуги. Археологически зафиксированный культурный слой города занимает всю его историческую часть, как в пределах застройки конца XVII—XIX вв., так и за ее границами (место старой пристани на левом берегу р. Оки и т. п.). По имеющимся на сегодняшний день археологическим материалам культурный слой города датируется в пределах XIV—XIX вв. (рис. 1) (АКР, 2006. С. 62, № 9). На отдельных участках (например, место старой торговой пристани, устье Березуйского оврага и др.) сделаны находки предметов материальной культуры и более раннего времени — древнерусского периода (фрагменты 7-лопастных височных колец, некоторые типы наконечников стрел и т. п.), раннего железного века (фрагменты груболепной посуды и т. п.), эпох бронзы и камня (кремневые орудия, фрагменты лепных сосудов) (Болдин, Грудинкин, Ефимов, Массалитина, Прошкин, Хохлова, 1999. С. 311—314, рис. 116—121; Прошкин, 1999. С. 19—20, рис. 3).

Первое упоминание о Калуге содержится в грамоте великого князя Литовского Ольгерда под 1371 г. Судя по тексту грамоты, город уже существовал издавна, но когда он возник и сформировался, мы не знаем. Сохранилось много письменных источников, содержащих сведения различного характера о г. Калуге, но относящихся, в основном, ко времени не ранее XVIII в. Еще во 2-ой половине XVIII в. академик В. Зуев ставил вопрос о местонахождении города на момент его упоминания в грамоте 1371 г. (Зуев, 1787. С. 43—46). Тогда же сложилась легенда о неоднократном переносе города с места на место (Четыркин, 1897). П.Ф. Трейтер на основе немногочисленных сохранившихся документов составил план калужской крепости XVII в. (Трейтер, 1899). Обнаруженные при земляных работах в 1930-х гг. деревянные конструкции на ул. Баженова отчасти подтверждают его реконструкцию.

¹ Данные археологических исследований и наблюдений Т.Н. Никольской, А.С. Фролова, И.В. Болдина и др.

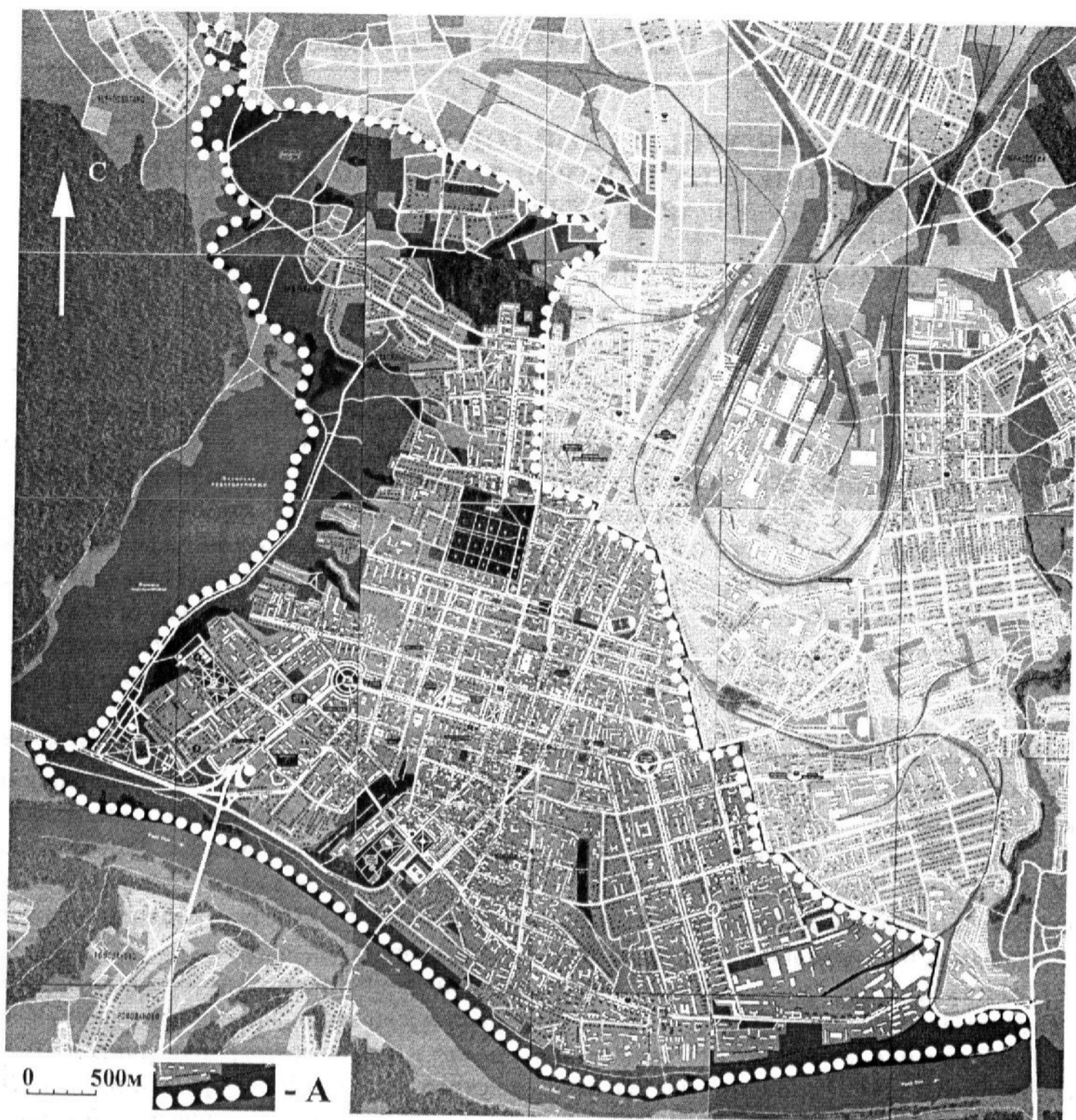


Рис. 1. План исторического центра г. Калуги. А — границы исторического культурного слоя.

В целом же изучение культурного слоя г. Калуги началось только с середины 1990-х гг. Первые археологические исследования разведочного характера были проведены в 1994 г. на территории городского парка, т.е. на месте бывшей калужской крепости и показали отсутствие культурного слоя ранее XVI в. (Болдин, Зарубина, 1997). Вероятно, что до этого времени укрепленным центром города было «Симеоново» городище, расположенное на западной окраине города, на левом берегу р. Яченки². П.А. Раппопорт, проводивший исследования оборонительных сооружений городища, отнес их возведение к XIV—XV вв., т.е. к тому времени, когда г. Калуга впервые упоминается в ранних письменных источниках. (Раппопорт, 1956). Наблюдения, проводившиеся в 2004 г. при строительстве кафе «Корсар», зафиксировали факты разрушения части напольного вала городища и нарушений культурного слоя на его площадке. Культурный слой городища датируется по находкам фрагментов круговой посуды XIV—XV вв. и более поздним временем, однако поселение здесь могло возникнуть намного ранее.

² В настоящее время территория памятника полностью застроена.



Рис. 2. Город Калуга, ул. Пухова, территория бывшего Крестовского монастыря, шурф, культурный слой XVII—XVIII вв.

Исследования в историческом центре

Угол ул. Марата и ул. Дарвина: археологические наблюдения и закладка шурфа (20 кв. м.) на месте жилой застройки (2001 г.). Выявлен мощный культурный слой с остатками фундаментов застройки XVIII—XIX вв., а, возможно, и более раннего времени. Сделаны многочисленные находки XV—XVII вв. и более позднего времени. Археологические наблюдения, проводившиеся при достаточно быстрых земляных строительных работах, а также незначительная площадь проведения раскопок не позволили полностью изучить данный участок исторического центра города (Болдин, 2001).

Угол пл. Старый Торг и ул. Кропоткина: археологические наблюдения в процессе земляных строительных работ по возведению пристройки к зданию Главпочтамта (2006 г.). Выявлен культурный слой XVI—XVII вв. и более позднего времени, остатки деревянных и каменных конструкций от построек различного времени и назначения (Болдин, 2006).

Улица Ленина, 102: археологические раскопки (216 кв. м.) и наблюдения на месте строительства офисного здания. Выявлен культурный слой мощностью чуть более 2-х м, содержащий различные артефакты и остатки построек XVI—XIX вв. (Болдин, 2008).

Исследования в сквере им. Карпова: археологические наблюдения при благоустройстве сквера (2005 г.). Выявлен культурный слой XVIII—XIX вв., содержащий остатки фундаментов Богоявленской церкви и ее ограды, фрагменты деревянной мостовой, различные находки, в том числе фрагмент белокаменной закладной плиты.

Исследования на месте старой торговой пристани: археологические раскопки на площади 36 кв. м. на проектируемой трассе прокладки линии ВОЛС (1998 г.). Выявлен культурный слой мощностью до 1 м, содержащий различные находки XVI—XVII вв. и более позднего времени (различные монеты, в том числе редкие — пулы, керамику, предметы культа, бытовые предметы, детали костюма и мн. др.). Найденный материал ярко освещает историю города позднесредневекового периода — времени расцвета Калуги в качестве крупного торгового-купеческого центра (Болдин, 2000. С. 80).



Рис. 3. Город Калуга, Лаврентьев монастырь, части белокаменных надгробий XVI—XVII вв., найденные при прокладке коммуникаций.

Исследования на ул. Кирова, 21а: археологические наблюдения и закладка шурфа (площадь 8 кв. м.) на площадке под строительство Сбербанка (2006 г.). Выявлен мощный культурный слой (более 3-х м) с остатками различных построек XVIII—XIX вв. (Болдин, 2006). В силу временных рамок строительства изучен очень слабо, отрывочно и спонтанно.

Исследования на территории бывшего Крестовского монастыря: закладка шурфов общей площадью 16 кв. м. с целью изучения культурного слоя и проведение археологического надзора на месте планируемой жилой застройки на ул. Пухова (2005 г.). Выявлен культурный слой, содержащий фрагменты круговой посуды XIX в. (рис. 2).

Исследования на территории Лаврентьева монастыря: археологические наблюдения при прокладке газопровода (2003 г.). Выявлен культурный слой XVI—XVII вв. и более позднего времени. В траншеях обнаружены монастырские погребения. В числе находок бронзовые нательные крестики, части белокаменных надгробных плит XVI в., керамика и другие находки (рис. 3).

Таким образом, масштабы археологических исследований и масштабы современного строительства в г. Калуге несоизмеримы. Перспектив для проведения археологических раскопок и изучения древней истории города остается с каждым годом все меньше и меньше. К сожалению, в настоящее время не проводится полноценных охранных мероприятий по сохранению исторического культурного слоя города — широкомасштабных археологических исследований на объектах строительства, отсутствуют охранные зоны, паспорт и т.п.³

Исторический культурный слой сохранился не только в г. Калуге, но и во всех исторических городах области (ныне районных центрах), где также в настоящее время ведется интенсивное хозяйственное освоение их территорий (в первую очередь, застройка). Археологические

³ Совершенно иная ситуация наблюдается в других городах РФ (Смоленск, Тверь, Ярославль, Тула и др.).

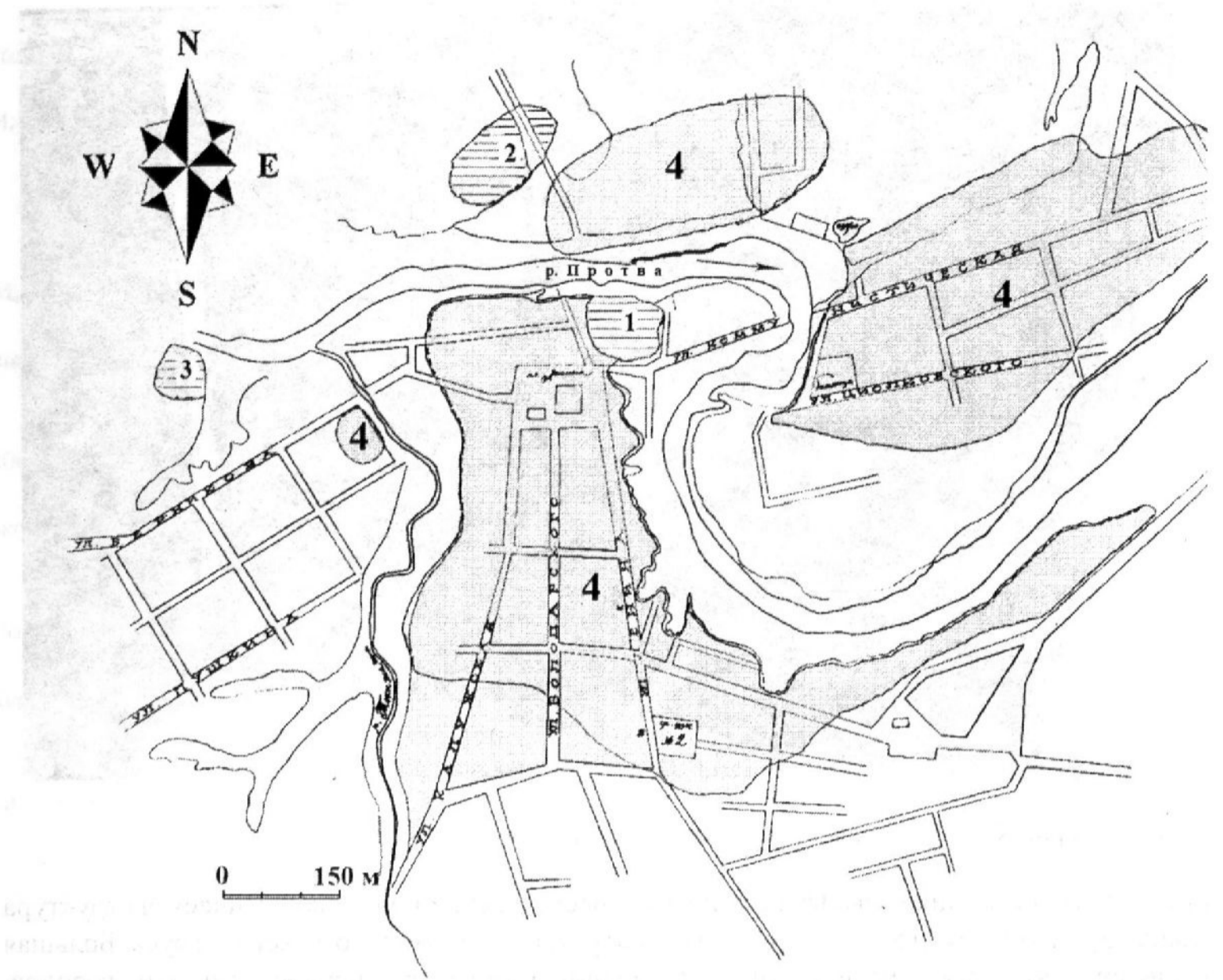


Рис. 4. Город Боровск. 1 — городище, 2 — селище «Петрова Гора», 3 — селище 1, 4 — участки исторического культурного слоя.

исследования культурного слоя проводились только в Боровске, Козельске и Тарусе (АКР, 2006. С. 88—89, № 139; с. 146—147, № 398; с. 214, № 627 и др.).

В г. Боровске основные исследования по изучению культурного слоя (установление его границ, мощности, датировки) проводились в 1980—90 гг. методом закладки раскопа (площадь 36 кв. м.) и шурфов (общая площадь 9 кв. м.), зачисток разрушаемых участков и сбора подъемного материала. В целом культурный слой города датируется в пределах XIV—XVII вв. и более позднего времени (рис. 4) и содержит многочисленные артефакты разного назначения, основную часть которых составляют предметы быта (Прошкин, 2001).

Наиболее изученным в археологическом отношении является г. Козельск. В разные годы на территории города проводились археологические раскопки, общая площадь которых составила 209 кв. м. (рис. 5). Культурный слой города содержит многочисленные артефакты XII—XVII вв. и более позднего времени. Наибольшее число находок и остатков построек из раскопок и шурфов датируется XV—XIX вв. (Нигматуллин, Прошкин, Массалитина, Хохлова, 2005).

Культурный слой г. Тарусы изучается в течение ряда десятилетий, но в основном методом археологических наблюдений на разрушаемых в результате природного и антропогенного воздействия участках. Найдены многочисленные артефакты XII—XIX вв. (Фролов, 1987, 1991, 2001; Прошкин, 2001).

Опыт проведения и результаты археологического изучения исторических центров Калужской области в настоящее время позволяют сделать следующие выводы:

1) культурный слой г. Калуги и исторических городов Калужской области является бесценным историческим источником для изучения древнейшего прошлого не только нашего края, но и всего центра европейской части России. На основании анализа археологических и



Рис. 5. Город Козельск, археологическое изучение культурного слоя.

письменных источников выявлена топографическая и социально-экономическая структура таких крупных городских средневековых центров, как Боровск, Козельск и Таруса. Большая часть археологических материалов, позволивших изучить древнюю историю этих городов, происходит с объектов современного строительства;

2) современная интенсивная градостроительная деятельность, очень часто проводящаяся без соблюдения действующего законодательства в области сохранения культурного наследия, способствует полному уничтожению культурного слоя исторических городов Калужской области, и, в первую очередь, города Калуги;

3) с целью сохранения и научного изучения культурного слоя как объекта археологического наследия и в то же время как бесценного исторического источника для изучения древнейшего прошлого необходимо:

а) проведение охранных археологических раскопок на месте планируемого строительства в пределах исторической части городов;

б) проведение археологического надзора на начальной стадии строительства (закладка фундаментов и т. п.), проводящегося в пределах исторической части городов;

в) обязательное согласование всех земельных работ, проводимых при строительстве в пределах исторической части городов с госорганами по охране памятников культурного наследия Калужской области, которое должно основываться на результатах проведения научных археологических исследований;

г) разработка системы (методики) обеспечения сохранения культурного слоя г. Калуги и других исторических городов области специалистами в области сохранения объектов культурного наследия совместно со специалистами-археологами.

Источники и литература

Археологическая карта России. Калужская область. М., 2006.

Болдин И.В., Зарубина Ж.В. К вопросу о времени основания Калужской крепости // Калуга в шести веках. Калуга, 1997.

Болдин И.В., Грудинкин Б.В., Ефимов А.Е., Массалитина Г.А., Прошкин О.Л., Хохлова Т.М. Археология Калужской области. Калуга, 1999.

Болдин И.В. Раскопки на Любутском городище и в г. Калуге // Археологические открытия 1998 года. М., 2000.

Болдин И.В. Археологические раскопки Любутска и в г. Калуге. Калужская область. 2001 г. // Архив ИА, Р-1, временно б/н.

Болдин И.В. Археологические работы в Калужской области. 2006 г. // Архив ИА, Р-1, временно б/н.

Болдин И.В. Археологические работы в г. Калуге, ул. Ленина, 102. 2008 г. // Архив ИА, Р-1, временно б/н.

Зуев В. Путешественные записки В. Зуева от С-Петербурга до Херсонеса в 1781 и 1782 гг. СПб, 1787.

Нигматуллин Р.А., Прошкин О.Л., Массалитина Г.А., Хохлова Т.М. Древний Козельск и его округа. М, 2005.

Прошкин О.Л. Древнерусские памятники и отдельные находки на территории Калуги // Калуга в шести веках. Калуга, 2000.

Прошкин О.Л. Культурный слой Боровска // Боровск: страницы истории. №3. 2001.

Прошкин О.Л. Отчет об археологических раскопках и разведках в зонах новостроек Калужской области. 2001 г. // Архив ИА, Р-1, № 24152.

Раппопорт П.А. Отчет о работе отряда по изучению крепостей Среднерусской археологической экспедиции в 1956 г. // Архив ИА, Р-1, № 1216.

Трейтер П.Ф. К вопросу о местоположении Калуги в XVII столетии // ИКУАК. Вып. 3. Калуга, 1899.

Фролов А.С. Археологические памятники в гор. Тарусе // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Тез. докл. Калуга, 1987.

Фролов А.С. О времени возникновения города Таруса // Археология и история Юго-Востока Руси. Курск, 1991.

Фролов А. Таруса — история тысячелетий. М, 2001.

Четыркин И.Д. Городища, на которых по преданию находилась в древности Калуга // ИКУАК. Вып. 5. Калуга, 1897.

ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЕ МЕТОДЫ В ИЗУЧЕНИИ ДРЕВНЕЙ КЕРАМИКИ: PRO & CONTRA

Ю.Б. Цетлин, д.и.н., старший научный сотрудник, Институт археологии РАН

В последние десятилетия все большее значение получает понимание археологии как науки, находящейся на стыке гуманитарного и естественно-научного знания. В связи с этим перед исследователями встает задача более внимательно оценить роль естественных наук в ее развитии. Данная статья посвящена краткому рассмотрению этого вопроса применительно к изучению одного из важнейших археологических источников, каковым является древняя керамика.

За всю историю археологической науки в ней сформировались и получили развитие три методологически различных исследовательских подхода — эмоционально-описательный, формально-классификационный и историко-культурный (Цетлин, 2001). Основные характеристики этих подходов даны в таблице 1.

Основная задача эмоционально-описательного подхода заключается в интуитивном выделении и описании особенностей разных керамических коллекций, сравнении их друг с другом и столь же интуитивной интерпретации полученных результатов. Формально-классификационный подход предполагает выделение по керамике списка формальных признаков на качественном и количественном уровнях, их количественного сравнения (определения сходства и различия) и выбора наиболее вероятного варианта исторического объяснения этих данных. Существо историко-культурного подхода состоит в системном изучении разнообразных «следов», сохранившихся на керамике, реконструкции по ним культурных традиций древних гончаров и потребителей посуды в области производства, распространения и использования глиняных сосудов и изучении поведения этих традиций в разных культурно-исторических ситуациях.

Исходя из отмеченной специфики, применение естественно-научных методов к изучению

Таблица 1.
Сравнительная характеристика методологически разных исследовательских подходов к изучению керамики.

Подходы и их особенности	Эмоционально-описательный	Формально-классификационный	Историко-культурный
Объекты исследования	Морфологические особенности сосуда (форма, орнамент, реже — технология). Сосуд понимается как целостный культурный объект	Формальные морфологические и физико-технические признаки сосуда, среди которых выделяются «работающие» и «неработающие» признаки	«Следы» приемов изготовления и использования сосуда в быту, сохранившиеся на его поверхности и в изломах черепка
Задачи исследования	Визуальная систематика керамики по морфологически однородным группам	Классификация керамики по формальным признакам. Численное определение степени сходства сосудов и выделенных групп керамики	Реконструкция культурных традиций в сфере производства, распространения и использования глиняной посуды
Способы интерпретации информации	Интерпретация носит субъективный характер. Она базируется на данных этнографии, здравом смысле и опыте каждого исследователя	Интерпретация является «внешней» по отношению к объекту изучения и заключается в выборе наиболее вероятного варианта исторического объяснения полученной количественной информации	В основе интерпретации лежит системный характер данных о навыках труда и культурных традициях в гончарстве и строгое знание того, какие исторические явления и как в них отражаются
Основные позитивные черты	Целостное восприятие основного объекта изучения	Стремление к высокой детализации описаний керамики, активное использование методов естественных наук. Принципиальная проверяемость получаемых выводов	Системный анализ естественной («внутренней») структуры объектов. Анализ поведения гончарных традиций в разных исторических ситуациях
Основные негативные черты	Крайний субъективизм описаний керамики и получаемых выводов. Отсутствие доказательности выводов	Формальный выбор признаков и процедур сравнения. Субъективный выбор варианта интерпретации	Пока не выявлены

керамики получило распространение почти исключительно в рамках формально-классификационного подхода.

К настоящему времени с разной степенью широты исследователи (особенно за рубежом) используют для изучения керамики петрографическую и электронно-сканирующую микроскопию, рентгеновскую дифракцию и флюоресценцию, химический, нейтронно-

активационный, дифференциальный термический анализ и термо-гравиметрический анализы и очень редко — компьютерную томографию (Rice, 1987).

Данные методы прежде всего нацелены на получение информации: 1) о минералогическом и химическом составе черепка и глазури, что, по мнению исследователей, позволяет судить о «месте производства» посуды, 2) о температуре обжига изделий, из чего обычно делается вывод об их «качестве», и, очень редко, 3) о приемах конструирования сосудов.

Рассмотрим теперь, насколько же велика результативность нынешнего применения этих методов и полезность получаемой с их помощью информации.

Начнем с определения минералогического и химического составов черепка. В связи с этим важно обратить внимание на то, что до сих пор одной из наиболее сложных задач в зарубежной науке считается отделение в черепке естественных примесей от искусственных (Rice, 1987. P. 409—411). В большинстве работ этого либо не делается вообще, либо не приводятся серьезные основания такого деления. Например, считается, что включения меньше определенного размера относятся к «естественным», а больше — к «искусственным». В итоге смешиваются два качественно разных вида информации. Ведь если первые позволяют судить о тех или иных особенностях глиняной залежи, то вторые говорят о составе культурных традиций разных групп древнего населения. В то же время, несмотря на ряд сложностей, эта задача давно решена в рамках историко-культурного подхода (Бобринский, 1978, 1999).

Обратимся к задаче определения температуры обжига сосудов. Эти данные присутствуют в большинстве работ, описывающих результаты применения естественно-научных методов. При этом совершенно не учитываются ряд моментов. Во-первых, далеко не все фрагменты керамики пригодны в принципе для определения температуры обжига. Прежде чем решать эту задачу, следует отбраковать все фрагменты, которые в силу тех или иных причин (попадание в кострище, пожар и проч.) попали в зону вторичного огня. Со значительными поправками для этого пригодны обломки сосудов, которые служили для приготовления горячей пищи. Во-вторых, в процессе обжига сосуды испытывали регулярные и достаточно сильные температурные колебания. По данным Госселяйна, при костровом обжиге температура сосудов, находящихся в разных частях кострища, отличается на величину около 500°C (Gosselain, 1992). Эксперименты по обжигу сосудов в горне показали колебания температуры в 200—300°C. В-третьих, для изучения культурных традиций ведения обжига значительно важнее не формальное определение температуры нагрева изделий, а длительность обжига и его среда. Все эти вопросы также получили свое решение с позиций историко-культурного подхода (Бобринский, 1989, 1999, 2006).

Следующей весьма распространенной задачей, которая решается с помощью естественно-научных методов, является определение места производства посуды. Особенно широко этот вопрос обсуждается при изучении античной керамики. Для решения этой задачи используются данные о химическом и микроэлементном составе черепка в сопоставлении с аналогичными данными по глинам из конкретных залежей. При этом, как правило, не учитывается, что глина по своему происхождению представляет собой осадочную породу очень сложного и разнообразного состава. Известны случаи, когда глина в пределах одной залежи различается по составу больше, чем глины разных залежей, расположенных далеко друг от друга. Именно поэтому при решении этого вопроса в рамках историко-культурного подхода пришлось ограничиться выделением условных «районов» и условных «мест добычи глины» (Бобринский, 1999). По особенностям состава естественных примесей наиболее надежными являются заключения о том, что для сосудов с определенного поселения использовались глины из разных залежей, но сходства этого состава не позволяет заключить, что гончарами использовалась только одна залежь глины.

Следует отметить, что применение естественно-научных методов является весьма полезным при изучении состава древних глазурей, поскольку позволяет выделять разные рецепты их составления. Этому вопросу посвящена обширная литература. Сложность здесь состоит в том, что применяемые методы, давая информацию о составе глазурей, редко позволяют судить о технологии ее приготовления, т.е. о навыках труда гончаров в этой области.

Очень малодоступной для применения естественно-научных методов является задача определения технологии конструирования сосудов. Косвенно на это указывает тот факт, что

эти вопросы не обсуждаются в соответствующей как отечественной, так и зарубежной литературе. Имеющиеся данные о результатах рентгеновского анализа ориентации глинистых частиц при использовании приемов вытягивания не могут считаться доказательными. В последние десятилетия в зарубежной науке предпринимаются попытки применения для этой цели компьютерной томографии. К сожалению, в работах приводятся не фотографии, а только прорисовки спаев глиняных элементов в стенках сосудов, что не является убедительным. Кроме того, этот метод чрезвычайно дорог и поэтому, вероятно, мало пригоден для анализа массового керамического материала. В то же время методы изучения технологии конструирования сосудов подробно разработаны в рамках историко-культурного подхода (Бобринский, 1978).

Предпринятый разбор возможностей естественно-научных методов изучения древней керамики позволяет получить ответ на вопрос о том, почему их все более и более широкое применение (особенно в зарубежной археологической науке) не приводит к существенному расширению наших знаний и древней человеческой истории. В определенном смысле сегодня повторяется ситуация, которая была характерна для зарубежной и отечественной археологической науки в 1950—1970-е гг. и была связана с широким применением математических методов к анализу керамического материала.

Приходится констатировать, что основной причиной слабой результативности применения современных естественно-научных методов к изучению древней керамики является применение их сугубо в рамках формально-классификационного исследовательского подхода, который предполагает получение лишь формальных характеристик керамики, которые невозможно использовать для изучения всего многообразия культурных традиций в гончарстве и реконструкции разных сторон истории жизни древнего населения.

Какие из всего сказанного можно сделать выводы? Прежде всего, отсюда совсем не следует бесполезность естественно-научных методов для изучения керамики. Вероятно, речь должна идти о том, чтобы направить их применение в нужное русло, чтобы сделать их более полезными, чем это имеет место в настоящее время.

С моей точки зрения для этого необходимо, во-первых, глубоко понимать специфику керамики и древнего гончарства в целом как объекта изучения и источника исторической информации; во-вторых, научиться ставить перед учеными-естественниками корректные научные задачи, сформулированные с позиций историко-культурного подхода, т.е. задачи, ответы на которые будут способствовать расширению наших знаний о древних культурных традициях; в-третьих, наладить тесный и осмысленный союз археологов с такими специалистами, поскольку многие естественно-научные методы должны быть определенным образом адаптированы (приспособлены) к задачам археологов, а не использоваться в том виде, в котором они были созданы для анализа совершенно других объектов исследования.

Если это произойдет, то современные естественно-научные методы станут мощным инструментом исторического исследования древней керамики, прежде всего, в том плане, чтобы сделать получаемую по керамике информацию о конкретных чертах гончарных традиций независимой от опыта и квалификации конкретного исследователя.

Литература

- Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978. 272 с.
 Бобринский А.А. К методике изучения обжига керамики // Первая кубанская археологическая конференция. Тез. докл. Краснодар, 1989. С. 20—23.
 Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара, 1999. С. 5—109.
 Бобринский А.А. Данные технологии о происхождении гончарства // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2006, С.413—421.
 Цетлин Ю.Б. Эволюция исследовательских подходов к изучению керамики в археологии // Древние ремесленники Приуралья. Ижевск. 2001. С. 54—75.
 Gosselain O.P. Bonfire of the Enquiries. Pottery Firing Temperatures in Archaeology: What For? // Journal of Archaeological science 1992. 19. P. 243—259.
 Rice P.M. Pottery Analysis. A Sourcebook. The University of Chicago Press. Chicago and London. 1987. 559 p.

АРХЕОЛОГИЯ ПООЧЬЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

А.В. Кашкин, к.и.н., заведующий отделом археологических сводов и карт,
 Институт археологии РАН

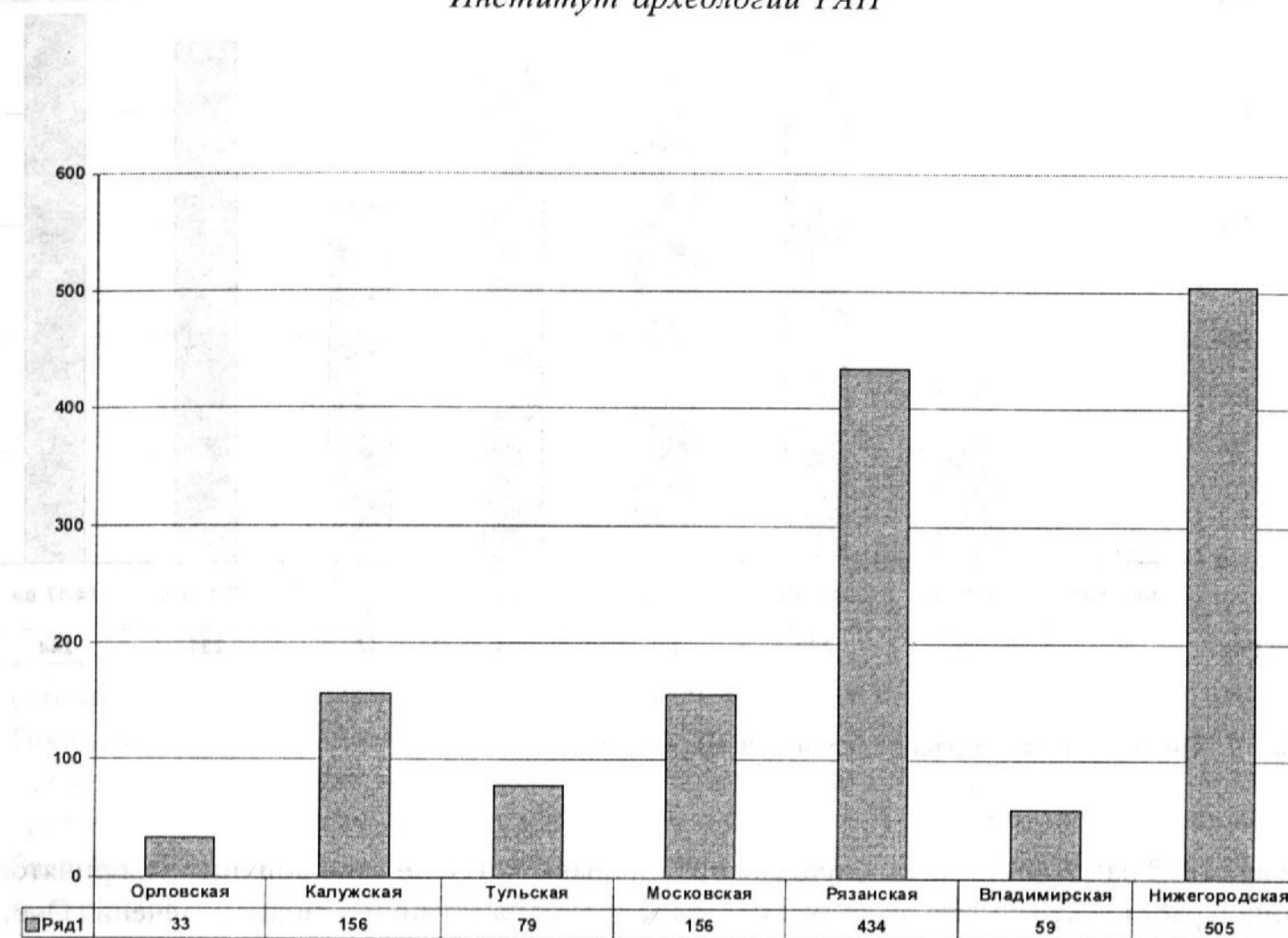


Рис. 1. Распределение памятников по областям.

Ока — правый и один из основных притоков Волги. Протяженность реки 1500 км. Площадь бассейна — 245 тыс. кв. км.

История систематических исследований Поочья началась в основном в 70—80-е гг. XIX в., в том числе и попытка создания региональных археологических карт в конце XIX—начале XX в. Работы в Поочье не прекращались никогда. Пик археологических исследований приходится на 80-е—90-е гг. XX в., когда значительными по объему разведочными работами практически во всех областях региона Поочья были открыты сотни памятников. Исследования продолжаются и в настоящее время. В результате всех этих исследований мы имеем 1418 археологических объектов на основном русле. Это памятники всех эпох от палеолита до позднего средневековья. Обозначить это число стало сравнительно легковозможным благодаря серии книг «Археологическая карта России» (далее АКР), которую выпускает Отдел археологических сводов и карт Института археологии РАН. В 1992 г. вышла первая книга серии по Орловской области. И вот теперь с выходом в 2008 г. последней книги серии АКР, посвященной памятникам археологии Нижегородской области, впервые представилась реальная возможность обозреть все памятники течения Оки на всем протяжении от истоков до устья (это 7 областей: Орловская, Калужская, Тульская, Московская, Рязанская, Владимирская, Нижегородская), представленные в серии АКР¹. Отметим, что учесть все памятники Оки представляется весьма затруднительным — полевые исследования проводятся ежегодно и практически во всех регионах. Однако можно проследить динамику прирастания археологических источников на примере Калужской области и опять же с помощью книг указанной серии. Первое издание АКР по Калужской области вышло в 1992 г. — второе, дополненное и переработанное, — в 2006 г. За 15 лет, разделяющие эти тома, количество археологических памятников в регионе увеличилось более, чем на 200 единиц. Таковы реалии, таков тренд. А, стало быть, приведенную выше

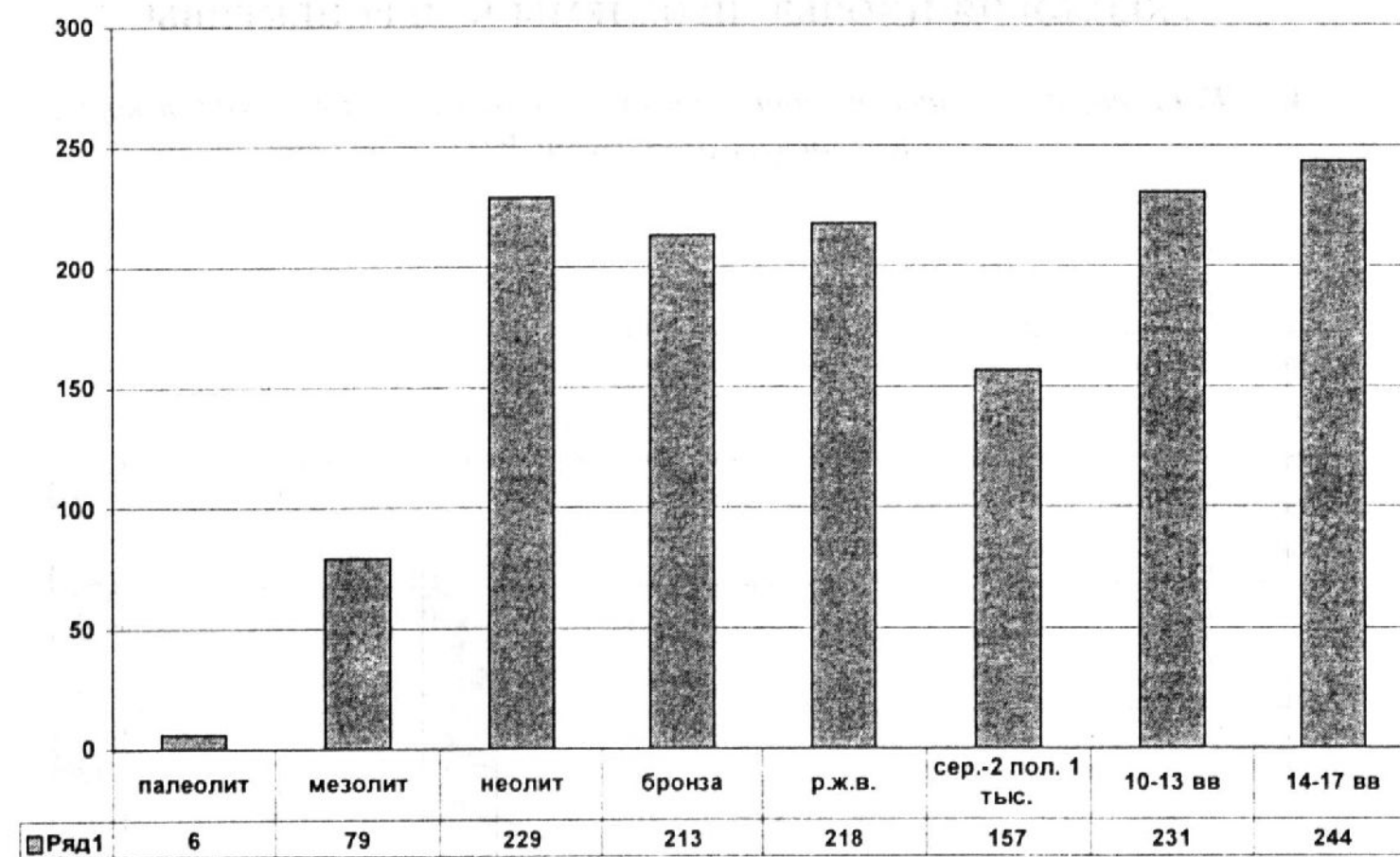


Рис. 2. Хронологическое распределение памятников.

цифру 1418 надо принимать с определенной поправкой. И еще одно допущение, принятое в данной работе. Это то, что здесь были учтены только памятники основного течения Оки, а стало быть, термин «Поочье» здесь может быть применен достаточно условно. Попытка собрать и проанализировать памятники всех эпох всего Поочья представляется не вполне реальным. Однако то, что это возможно для отдельных эпох, наглядно продемонстрировал д.и.н. А.Н. Сорокин в своей монографии «Мезолит бассейна Оки»², где были собраны воедино и проанализированы 673 памятника этой эпохи всего бассейна Оки, а стало быть, всего

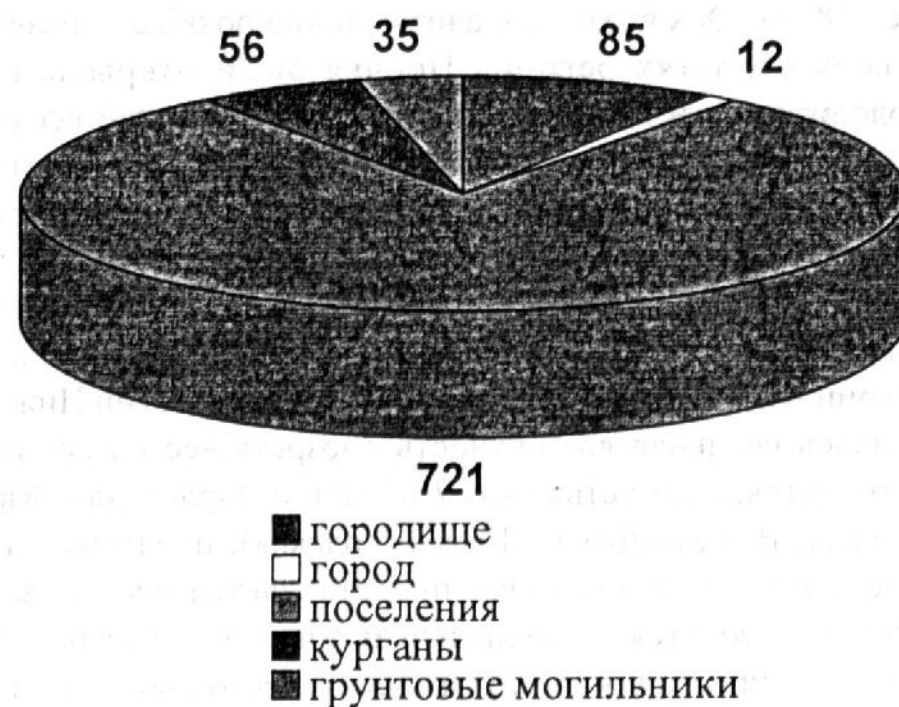


Рис. 3. Памятники археологии Оки (все эпохи).

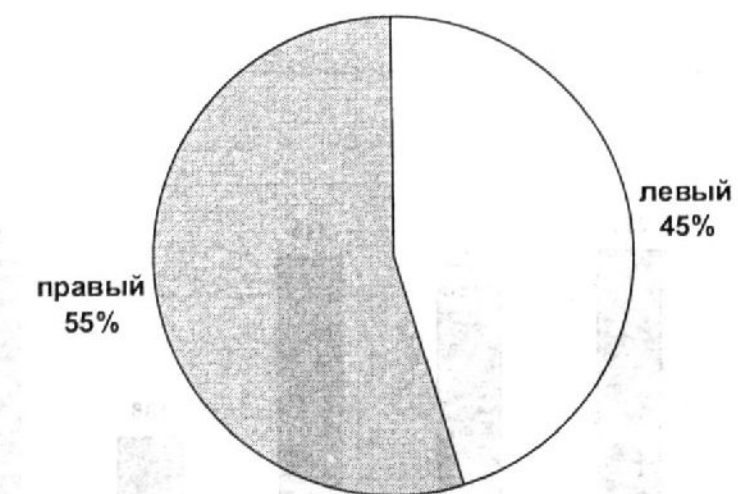


Рис. 4. Расположение памятников по берегам.

огромного географического пространства (11 регионов РФ), которое можно именовать Поочьем в широком значении этого понятия. Это почти в 18 раз больше, чем на основном русле. И это только памятники мезолита — далеко не самая многочисленная хронологическая группа. Соответственно, можно представить, что в полной сводке памятников археологии бассейна Оки может оказаться приблизительно в 20 раз больше памятников, т.е. не 1418, а более 28000 объектов всех эпох. Это гигантское поле для исследований, вспахать которое одному практически невозможно. Было бы целесообразно объединить усилия археологов различных регионов и специалистов по различным эпохам в одном проекте, который может завершиться коллективной монографией «Археология бассейна Оки», а скорее, серией монографий «Неолит бассейна Оки», «Древнерусские памятники бассейна Оки» и т.п. Проблемы, которые при этом проекте могут быть рассмотрены, следующие: а) географические аспекты (памятники и рельефные особенности их расположения, памятники левого и правого берегов основного русла, памятники на основном русле и на притоках и т.д.); б) проблемы динамики заселения Поочья с древнейших времен. Особенно хотелось бы обратить внимание на тот факт, что Ока является естественной западной границей Среднерусской возвышенности — правый берег Оки принадлежит именно этой возвышенности. Возможно, что для ряда археологических культур этот рубеж был существенным, а для других, напротив, преградой не являлся. Очень заманчиво подтвердить или отвергнуть эту гипотезу.

Распределение памятников по регионам Поочья весьма неравномерно: от 33 объектов в Орловской области до 505 в Нижегородской (рис. 1). Отчасти это объясняется недостаточно полной обследованностью Орловской области, но, главным образом, тем, что в нижнем течении Оки (в основном в Рязанской и Нижегородской областях) речная долина значительно расширяется (до 5 км), а большее число выявленных памятников расположены именно на этих пространствах.

Переходя непосредственно к предварительному (и пока ещё поверхностному) анализу памятников основного русла Оки, представим себе реальную картину по эпохам. Палеолитических памятников на Оке 6; к эпохе мезолита относятся 79; неолит и эпоха бронзы представлены почти поровну (229 и 213 соответственно); ранний железный век отмечен на 218 объектах; 157 памятников отнесены к середине — второй половине I тысячелетия н.э.; древнерусским временем (X—XIII вв.) датируются 231 памятник и поздним средневековьем (XIV—XVII вв.) — 244 (рис. 2). Обратим внимание, что в статистической сводке памятников по эпохам больше, чем всего археологических объектов, т.к. разные хронологические периоды на многослойных памятниках учитывались как отдельные поселения.

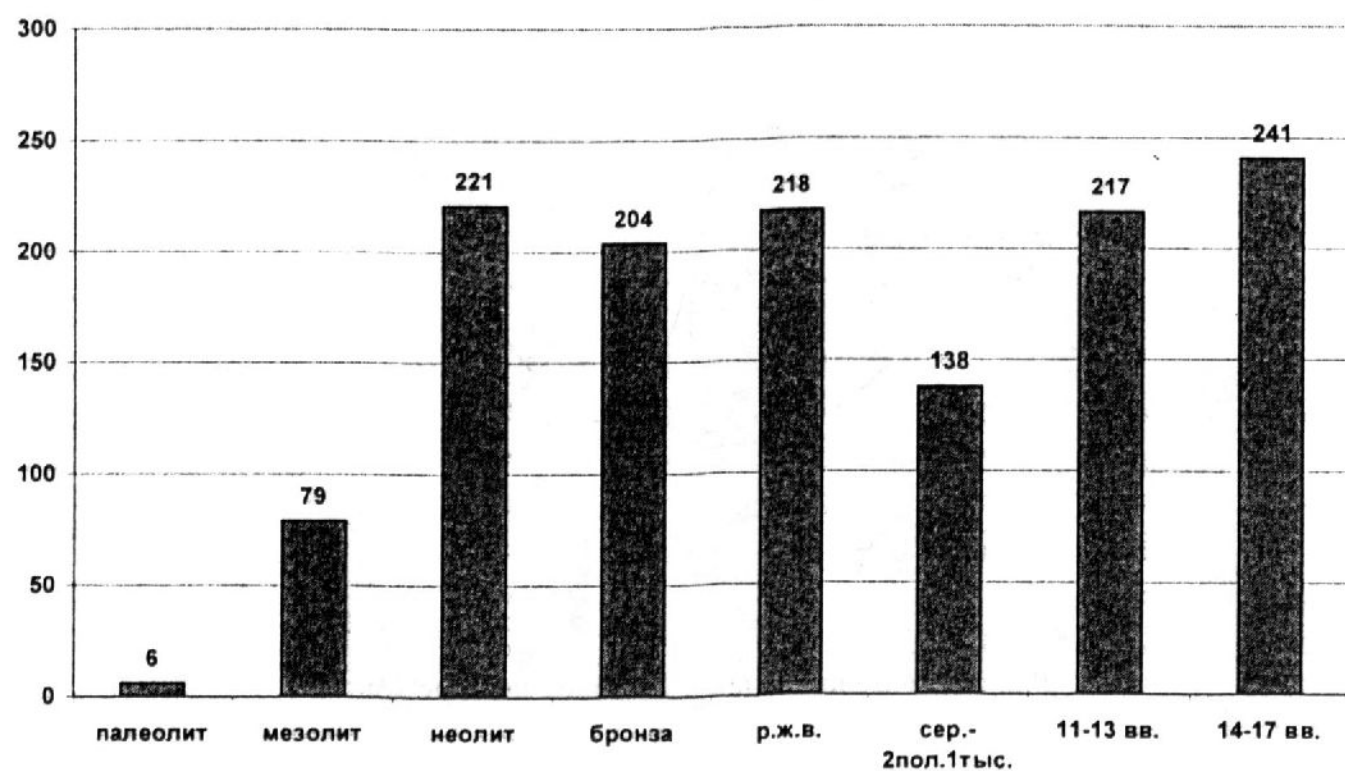


Рис. 5. Хронология поселений.

Теперь о номенклатуре памятников. На берегах Оки 85 городищ, 12 исторических городов, 721 неукрепленное поселение (стоянки, поселения, селища), 60 курганных могильников и одиночных курганов, 35 могильников грунтовых (рис. 3).

Сравнение расположения памятников по разным берегам Оки показало (рис. 4), что оно практически равномерно — 645 (45%) на левом берегу и 778 (55%) на правом. Этот результат оказался достаточно неожиданным, т.к. правый берег Оки в основном возвышенный; именно Ока является естественным географическим рубежом Среднерусской возвышенности.

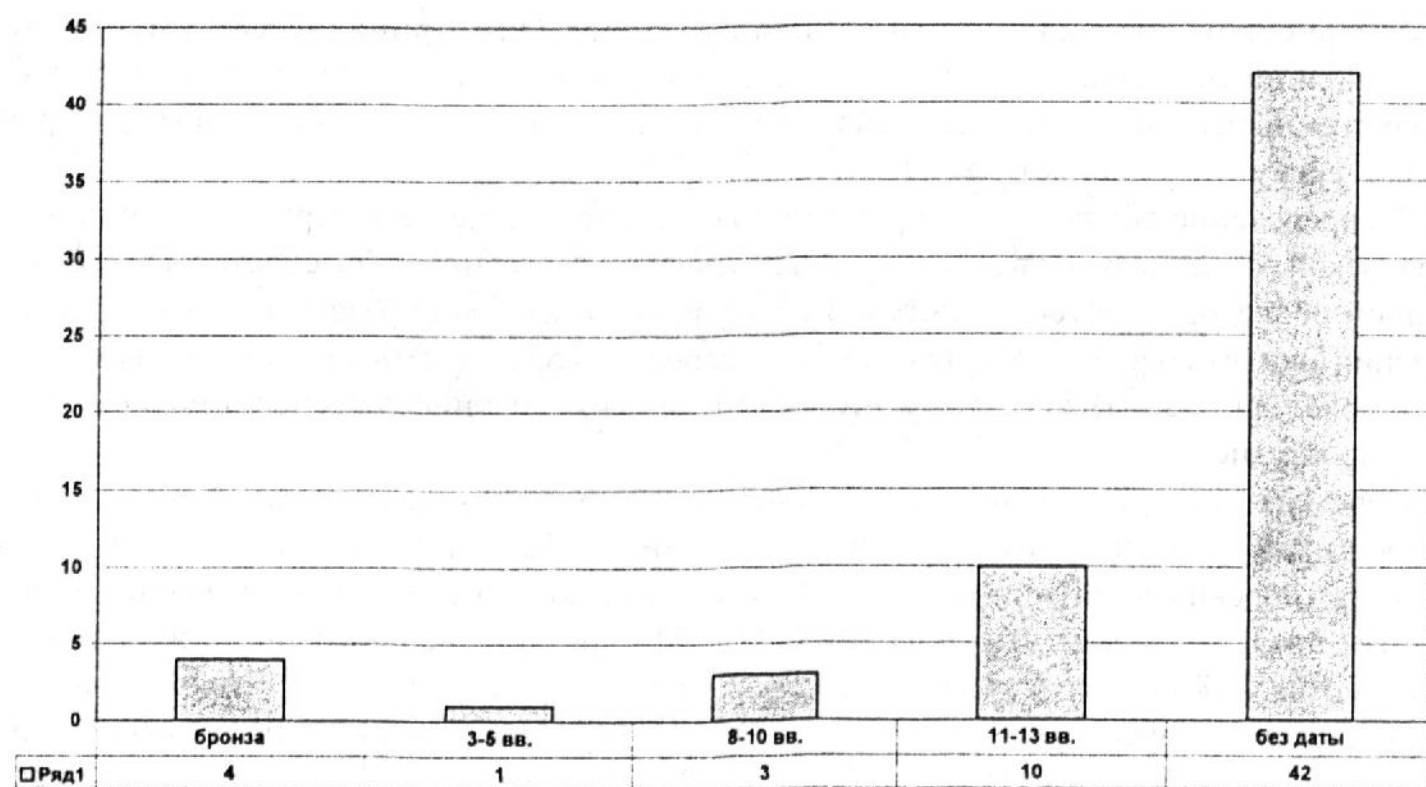


Рис. 6. Хронология курганных могильников.

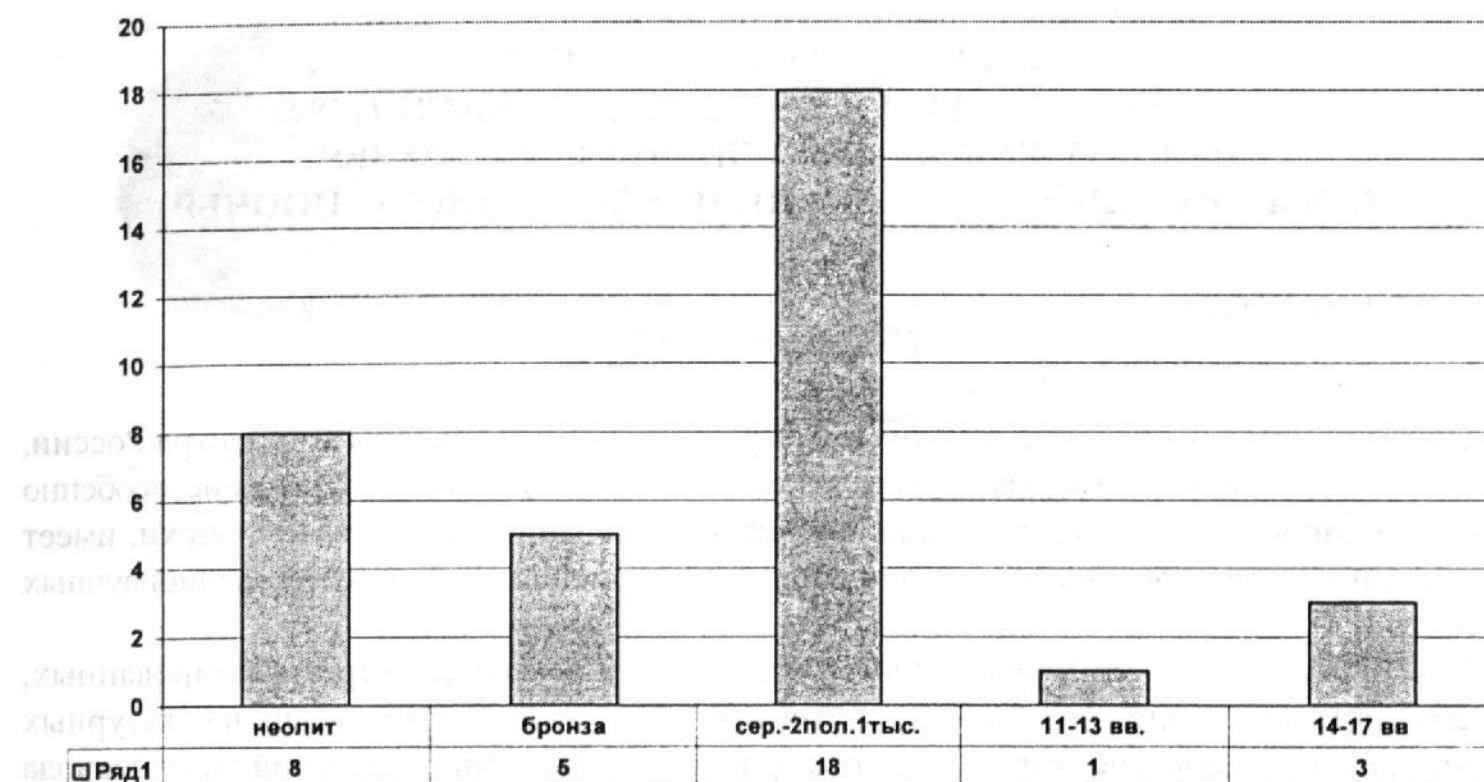


Рис. 7. Хронология грунтовых могильников.

Дальнейшие исследования в этом направлении, возможно, установят некоторую предрасположенность памятников различных эпох и различных культур к тому или иному берегу.

Рассмотрим теперь некоторые аспекты хронологии памятников. Сначала о поселениях (рис. 5). Стоянки эпохи палеолита, как обычно, сравнительно редки (их 6). А далее идёт нарастание памятников от мезолита (79) к неолиту (221) и эпохе бронзы (204). К раннему железному веку принадлежат 218 памятников (из них городищ 70). И далее по хронологии: памятников середины—второй половины I тысячелетия 138 (из них городищ 40), памятников X—XIII вв. 217 (из них городищ 44) и позднесредневековых памятников 241 (из них городищ 31).

Погребальные памятники Поочья представлены курганными (60) и грунтовыми (35) могильниками. Большая часть курганов не исследовалась и, соответственно, датировки не имеет. Четыре могильника относятся к эпохе бронзы. На одном могильнике встречены погребения мощинской культуры III—V вв., на трех могильниках — погребения роменской культуры. 10 могильников датируются древнерусским временем (рис. 6). Неолитические грунтовые погребения обнаружены в 8 пунктах, эпохи бронзы — в 5 пунктах. Могильников середины—второй половины I тысячелетия (в основном это рязано-окские могильники) в Поочье 18. В одном пункте зафиксированы грунтовые древнерусские погребения (рис. 7).

Такая разнообразная статистика памятников данного региона несомненно свидетельствует о перспективах дальнейшего исследования памятников практически всех эпох. В дальнейшем это должно углубить наши представления о древней и средневековой истории Поочья — одного из значимых географических регионов Центральной России.

¹ АКР. Калужская область. М., 1992; АКР. Орловская область. М., 1992; АКР. Рязанская область. Ч. 1. М., 1993; АКР. Рязанская область. Ч. 2. М., 1994; АКР. Рязанская область. Ч. 3. М., 1996; АКР. Владимирская область. М., 1995; АКР. Московская область. Ч. 1. М., 1994; АКР. Московская область. Ч. 2. М., 1995; АКР. Московская область. Ч. 3. М., 1996; АКР. Московская область. Ч. 1. М., 1997; АКР. Тульская область. Ч. 1. М., 1999; АКР. Тульская область. Ч. 2. М., 2002; АКР. Нижегородская область. Ч. 1. М., 2004; АКР. Калужская область. Изд. 2-е. М., 2006; АКР. Нижегородская область. Ч. 2. М., 2008 (полная библиография по регионам содержится в указанных книгах).

² Сорокин А.Н. Мезолит бассейна Оки. М. 2008.

ШЕРСТИСТЫЙ НОСОРОГ
COELODONTA ANTIQUITATIS BLUMENBACH (1799)
 ИЗ КАЛУЖСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ.
 (К ЗООАРХЕОЛОГИИ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ ПООЧЬЯ)

А.А. Чубур, к.и.н., Брянский государственный университет им. акад.
 И.Г.Петровского

Одной из важных проблем, стоящих перед региональными археологами центра России, является необходимость комплексного исследования памятников. Большое значение, особенно для понимания особенностей хозяйства и быта на поселениях первобытной эпохи, имеет изучение природного окружения древних поселений с помощью спектра естественнонаучных методов.

Поскольку в бассейне Верхней Оки пока не удалось выявить стратифицированных, залегающих *in situ* палеолитических памятников, в том числе и содержащих в культурных слоях палеонтологические остатки, судить о природном окружении поселений этого периода мы пока можем по случайным находкам плейстоценовой фауны в регионе. Серия наших работ была посвящена хоботным и тому, как морфология их зубной системы отражает изменения природно-климатической обстановки (Чубур, 1997, 2007; Чубур, Краснощекова, 2004). Настоящее сообщение будет посвящено рассмотрению еще одного характерного для верхнеплейстоценового териокомплекса вида — шерстистого носорога (*Coelodonta antiquitatis* Blumenbach, 1799).

Его остатки встречаются на порядок реже, чем останки мамонта, что, вероятно, отражает реальное соотношение численности этих животных в экосистеме и сходно с соотношением численности африканского слона и носорога в Кении (Чубур, 1996). Шерстистый носорог нередко был объектом охоты как мустьерского, так и верхнепалеолитического человека. Кости шерстистого носорога на территории Пooчья и сопредельных регионов выявлены в культурных слоях стоянок Быки 1 и 4 (Пены), Авдеево (верхний палеолит, Посеймье), Чулатово 3, Хотылево 1, Бетово (мустье, Подесенье), Пушкари 1, Новгород-Северский, Мезин, Чулатово 1, Супонево, Хотылево 2, (верхний палеолит, Подесенье), Шатрищи 2 (верхний палеолит, Пooчье). В Авдеево и Быках 1 шерстистый носорог отражен в произведениях малой пластики.

На территории Калужской области останки носорога немногочисленны. Отмечены они среди находок, собранных И.Д.Четыркиным в с.Стенино на р.Жиздре (Четыркин, 1900), но, к сожалению, этот материал почти весь утрачен и не может быть изучен современными методами. В Калужском областном краеведческом музее также хранятся обломки большой берцовой кости и верхний коренной зуб шерстистого носорога, однако точная привязка этих находок, к сожалению, была утрачена. Доступных в настоящее время для детального исследования находок две.

Первая выставлена в зале №1 Калужского областного краеведческого музея. Это череп шерстистого носорога (КОКМ. Кл 5017), найденный близ с. Колышево Дзержинского района Калужской обл. (54°32' с.ш., 36°03' в.д.) в долине р. Угры по ее правому берегу (первая надпойменная терраса?), недалеко от впадения в Оку (рис. 1 А). Плотная кость цвета спелого гороха свидетельствует о захоронении черепа в аллювиальных отложениях (скорее всего, русловых). Повреждения и люстраж некоторых участков поверхности свидетельствует о переотложении скелетных останков животного. Череп крупный, что сближает животное с верхнедеснинской популяцией и говорит о благоприятных условиях обитания. К востоку — в междуречье Дона и Оки (Чубур, Наумов, 2007) и к югу — на Сейме и на верхнем Псле — черепа мельче. Неполная сохранность не позволила в полной мере снять морфометрию, однако основные показатели все же удалось получить (таблица). При определении половой

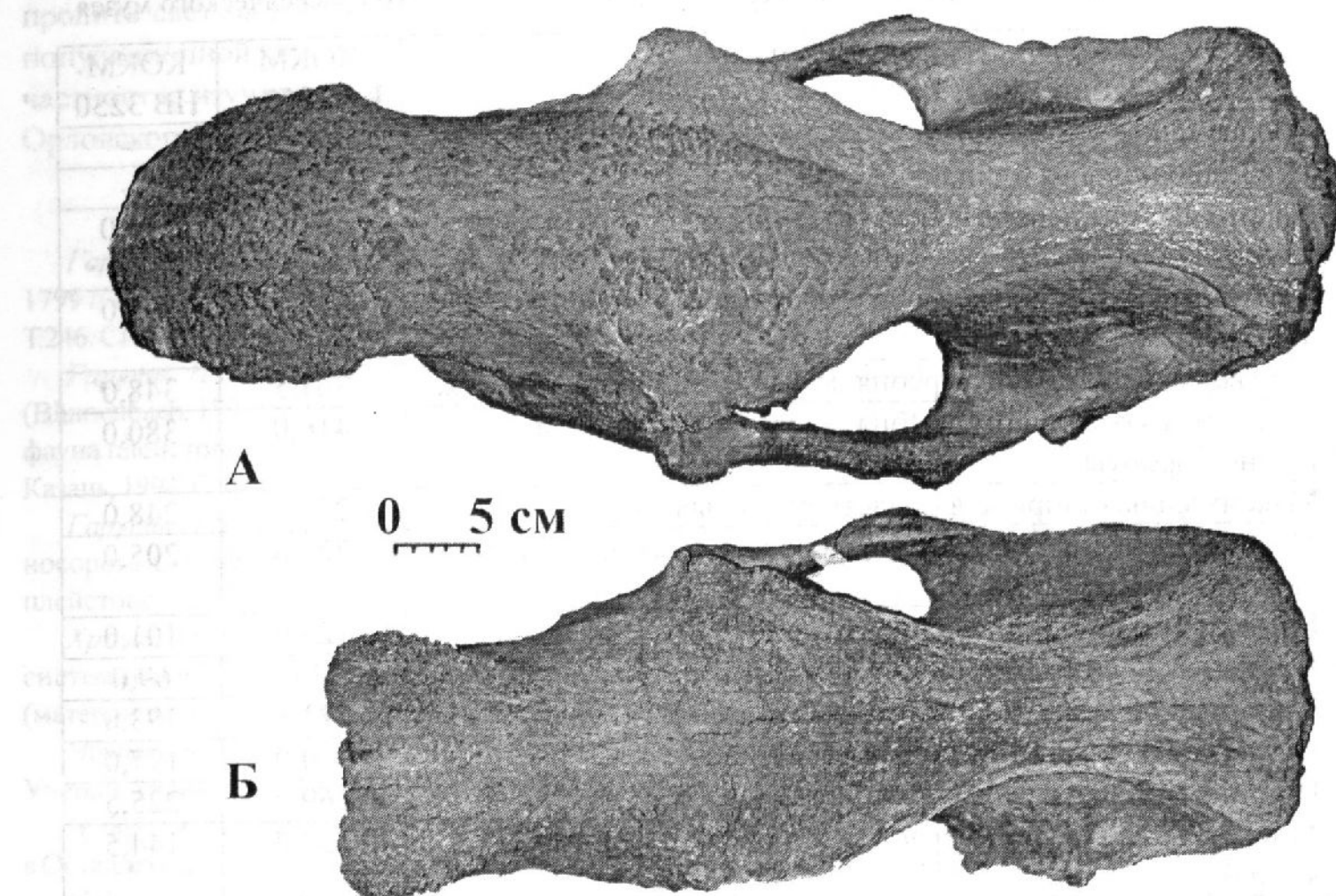


Рис. 1. Черепа шерстистого носорога *Coelodonta antiquitatis* Blumenbach, 1799 из Калужского областного краеведческого музея. А — КОКМ Кл 5017; Б — КОКМ НВ 3250.

принадлежности и снятия промеров использована методика, разработанная и апробированная Н.В.Гарутт (Гарутт, 1994).

Сохранность черепа неполная, сильно повреждены максиллярные и небные кости, их передняя часть, располагающаяся под носовым отверстием, отсутствует. Предчелюстные кости утрачены. В частично сохранившихся левых альвеолярах присутствуют зубы Р2 и Р3, в правых — лишь полуразрушенный Р4. Стирание зубов находится на стадиях VI—VII согласно схеме Н.В.Гарутт (все долиньки Р2 и Р3 замкнуты, средняя долинька Р4 разомкнута), что соответствует зрелому возрасту, старше 15—20 лет, но еще далекому от старости (Гарутт, 1992). Вероятно, череп принадлежал взрослому самцу. О возрасте, помимо зубной системы, свидетельствует полная степень срастания черепных швов, в том числе, между максиллярными и интермаксиллярными костями. О половой принадлежности говорят характерные для самцов крутоизогнутые вниз и трапециевидные в плане большие по площади носовые кости (что обеспечивает крепление крупного переднего рога), крыловидные разрастания носовой перегородки, выраженный переход от лобных костей к носовым, довольно массивные скуловые дуги, а также развитый и рельефный затылочный гребень и углубленная выйная поверхность. Сагиттально-затылочный угол равен 117°, а лобно-теменной 156°. Эти показатели позволяют отнести череп к выраженному долихокранному морфотипу *Coelodonta antiquitatus* (Гарутт, 1992).

Второй череп (КОКМ НВ 3250) поврежден в ещё большей степени. Он также происходит из руслового аллювия (кость на изломе цвета спелого гороха), но точное его место находки неизвестно — книга поступлений дает информацию лишь о том, что находка происходит с территории Калужской области. Отсутствуют верхнечелюстные, небные и предчелюстные кости, носовая перегородка и передняя часть носовых костей. Судя по степени срастания швов, череп принадлежал половозрелой особи, однако отсутствие зубов не позволяет уточнить возраст, в котором животное погибло. Достаточно тонкие скуловые дуги, невыраженность рельефа затылочного гребня и роговых мозолей и мелкий размер дают основания

Таблица. Черепа шерстистого носорога из Калужского краеведческого музея

Промер (в мм)	КОКМ	КОКМ
	Кл 5017	НВ 3250
Общая длина	825,0	—
Кондилобазальная длина	~750,0	—
Расстояние от внешнего края глазницы до носорезцовой вырезки	202,0	145,0
-- от верха затылочного гребня до скулового отростка лобной кости	325,5	296,0
-- от верха затылочного гребня до надглазничного отростка	367,5	348,0
-- от верха затылочного гребня до слезного отростка глазной орбиты	416,0	380,0
Максимальная ширина в области скуловых дуг	279,0	248,0
Максимальная ширина в районе сосцевидных выступов височной кости	227,0	205,0
Наибольшая ширина темени	125,0	101,0
Наименьшая ширина темени	83,0	69,0
Ширина в области скуловых отростков лобных костей	223,5	193,0
Ширина в обл. надглазничных отростков	220,0	177,0
Ширина в области слезных отростков	269,0	225,5
Мин. ширина в области срастания лобных и носовых костей	157,0	144,5
Макс. ширина носовых костей	195,5	161,0
Ширина носовых костей в средней части	164,0	—
Ширина носовых костей в суженной части	76,5	—
Ширина затылочных костей по внешнему краю гребня	219,0	180,0
Высота затылка от нижнего края мыщелков до верхней точки гребня	289,0	222,0
Расстояние между внешними краями затылочных мыщелков	143,0	138,0
Высота затылочного мыщелка	80,0	68,0

предполагать, что перед нами череп самки. Сагиттально-затылочный угол равен 111° , а лобно-теменной 154° . Таким образом, череп также относится к долихокранному морфотипу. Вытянутый череп с сильно отклоненной назад затылочной частью, как считает Н.В.Гарутт, характерен для особей с опущенной к земле головой, причиной чему было питание травянистым кормом в степных-тундростепных ландшафтах (Гарутт, 1999. С.157).

По нашим данным, для шерстистых носорогов южной части бассейна Десны, включая Посеймье, характерны долихокранные черепа. В то же время в верхнем течении Десны, включая бассейн Болвы, встречены черепа как брахиокранного, так и долихокранного типов (Чубур, Симоненко, 2004). Такова картина к югу и к юго-западу. К востоку же, в междуречье Оки и Дона, все черепа, изученные нами к настоящему моменту, относятся к долихокранному морфотипу (Чубур, Наумов, 2007).

По мнению А.А.Хромова, изучавшего носорогов среднего и нижнего Поволжья, черепа разных морфотипов нельзя относить к территориально или хронологически обособленным популяциям и, тем более, к разным видам носорога, как в последнее время делает Н.В.Гарутт. По его мнению, наличие разных морфотипов черепа — это проявление фенотипической изменчивости в рамках одного биологического вида (Хромов, 2005). Н.В.Гарутт же, изучавшая черепа на большой территории, придерживается мнения о природно-климатической приуроченности долихокранного и брахиокранного морфотипов. Таким образом, нет окончательной ясности: может ли морфология черепа шерстистого носорога служить надежным индикатором состояния древней природной зональности и особенностей ландшафта в месте находки. Исследование носорогов Поочья и сопредельных территорий может помочь

пролить свет на данную дискуссионную проблему. Для получения объективной картины популяционной изменчивости, конечно, недостаточно анализа двух находок. Необходимо, в частности, изучить черепа шерстистого носорога из фондов и экспозиций Белевского и Орловского краеведческих музеев и иных музейных собраний.

Литература

- Гарутт Н.В. Онтогенез зубной системы шерстистого носорога *Coelodonta antiquitatis* Blumenbach 1799 // История крупных млекопитающих и птиц Северной Евразии. Труды Зоологического ин-та РАН, Т.246. СПб, 1992. С.81—102.
- Гарутт Н.В. Морфология, эволюция и стратиграфия носорогов рода *Coelodonta antiquitatis* (Blumenbach, 1799) из коллекции геолого-минералогического музея Казанского университета // Волжская фауна плейстоценовых млекопитающих в геолого-минералогическом музее Казанского университета. Казань, 1994. С.76—107.
- Гарутт Н.В. Адаптация шерстистого мамонта *Mammuthus primigenius* Blumenbach и шерстистого носорога *Coelodonta antiquitatis* Blumenbach к нестабильным условиям природной среды позднего плейстоцена // Вопросы палеонтологии. Т.ХI. СПб., 1999. С.150—158.
- Хромов А.А. *Coelodonta antiquitatis* из неоплейстоцена Поволжья: морфология и вопросы систематики // Проблемы палеонтологии и археологии юга России и сопредельных территорий (материалы междунар. конф. 18—20 мая 2005 г.) Ростов-на-Дону, 2005. С.105.
- Четыркин И.Д. Находки близ г.Козельска в двух верстах от деревни Стенино // Известия Калужской Ученой Архивной Комиссии. Калуга, 1900. С.7—8.
- Чубур А.А. Распределение остатков гигантских фитофагов и возможные пути заселения Среднего Поочья в Осташковское время // Археологические исследования Среднего Поочья. Рязань, 1996. С.3—12.
- Чубур А.А. Мамонты Верхнего Поочья: особенности популяций и связь с палеолитическим человеком // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Тез.докл. VII конф. 17—18 апреля 1997 г. Калуга, 1998. С.3—5.
- Чубур А.А. Судьба филетической линии *Mammuthus* в бассейнах Десны и Верхней Оки // Современные проблемы биологической эволюции. К 100-летию Гос. Дарвиновского музея. М., 2007. С.72—73.
- Чубур А.А., Краснощекова С.Д. Зубы древнего лесного слона *Palaeoloxodon antiquus* Falconer (1847) с юга Орловской области // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы X Региональной науч. конф. 25—27 марта 2003 г. Калуга, 2003. С.651—653.
- Чубур А.А., Наумов А.Н. Плейстоценовая мегафауна Тульской области // Верхнее Подонье: Природа, археология, история. Т.1. Тула, 2007. С.59—78.
- Чубур А.А., Симоненко В.Е. Шерстистый носорог *Coelodonta antiquitatis* Blumenbach (1799) бассейна Болвы и сопредельного Подесенья // Деснинские древности. Вып.3. Брянск, 2004. С.67—75.

ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ С ТЕРРИТОРИИ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Д.В. Пежемский, с.н.с., НИИ и Музей антропологии им. Д.Н. Анучина
 М.А. Шмытов, студент, биологический факультет,
 Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Ни одно современное археологическое исследование, если только оно претендует на комплексность и высокий методический уровень, не может обходиться без данных естественных наук, тем более, если таковое направлено на изучение проблем расселения и адаптации, генезиса ископаемых и современных человеческих популяций, миграционных потоков и процессов метисации. С этой точки зрения данные палеоантропологии играют огромную, а иногда и решающую роль в интерпретации различных фактов, в построении тех или иных авторских моделей и концепций. Палеоантропологический материал довольно рано был осознан как ценный исторический источник. Методы использования этих биологических данных в науках гуманитарного круга разработаны к настоящему времени очень основательно (Богданов, 1882; Дебец, 1948; Алексеев, 1979, 1989). При достаточной численности исходного материала, то есть человеческих останков, добытых в ходе

качественных археологических работ, палеоантропологией могут ставиться и решаться собственно биологические проблемы, что, к сожалению, происходит значительно реже и только отчасти определяется объективными факторами, такими, как малочисленность или плохая сохранность материала.

В методологическом отношении отечественная палеоантропология прошла непростой путь развития, о чем нам уже доводилось писать (Жукова, Пежемский, Степанова, 2009). Легче всего это проследить на уровне организации материала. Во второй половине XIX—начале XX вв. уделялось внимание отдельным выборкам, как бы мы сейчас сказали, конкретным палеопопуляциям. При этом измерительная техника и методы анализа цифрового материала были еще несовершенны. Возможности использования результатов этих работ сейчас крайне ограничены. В этот период публикуется много индивидуальных данных, которые, с некоторыми оговорками, могут использоваться и в современных работах. Тогда же была заложена нездоровая тенденция рассматривать большие массивы данных, организуя их по принципу современного административного деления. Советская палеоантропология первой половины—середины XX в. обладала более совершенной методической базой, с той лишь оговоркой, что анализ цифрового материала проводился эмпирически, без применения методов многомерной статистики, которая и сама находилась еще в стадии разработки. В отношении организации материала произошли изменения, не способствовавшие детальному анализу конкретных выборок: большие серии стали формироваться по принципу «широких мазков», то есть с усреднением данных по относительно обширным территориям, — конкретная палеоантропологическая выборка, то есть палеопопуляция, начала теряться в больших пластах формализованной краниометрической информации. К этому стоит добавить, что группировка материала продолжала зачастую следовать тем или иным единицам современного административного деления без оглядки на то, что расселение древних популяций имело крайне слабую историческую связь с этим делением. Для славянских средневековых выборок группировка материала проводилась по археологическим культурам или летописным «этносам». Для палеоантропологических публикаций второй половины XX в. характерно почти полное исчезновение индивидуальных данных при широком применении методов многомерной статистики, которая, при всей своей позитивности, подменила собственно морфологический анализ. В отношении группировки материалов сохранялся метод «широких мазков», но в отдельных работах начал прослеживаться возврат к палеопопуляции — тенденция, которая на рубеже XX—XXI вв. стала приобретать все более четкие контуры. Именно поэтому нами уделяется большое внимание рассмотрению отдельных палеоантропологических выборок, в данном случае происходящих из бассейнов верховий Оки и Десны.

Кроме вышеозначенной методической проблемы для территории Калужской области характерна и еще одна, гораздо более прозаическая, — проблема элементарной изученности территории с точки зрения палеоантропологии. Если эпоха развитого средневековья представлена небольшим по численности палеоантропологическим материалом, то о населении позднесредневекового и раннего нового времени до сегодняшнего дня говорить не представлялось возможным. Новый материал из г. Козельска, впервые представляемый в данной работе, ставит Калужскую область в ряд регионов, таких как Московская, Новгородская, Псковская, Тверская, Ярославская, Липецкая, Тульская, Костромская области, на материалах которых в данный момент начинается комплексное изучение антропологических особенностей позднесредневекового русского населения.

Несмотря на серьезность поставленных проблем, цели данной конкретной работы значительно скромнее. Во-первых, мы хотели как-то обозначить и отчасти описать известные на сегодняшний день палеоантропологические материалы, происходящие с территории Калужской области (в рамках подготовки аннотированного каталога этих материалов), в том числе ввести в научный оборот новую серию из г. Козельска; во-вторых, провести предварительный сравнительный анализ части этих материалов в рамках палеопопуляционного подхода.

Материалами для данной работы послужили черепа из древнерусских курганов, раскопанных в XIX в., ныне хранящиеся в фондах НИИ и Музея антропологии им. Д.Н.Анучина МГУ, и новая серия черепов из г. Козельска.

Древнерусский материал происходит из курганов, расположенных в окрестностях г.Юхнов на р. Угре. Это курганный могильник 1 (собственно Юхнов) и курганный могильник 2 (Мокрое), исследованные Н.Г. Керцелли в 1876 г. в Юхновском уезде Смоленской губернии (ныне — Юхновский район Калужской области; АКР. Калужская область, 2006. С. 250). Изучено 10 черепов (инв. №1408—1418). Кроме этого, в Музее антропологии МГУ хранятся два черепа из раскопок В.К. Лабунского в 1890 г. в Зикеево (№1683) и в 1891 г. в Петровке (№1684), на данном этапе не вошедшие в работу (Жиздринский р-н Калужской области; АКР. Калужская область, 2006. С. 123—124). Данные материалы изучались А.П. Богдановым, Т.А. Трофимовой, Т.И. Алексеевой и для настоящей работы заново измерены авторами. Кроме того, нами привлечены данные Т.И. Алексеевой по черепам из курганов верховьев р.Снопот (левый приток р. Десны), также расположенных на территории Калужской области (АКР. Калужская область, 2006. С. 157) в непосредственной близости от границы со Смоленской областью (№1687, 1689—1691, 1694—1696, 1698—1699; Aleksejewa, 1966).

Козельск. В ноябре 2008 г. при проведении земляных экскаваторных работ к востоку от дома № 48 по ул. Веденева на глубине более одного метра были обнаружены костные человеческие останки, лежавшие рядами, без следов гробовищ. Выемка потревоженных земляными работами костей проводилась рабочими. Останки были помещены в два больших дощатых ящика и переданы в Козельское межрайонное отделение Калужского областного бюро СМЭ. Судебно-медицинская экспертиза, проведенная А.В. Радченко, А.М. Поляковым и Д.И. Чудновым, показала, что останки принадлежали не менее чем 77 индивидам. Кости посредственной сохранности, имели серый и светло-коричневый цвет, были лишены характерного трупного запаха (лёгкие, хрупкие, с большим количеством посмертных разрушений — трещин, обломов, обнажений губчатого вещества). На костях полностью отсутствовали остатки волос, хрящей и сухожилий. Все это говорит об их значительном возрасте. Каких-либо прижизненных повреждений на костях не обнаружено. По данным судебно-медицинской экспертизы два черепа принадлежали детям. К моменту, когда мы узнали об этом материале, он уже был основательно поврежден при транспортировке и хранении. В Козельском филиале КОКМ нами был произведен отбор пригодного для измерения и описания краниологического материала. В итоге было отобрано 24 черепа. В процессе разбора было замечено большое количество костей с неприсосшими эпифизами, что говорит о присутствии в выборке заметного количества индивидов детского и подросткового возраста. Несмотря на полное отсутствие археологических данных, мы можем попытаться сформулировать два варианта интерпретации этой находки. Во-первых, велика вероятность того, что была разрушена часть средневекового грунтового кладбища (по данным И.В. Болдина в XVIII—XIX вв. никаких поселенческих структур на этом месте не было, да и сохранность костей говорит о более древнем возрасте останков). Стоит также обратить внимание на полное отсутствие каких-либо артефактов. Вторая гипотеза может быть обоснована, только если находка представляла собой коллективное захоронение. В таком случае ее можно интерпретировать как городскую скудельницу позднего средневековья. Исходя из сохранности костей, практически невозможно предположить поздний возраст останков — XIX или XX вв. Для установления абсолютного возраста найденных костей были взяты образцы с целью их радиоуглеродного анализа (C¹⁴).

Методы. В работе применены традиционные палеоантропологические методы: стандартная краниометрическая программа (Martin, 1928; Алексеев, Дебец, 1964), метод детального морфологического описания (Герасимов, 1955. С. 112—123), методы одномерной статистики и эмпирический сравнительный анализ.

Характеристика краниологической серии древнерусского времени из бассейна Угры

Мужские черепа мезокранны, мозговая коробка их характеризуется средними абсолютными размерами, в том числе средневысоким сводом (табл. 1). Лоб среднеширокий, как по абсолютным размерам, так и по лобно-поперечному указателю. Лицо средней ширины, высотные характеристики его также относятся к категории средних, однако малочисленность наблюдений не позволяет уверенно это утверждать. В целом лицевой отдел хорошо профилирован в горизонтальной плоскости (назомаллярный и зигомаксиллярный углы

Таблица 1. Краниометрическая характеристика древнерусского населения бассейна р. Угры

№ по Марти ну	Название признака	Мужчины					Женщины			
		n	X	S	min	max	n	X	min	max
1.	Продольный диаметр	5	182,1	5,3	176,0	189,5	4	168,4	164,0	173,0
8.	Поперечный диаметр	6	140,6	6,5	131,5	151,0	3	137,3	135,0	141,0
8/1.	Черепной указатель	5	78,3	4,0	74,6	83,4	3	81,2	79,8	82,3
17.	Высотный диаметр	6	136,1	5,2	130,0	143,5	3	120,7	101,0	137,0
17/1.	Высотно-прод. указатель I	5	73,3	3,0	72,6	79,3	3	71,2	61,6	80,4
17/8.	Высотно-попер. указатель I	6	96,9	2,3	94,2	99,6	3	87,8	74,8	100,7
5.	Длина основания черепа	6	100,9	2,7	97,5	104,5	2	94,0	93,0	95,0
20.	Ушная высота	7	115,0	7,2	104,0	124,0	2	114,0	111,0	117,0
20/1.	Высотно-прод. указатель II	5	64,9	3,8	61,5	69,3	2	66,5	64,2	68,8
20/8.	Высотно-попер. указ. II	6	83,1	1,9	79,7	85,0	2	82,4	78,7	86,0
9.	Наименьшая ширина лба	5	96,8	2,7	94,0	101,0	4	88,1	84,5	93,0
10.	Наибольшая ширина лба	5	118,6	8,4	111,0	132,0	4	113,0	104,0	119,0
11.	Ушная ширина	7	121,8	2,0	119,0	124,0	3	121,5	119,0	123,0
12.	Ширина затылка	7	110,6	2,3	107,0	114,0	4	105,5	99,0	113,0
40.	Длина основания лица	2	97,3	—	92,5	102,0	3	90,8	89,0	93,5
45.	Скуловой диаметр	2	128,5	—	127,0	130,0	2	122,0	121,0	123,0
48.	Верхняя высота лица	3	69,0	—	66,0	71,0	5	64,2	59,5	68,0
43.	Верхняя ширина лица	4	105,6	—	103,0	108,5	4	98,6	96,0	101,0
46.	Средняя ширина лица	4	91,5	—	84,5	96,5	3	88,1	83,0	92,5
55.	Высота носа	4	50,1	—	45,0	54,5	4	46,6	45,0	48,5
54.	Ширина носа	4	25,1	—	22,8	26,1	4	23,4	22,0	25,0
54/55	Носовой указатель	4	50,1	—	47,2	53,3	4	50,1	46,3	52,1
51.	Ширина орбиты от mf	4	41,3	—	40,2	43,2	4	39,5	37,9	40,5
52.	Высота орбиты	4	32,1	—	31,2	32,9	3	29,7	27,8	30,8
52/51	Орбитный указатель	4	77,8	—	75,7	81,8	3	75,9	70,7	80,5
MS.	Максиллофронт. ширина	4	21,4	—	20,4	22,7	4	21,0	19,1	24,0
MS.	Максиллофронт. высота	4	9,5	—	7,3	11,4	4	6,4	3,9	8,0
SC.	Симотическая ширина	4	9,2	—	7,9	10,5	4	9,1	5,1	12,3
SS.	Симотическая высота	4	4,5	—	3,5	5,6	4	6,0	2,0	13,9
SS/SC	Симотический указатель	4	48,9	—	41,0	55,5	5	52,5	26,8	113,0
77.	Назомаллярный угол	4	136,5	—	135,0	140,0	4	147,0	138,2	159,1
∠Zm	Зигмаксиллярный угол	3	128,7	—	125,1	130,6	2	128,4	124,5	132,3

характеризуются малыми величинами). Орбиты среднеширокие и низкие как по абсолютным размерам, так и по указателю. Нос средних размеров и пропорций с тенденцией к малой высоте. Переносе развито значительно, симотическая ширина относится к категории средних, симотическая высота — больших величин. Оценить степень однородности данной выборки не представляется возможным в силу ее малочисленности.

Женские черепа брахикранны (за счет малого продольного диаметра) и характеризуются абсолютно и относительно низким сводом (табл. 1). Лоб узкий, расширяющийся в заднем направлении. Лицо небольших размеров — высота и ширина средние, однако их значения сильно сдвинуты в сторону малых. Яркой особенностью лицевого скелета женской части выборки является горизонтальная профилировка — фиксируется сильная уплощенность лица на верхнем уровне и малая на нижнем. Данная морфологическая особенность у древнерусского населения уже специально обсуждалась (Трофимова, 1941. С.212—218). Орбиты среднеширокие и очень низкие, как по абсолютным размерам, так и по указателю. Нос, в соответствии с небольшим лицом, малых размеров и средних пропорций (мезоринный). Переносе развито значительно, симотическая ширина относится к категории средних, симотическая высота — больших величин.

Попытаемся на уровне категорий сравнить краниологические комплексы, характерные для мужской и женской частей палеопопуляции, жившей в бассейне р. Угры в древнерусское время. Как видим, существенные различия между мужскими и женскими черепами наблюдаются только по форме мозговой коробки — женская значительно короче (брахикранная) и ниже, и уплощенности лица на верхнем уровне, значительно более выраженной у женщин. В силу большого сходства других краниологических особенностей мужских и женских черепов, указанным различиям на данном этапе исследования не стоит придавать большого значения. Это связано как с малочисленностью исходного материала, так и с возможностью объяснить различия нормальной изменчивостью полового диморфизма.

Характеристика краниологической серии древнерусского времени из бассейна Снопота

Еще одна краниологическая серия, происходящая с территории Калужской (и частично Смоленской) области, специально нами на данном этапе не изучавшаяся, была привлечена в качестве сравнительного материала. Это черепа из курганов, расположенных в верховьях р. Снопот (Доброселье, Трошковичи, Шуя; раскопки Н.И. Булычева и Ю.Г. Гендуне 1899 г.), описанные нами по литературным данным (Aleksiejewa, 1966). Стоит обратить внимание, что Т.А. Трофимова, использовавшая эти черепа в своей работе, относил их к Мосальскому уезду Калужской губернии (Трофимова, 1946. С. 134), а в Каталоге краниологических коллекций Института и Музея антропологии МГУ они отнесены к Брянскому уезду Орловской губернии (Алексеева, Ефимова, Эренбург, 1986. С. 145).

Мужские черепа из этих курганов долихокранны, с высоким сводом, среднешироким лбом, средневысоким и среднешироким, хорошо профилированным в верхней части лицом, широкими и низкими орбитами, среднешироким носом и значительно развитым переносем (табл. 2).

Сравнение средневекового населения бассейна Угры с населением верховьев Десны по данным краниологии позволяет обнаружить существенную разницу между этими палеопопуляциями. Различия заключаются в первую очередь в резкой долихокрании, более высоком своде, более широком лице, более узком и высоком переносе у группы из бассейна верхней Десны (табл. 2). Как нам кажется, указанные особенности хорошо согласуются с данными о краниологических отличиях между смоленскими кривичами и вятичами (Трофимова, 1941, 1946; Алексеева, 1973). Таким образом удалось наметить «антропологическую границу» между этими двумя большими древнерусскими племенами. Характерно, что именно здесь фиксируется реальная, по выражению В.В. Седова, «этнографическая граница» между смоленскими кривичами и вятичами (Седов, 1975, 1999. С. 240—241), однако детали соотношения этих двух границ — дело будущих исследований.

Для более рельефного сравнения рассматриваемых материалов нами были привлечены краниологические данные по нескольким группам восточных славян, опубликованные Т.И.Алексеевой. Это вятичи верхнего течения Москвы-реки и Истры (так называемая I

Таблица 2. Сравнительная краниометрическая характеристика древнерусского населения водораздела Десны и Оки. Мужчины

№	Название по Мартину	бассейн р. Угры	верховья р. Снопот	Вятичи 1 гр.	Вятичи 2 гр.	Вятичи 3 гр.	Кривичи смоленские
1.	Продольный диаметр	182,1	189,8	184,2	181,9	182,7	184,7
8.	Поперечный диаметр	140,6	136,8	133,8	136,4	134,4	133,1
8/1.	Черепной указатель	78,3	71,6	72,7	75,7	73,7	71,7
17.	Высотный диаметр	136,1	138,7	134,9	135,7	134,5	134,6
17/1.	Высотно-продольный указ.	73,3	73,1	72,7	74,7	73,5	75,2
17/8.	Высотно-поперечный указ.	96,9	102,0	—*	103,0	102,6	101,1
5.	Длина основания черепа	100,9	105,6	94,0	101,7	102,0	101,9
9.	Наименьшая ширина лба	96,8	98,2	—*	94,5	94,4	95,6
45.	Скуловой диаметр	128,5	135,0	130,4	130,3	129,9	132,2
55.	Высота носа	50,1	50,8	48,9	50,6	47,7	49,8
54.	Ширина носа	25,1	24,7	25,4	24,4	24,8	25,0
54/55.	Носовой указатель	50,1	49,1	52,6	51,1	52,6	50,0
51.	Ширина орбиты от mf	41,3	43,0	41,7	41,3	41,9	42,6
52.	Высота орбиты	32,1	32,3	32,1	31,3	31,8	32,0
52/51.	Орбитный указатель	77,8	75,0	77,1	76,1	76,0	75,3
SC.	Симотическая ширина	9,2	10,5	—*	9,0	8,8	9,1
SS.	Симотическая высота	4,5	4,6	3,9	4,6	4,1	4,2
SS/SC.	Симотический указатель	48,9	43,8	45,7	52,1	45,8	47,6
77.	Назональный угол	136,5	136,3	138,0	136,7	137,3	138,4
ZZm'	Зигмаксиллярный угол	128,7	126,0	128,4	127,9	126,2	126,9

* Эти данные в таблицах Т.И. Алексеевой изданы, судя по всему, с опечатками.

группа вятичей), вятичи среднего течения Москвы-реки (II группа вятичей), вятичи междуречья Москвы-реки и Клязьмы (III группа вятичей) и смоленские кривичи (Алексеева, 1973. С. 277—281, 287—288). Результаты данного этапа сравнительного анализа оказались крайне любопытными. Население бассейна верхней Десны не обнаруживает сходства с группами вятичей, его краниологические особенности находят однозначные параллели с таковыми у смоленских кривичей. Тем не менее, курганное население с берегов Снопота отличается и от суммарной выборки последних, существенно сдвигаясь в сторону еще большей специфики — их черепа заметно гиперморфнее, свод выше, лицо шире, а переносье еще более профилировано. С осторожностью можно говорить о сходстве морфологии их черепа с краниологическими чертами, присущими гиперморфным балтским популяциям. Что касается населения бассейна Угры, то максимальное морфологическое сходство оно обнаруживает с суммарной выборкой вятичей среднего течения Москвы-реки.

Характеристика краниологической выборки из бассейна Жиздры — г. Козельска

Мужские черепа брахикранны и гипоморфны (табл. 3). Мозговая коробка очень короткая и среднеширокая, малой высоты. Длина основания черепа и длина основания лица характеризуются малыми величинами. Лоб среднеширокий как по абсолютным размерам, так и по лобно-поперечному указателю. Лицо очень низкое, узкое, средне профилированное на верхнем уровне и клиногнатное на нижнем. Орбиты узкие и очень низкие по абсолютным величинам, по указателю — средних пропорций (мезоконхия). Нос узкий, очень низкий, по указателю мезоринный. Переносье развито значительно, как по указателю, так и по абсолютным размерам — симотическая ширина относится к категории больших, симотическая высота — средних.

Женские черепа охарактеризовать сложно, так как размер выборки очень мал — всего 5 индивидов, кроме того, их сохранность оставляет желать лучшего (табл. 3). Предварительно женские черепа можно охарактеризовать как мезокранные, значения продольного и поперечного диаметра лежат в пределах средних величин. Лоб узкий по абсолютным величинам и по указателю. Лицо средневысокое, узкое, предположительно хорошо профилированное. Орбиты очень узкие, средневысокие по абсолютным величинам, по указателю высокие (гипсиконхия). Нос узкий, средневысокий. Переносье развито значительно, как по указателю, так и по абсолютным размерам — симотическая ширина и высота относятся к категории больших размеров.

Теперь необходимо кратко обратиться к вопросу о возможном сходстве курганного населения Калужской области (р. Угра) с населением из Козельска. Наиболее надежные наблюдения можно сделать только для мужских выборок и предварительно решить вопрос следующим образом. В силу отсутствия кардинальных различий в строении черепа сравниваемых выборок стоит с большим вниманием отнестись к гипотезе об их генетических взаимосвязях. До поступления новых фактов фиксируемые небольшие отличия между ними, в том числе в строении мозговой капсулы, возможно рассматривать как эпохальные изменения, в частности, проявление неоднократно описанного процесса брахицефализации. Если обратиться к женским черепам, то, в случае адекватности полученных краниологических данных по козельской популяции, следует отметить ее резкое несходство с женской выборкой древнерусского времени.

Для проведения следующего этапа сравнительного анализа были привлечены данные по позднесредневековому населению Московского региона, наиболее близкого в географическом отношении (табл. 4). Это краниологические выборки XIV—XVI вв. из г. Дмитрова (неопубликованные данные Н.Н. Гончаровой), XVI—XVII/XVIII вв. из с. Никольское, р.Химка (Трофимова, 1941. С. 202—203; Дебец, 1948. С. 239), и XVIII в. из с. Козино близ г.Звенигорода (неопубликованные данные А.А. Евтеева¹).

¹ Пользуясь случаем, выражаем искреннюю признательность и благодарность за возможность воспользоваться неопубликованными данными нашим коллегам — сотрудникам НИИ и Музея антропологии МГУ Н.Н. Гончаровой и А.А. Евтееву.

Таблица 3. Морфометрическая характеристика черепов из г. Козельска

№ по Марти ну	Название признака	Мужчины					Женщины			
		n	X	S	min	max	n	X	min	max
1.	Продольный диаметр	15	170,6	7,6	155,5	181,0	2	170,5	163,0	178,0
8.	Поперечный диаметр	14	139,0	4,7	130,0	145,5	3	134,3	132,5	135,5
8/1.	Черепной указатель	13	81,4	3,2	76,3	89,3	2	78,6	75,8	81,3
17.	Высотный диаметр	15	131,8	4,8	122,5	140,0	1	126,0	—	—
17/1.	Высотно-прод. указ. I	15	77,4	3,6	68,6	82,8	1	70,8	—	—
17/8.	Высотно-попер. указ. I	13	94,6	3,6	86,3	99,3	1	93,3	—	—
5.	Длина основания черепа	15	97,5	5,0	85,5	106,0	1	106,0	—	—
20.	Ушная высота	14	112,4	3,4	107,0	117	—	—	—	—
20/1.	Высотно-прод. указ. II	14	65,6	2,4	61,9	69,9	1	68,1	—	—
20/8.	Высотно-попер. указ. II	13	80,8	2,3	75,4	83,9	1	83,8	—	—
9.	Наименьшая ширина лба	14	94,0	6,8	83,0	111,0	5	89,4	85,0	95,5
10.	Наибольшая ширина лба	14	119,9	5,5	108,0	128,5	5	113,4	107,0	122,0
11.	Ушная ширина	13	122,2	3,7	115,0	129,5	3	126,0	105,5	115,5
12.	Ширина затылка	16	105,7	4,2	98,5	113,5	2	106,0	101,5	104,5
40.	Длина основания лица	8	93,8	7,1	81,5	100,0	—	—	—	—
45.	Скуловой диаметр	3	127,2	—	125,0	131,0	—	—	—	—
48.	Верхняя высота лица	10	64,8	4,1	57,0	72,0	3	65,3	65,0	66,0
43.	Верхняя ширина лица	7	100,3	3,6	93,0	104,5	3	94,3	91,0	98,0
46.	Средняя ширина лица	8	94,8	5,5	86,5	100,0	3	88,0	83,0	92,0
55.	Высота носа	11	47,3	3,1	41,5	53,0	4	48,1	45,0	54,0
54.	Ширина носа	11	23,8	1,2	22,5	26,5	2	24,2	23,6	24,8
54/55.	Носовой указатель	10	50,6	5,5	43,4	62,2	1	43,7	—	—
51.	Ширина орбиты от mf	12	39,8	1,5	37,4	42,7	4	36,6	35,5	38,1
52.	Высота орбиты	12	30,4	1,5	27,0	32,5	4	32,3	31,0	33,0
52/51.	Орбитный указатель	12	76,6	5,7	64,3	85,8	4	88,2	85,0	93,0
MC.	Максиллофронт. ширина	12	21,5	1,8	19,8	26,2	3	20,0	19,4	20,5
MS.	Максиллофронт. высота	12	7,7	1,7	5,7	11,3	3	7,2	6,2	9,3
SC.	Симотическая ширина	11	9,7	1,9	6,9	13,8	4	9,9	8,5	11,4
SS.	Симотическая высота	11	3,8	0,9	2,0	4,7	4	3,9	2,1	5,0
SS/SC.	Симотический указатель	11	39,2	9,8	21,7	50,5	4	38,9	22,8	47,6
77.	Назональный угол	7	141,4	2,9	136,4	144,7	2	141,8	140,2	143,3
$\angle Zm'$	Зигмаксиллярный угол	8	129,3	7,0	120,8	142,2	2	127,9	127,1	128,7

Таблица 4. Сравнительная краниометрическая характеристика черепов из Козельска с позднесредневековыми сериями Подмосквья. Мужчины

№ по Марти ну	Название признака	Козельск (n=15)	Дмитров (n=52)	Никольское (n=75)	Козино (n<80)	Бельский уезд
1.	Продольный диаметр	170,6	184,1	177,5	182,4	175,3
8.	Поперечный диаметр	139,0	142,0	141,7	147,9	140,7
8/1.	Черепной указатель	81,4	77,1*	80,2	81,1	79,9
17.	Высотный диаметр	131,8	137,4	134,5	135,8	134,1
17/1.	Высотно-прод. указ.	77,4	74,6*	76,4	72,5	76,3
17/8.	Высотно-попер. указ.	94,6	96,8*	94,7	89,3	—
5.	Длина основания черепа	97,5	102,9	101,2	102,0	—
9.	Наим. ширина лба	94,0	97,4	98,4	99,3	96,7
45.	Скуловой диаметр	127,2	133,8	134,0	135,7	134,0
48.	Верхняя высота лица	64,8	70,3	68,3	70,3	67,6
55.	Высота носа	47,3	49,8	50,4	51,6	49,8
54.	Ширина носа	23,8	25,1	25,5	25,2	21,9
54/55.	Носовой указатель	50,6	50,4*	50,2	48,8	48,2
51.	Ширина орбиты от mf	39,8	42,0	—	41,2	—
52.	Высота орбиты	30,4	32,0	31,3	32,4	—
52/51.	Орбитный указатель	76,6	76,2*	—	78,8	79,7
SC.	Симотическая ширина	9,7	9,6	—	10,8	—
SS.	Симотическая высота	3,8	4,0	—	4,7	—
SS/SC.	Симотический указатель	39,2	41,7*	—	44,4	—
77.	Назональный угол	141,4	142,9	—	140,5	—
$\angle Zm'$	Зигмаксиллярный угол	129,3	130,4	—	129,9	—

* посчитано по средним

Нами уже отмечалась характерная черта козельской выборки — крайняя гипоморфность черепа в целом. В силу этого данная серия практически не находит себе параллелей в материалах, выбранных для сравнения. Исключением являются лишь указатели — черепной, высотно-продольный, высотно-поперечный, верхнелицевой и носовой, не очень значительно варьирующие у позднесредневекового населения рассматриваемого региона. По указателям серия из Козельска ближе всего расположена к серии из Никольского, однако это сходство достаточно условно.

В ходе работы над материалами данной работы нам удалось подметить факт, который при дальнейшей разработке может сыграть большую роль в понимании того, каким образом на основе древнерусского населения сформировались русские позднего средневековья и нового времени. В литературе неоднократно упоминалась очень специфическая, брахикранная краниологическая выборка, происходящая из курганов бывшего Бельского уезда Смоленской губернии (см., например: Трофимова, 1941. С. 211—213). Естественно, что получив брахикранную выборку из Козельска, мы сравнили их между собой. Следует отметить, что для полного отрицания связи между указанными палеопопуляциями у нас не хватает ряда

краниометрических данных, тем не менее, такой вывод напрашивается. Обратившись к другим выборкам, привлеченным к анализу, мы обнаружили практически идентичные краниометрические характеристики в серии из Никольского, что позволило нам задуматься над происхождением средневековых брахикранных краниологических вариантов на территории Русской равнины. Несколько слов стоит сказать о процессе брахикефализации, прослеженном А.П. Богдановым еще на ранних этапах изучения краниологии восточных славян; о феномене, изучению которого отдали много сил и времени такие исследователи, как Г.Ф. Дебец и Т.А. Трофимова. Казалось, факты позволяли уверенно говорить, что долихокранное население древнерусской поры испытало на себе действие ряда факторов, приведших к определенным микроэволюционным изменениям в строении мозговой капсулы — она приобрела ярко выраженную брахикранную форму. Данная модель была сформулирована для всего восточнославянского ареала и длительное время не вызвала сомнений. Первые сомнения появились после работ С.Л. Санкиной по краниологии средневековых популяций Северо-Запада. Дело в том, что ею, после детального пересмотра хронологии и культурной атрибуции имеющихся серий, был установлен факт резких, можно сказать, кардинальных изменений в строении как мозгового, так и лицевого отдела черепа изучавшихся выборок (Санкина, 1995, 2000). Причем, судя по новой хронологической атрибуции материалов, изменения эти произошли за очень короткий срок — около 100 лет. Многокомпонентность антропологического разнообразия средневекового населения Северо-Запада, неоднократно отмечавшаяся исследователями (см., например: Седов, 1952; Гончарова, 1995, 2000), позволила, как нам кажется, подобрать ключ к пониманию ряда микроэволюционных процессов, в том числе брахикефализации. Судя по всему, значение эпохальных поступательных изменений ранее было несколько преувеличено. Материалы Северо-Запада показывают, что брахикефализация, скорее всего, связана с этническими и/или демографическими процессами, приводящими к перераспределению конкретных древних фенотипов.

Отмеченное близкое сходство краниологических особенностей позднесредневековых русских (Никольское) с древнерусским населением бывшего Бельского уезда Смоленской губернии вполне может оказаться еще одним фактом, показывающим, что брахикефализация — это не столько всеобщий поступательный микроэволюционный процесс, сколько следствие этнических процессов, в ходе которых то одни, то другие группы проходят отбор и получают демографические преимущества. Все это будет справедливо только при условии, что курганы бывшего Бельского уезда Смоленской губернии действительно датируются древнерусским временем.

Предварительные результаты

1. Начата работа по пересмотру палеоантропологических материалов с территории Калужской области, направленная на создание их аннотированного каталога.
2. В результате сравнения древнерусских серий водораздела Оки и Десны удалось на уровне локальных выборок (палеопопуляций) провести «антропологическую границу» между двумя большими группами ископаемого населения, одна из которых была расселена в бассейне Верхнего Днепра и ныне связывается с летописными кривичами, а другая занимала бассейн Оки и Волго-Окского междуречья и традиционно описывается как вятичская.
3. Представлены новые краниологические данные по населению бассейна р. Жиздры (Козельск); результат сравнения этих материалов с некоторыми выборками позднесредневековых русских не позволяет на данном этапе привести им четких краниологических параллелей.
4. Сравнение козельской выборки с древнерусской выборкой из бассейна Угры позволяет указать на возможные истоки краниологических особенностей населения Козельска, однако этот вопрос требует дальнейшей проработки.
5. В перспективе необходимо особо изучить проблему связи древнерусского населения бывшего Бельского уезда Смоленской губернии с отдельными выборками позднесредневековых русских, в частности, с выборкой из Никольского.

Литература

- Алексеев В.П. Историческая антропология и этногенез. М., 1989.
 Алексеев В.П. Историческая антропология. М., 1979.
 Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М., 1964.
 Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М., 1973.
 Алексеева Т.И., Ефимова С.Г., Эренбург Р.Б. Краниологические и остеологические коллекции Института и Музея антропологии МГУ. М., 1986.
 Археологическая карта России /Под ред. А.В. Кашкина. Калужская область. М., 2006.
 Богданов А.П. Человек каменного века // Иностранцев А.А. Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. СПб., 1882. С. 91—104.
 Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу (Современный и ископаемый человек). М., 1955.
 Гончарова Н.Н. Антропология словен новгородских и их генетические связи. Автореф. дисс. ... канд. биол. наук. М., 1995.
 Гончарова Н.Н. Особенности антропологического типа новгородских словен в связи с вопросами происхождения // Народы России: от прошлого к настоящему. Антропология. Ч. II. М., 2000. С. 66—94.
 Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР // ТИЭ, новая серия. Т. IV. М.-Л., 1948.
 Жукова Е.Н., Пежемский Д.В., Степанова Ю.В. Древнерусское население Верхневолжья: погребальный обряд и палеоантропология (по материалам Избрижского могильника) // Вестник Тверского государственного университета. Вып. 1. Тверь, 2009 — в печати.
 Санкина С.Л. Антропологический состав и происхождение средневекового населения Новгородской земли. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 1995.
 Санкина С.Л. Этническая история средневекового населения Новгородской земли по данным антропологии. СПб., 2000.
 Седов В.В. Антропологические типы населения северо-западных земель Великого Новгорода // КСИЭ. Вып. XV. М., 1952. С. 72—85.
 Седов В.В. Древнерусская народность: Историко-археологическое исследование. М., 1999.
 Седов В.В. Смоленская земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975. С. 240—259.
 Трофимова Т.А. Кривичи, вятичи и славянские племена Поднепровья // СЭ, 1946, № 1. С. 91—136.
 Трофимова Т.А. Черепа из Никольского кладбища (К вопросу об изменчивости типа во времени) // Ученые записки МГУ. Вып. LXIII. 1941. С. 197—235.
 Aleksejewa T. Wschodniosłowiańskie czaszki z kurhanów plemiennych. Wrocław, 1966.
 Martin R. Lehrbuch der Anthropologie. Bd. I. Leipzig, 1928.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ИСТОЧНИКОВ СЫРЬЯ НА ТЕРРИТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА «ЧЕРТОВО ГОРОДИЩЕ» ДЛЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ КАМЕННОГО АНТРОПОМОРФНОГО ИЗВАЯНИЯ ИЗ Г. КОЗЕЛЬСКА

Н.С. Третьюхина, н.с.,

П.Н. Тихомиров, н.с.,

Российский Государственный геологоразведочный университет

В 2008 г. сотрудниками Российского государственного геологоразведочного университета в составе археологической экспедиции были проведены исследования горных пород, залегающих в основании археологического памятника «Чертово Городище». Целью данных исследований было определение минералогического и вещественного состава песчаников с территории городища и с каменного антропоморфного изваяния на предмет их идентичности.

Археологический памятник «Чертово Городище» располагается в пяти километрах к северо-востоку от г. Сосенский Козельского района Калужской области в районе распространения пород тульского горизонта визейского яруса нижнего отдела каменноугольной системы. В основании тульской свиты залегают аллювиальные и озерно-болотные пески кварцевые мелкие, алевролиты и черные углистые глины. Мощность данной

подсвита достигает 30 м. Выше залегают лагунные и мелководноморские отложения мощностью 10—30 м, представленные песками белыми кварцевыми мелкими косо- и горизонтальнослоистыми, песчаниками железненными, алевритами и глинами. Верхняя подсвита сложена белыми, желтыми песками, песчаниками, алевритами, алевролитами и глинами, с прослоями известняков темно-серых массивных, толстоплитчатых с гигантопродуктусами. Мощность верхней подсвита достигает 12 м. (рис. 1)¹.

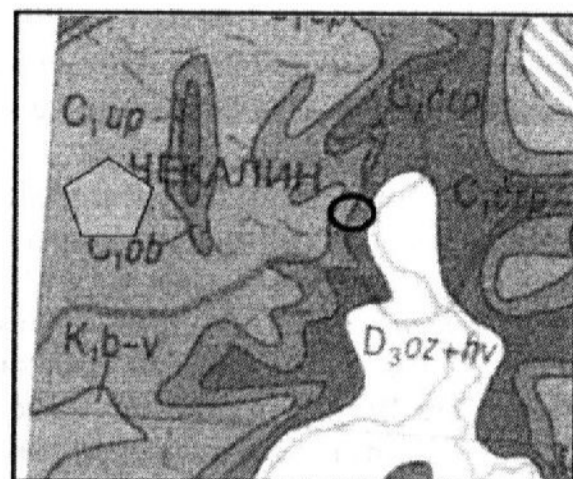


Рисунок 1. Геологическое строение района работ

Каменноугольная система	K ₁ D ₁ V	Меловая система. Берриас-валланкин. Пески, песчаники, алевриты, глины.
	C ₁ T	Тульский горизонт. Глины, пески, прослой песчаников, известняков.
	C ₁ B	Бобриковский горизонт. Глины, пески.
	C ₁ Ч	Черепетский горизонт. Глины, алевриты.
	C ₁ У	Упинский горизонт. Известняки, прослой мергелей и глин.
	D ₃ OZ+IV	Девонская система. Фаменский ярус. Озерский и хованский горизонты. Известняки, доломиты.
		Месторасположение городища

Рис. 1. Геологическое строение района работ.

Как видно из описания, породы тульской свиты представлены в основном терригенными образованиями и известняками. Возвышенные части рельефа сложены более плотными породами, менее подверженными процессам выветривания и денудации. На одном из таких возвышений, сложенных песчаниками, и расположено городище (рис. 2).

В ходе проведения исследований были отобраны образцы с каменного изваяния, хранящегося в Козельском филиале Калужского областного краеведческого музея и пород, расположенных на склоне холма городища, для корреляции их между собой с целью определения возможного места происхождения изваяния (рис. 3, 4). Песчаники, залегающие в верхней части разреза, в качестве исходного материала не рассматривались, так как имеют по всем признакам карбонатный цемент и, как следствие, большую твердость, чем песчаник, из которого было сделано каменное изваяние (рис. 5). Из образцов были получены шлифы для изучения под микроскопом². Проведенные исследования показали следующие результаты.

¹ Государственная геологическая карта Российской Федерации. Масштаб 1:1000000 (новая серия). Лист N—37 (38). СПб.: Изд-во ВСЕГЕИ, 1999 г.

² Исследования шлифов были проведены кандидатом геолого-минералогических наук, старшим научным сотрудником кафедры литологии Российского государственного геологоразведочного университета Агафоновой Г.В.

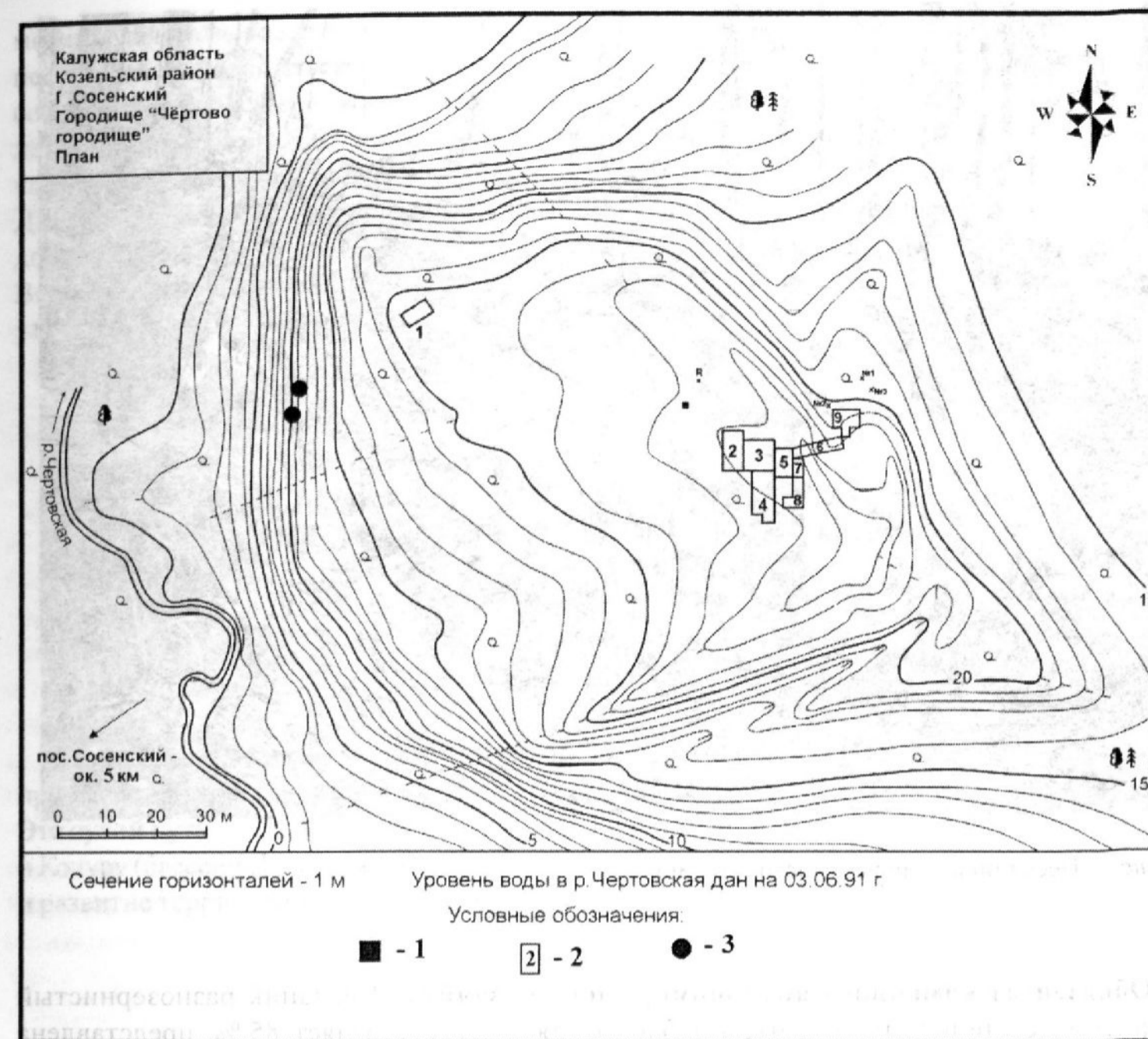


Рис. 2. Городище «Чертово Городище», план (по О.Л. Прошкину).
Условные обозначения: 1 — шурф; 2 — раскопы; 3 — пункты отбора пород.



Рис. 3. Каменное антропоморфное изваяние из г. Козельска. Козельский филиал КОКМ.

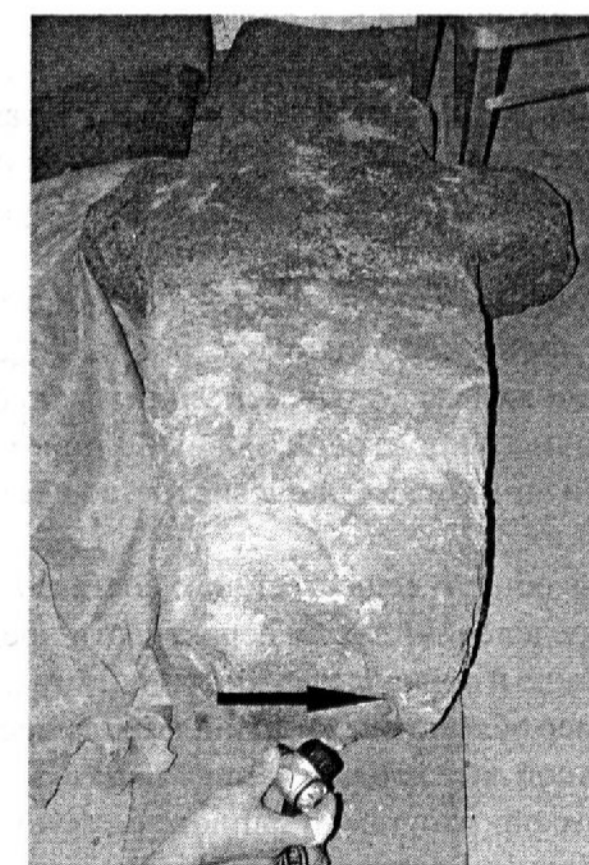


Рис. 4. Каменное антропоморфное изваяние. Место скола образца указано стрелкой.



Рис. 5. Песчаники на поверхности городища.

Образец из каменного антропоморфного изваяния. Песчаник разнозернистый кварцевый с глинистым цементом. Обломочная часть составляет 85 %, представлена кварцем. Обломки кварца окатанные, полуокатанные, слабо корродированные. Размер зерен изменяется от 0,07 до 0,88 мм. Крупная фракция составляет 10—15 %, средняя 50 %, мелкая 30 %, тонкая 5—10 %. Цемент составляет 15 %, представлен гидроксидами железа. Тип цементации пленочно-поровый. В отдельных случаях железистое вещество частично замещает обломки кварца с образованием в нем реликтов кварца.

Образец из коренных пород. Песчаник разнозернистый кварцевый с железистым и глинисто-алевритовым цементом. Обломочная часть составляет 80—85 %, представлена кварцем. Обломки кварца окатанные, реже полуокатанные, слабо корродированные. Размер зерен изменяется от 0,08 мм до 0,72 мм. Крупная фракция составляет 10—15 %, средняя 70 %, мелкая 15—20 %. В обломочной части встречаются единичные акцессории (примесь каких-то других минералов). Кроме того, помимо отдельных зерен кварца редко наблюдаются кварцевые зерна агрегатного строения. Цемент составляет 15—20 %, представлен гидроксидами железа. Тип цементации пленочно-поровый. На некоторых участках породы межобломочное пространство выполнено ожелезненным глинистым веществом с алевритовой примесью. Железистое вещество не только цементирует обломки, но и корродирует их.

Исходя из общего вещественного состава и структурных особенностей обоих образцов, можно с определенной долей вероятности предположить, что они очень близки по своему происхождению и принадлежат, по-видимому, к одному слою горных пород. У обоих образцов схожий размер обломочных частиц. Небольшие отличия можно рассматривать как следствие незначительной латеральной изменчивости. У исследованных образцов идентичен внешний облик обломков, что также свидетельствует в пользу образования этих пород в одних условиях. Наличие в одном из образцов повышенного содержания мелких частиц можно объяснить несколько большим течением вод во время образования породы, либо простым вымыванием мелкой фракции уже в более позднее время. Тип цементации и схожесть его в двух образцах также свидетельствует об их общем происхождении. На основании этого

можно сделать вывод, что изучаемое антропоморфное изваяние могло быть изготовлено из песчаника, слагающего склоны холма, на котором расположено городище. Хотя утверждать со стопроцентной уверенностью этого нельзя. Так как для сравнения пород использовалась лишь одна проба, что не может являться статистически представительной выборкой, но как предварительный и вполне правдоподобный вариант данный вывод можно рассматривать. Для повышения достоверности выдвигаемых предположений необходимо провести дополнительные исследования выходов песчаников по всему периметру склона городища. Вероятно, это даст возможность не только убедиться в сделанном ранее выводе, но и уточнить более точно место отбора породы для изготовления изваяния.

К ПРОБЛЕМЕ МИЛОСЛАВСКИХ ВОЛОКОВ: ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

*В.И. Евдокимов, с.н.с.,
К.В. Горецкий, н.с.,
Институт географии РАН*

Расположенный на юго-западе Рязанской области Милославский район Рязанской области представляет собой территорию, издавна использовавшуюся на Руси как транспортный путь. Это сухой путь — Сакма, водные пути — по Ранове или Мокрой Полотебне (бассейна Оки) и Кочуру (бассейн Дона) и волоки. Именно транспортные пути определили заложение селений и развитие территории, однако до сих пор в их реконструкции много неясного.

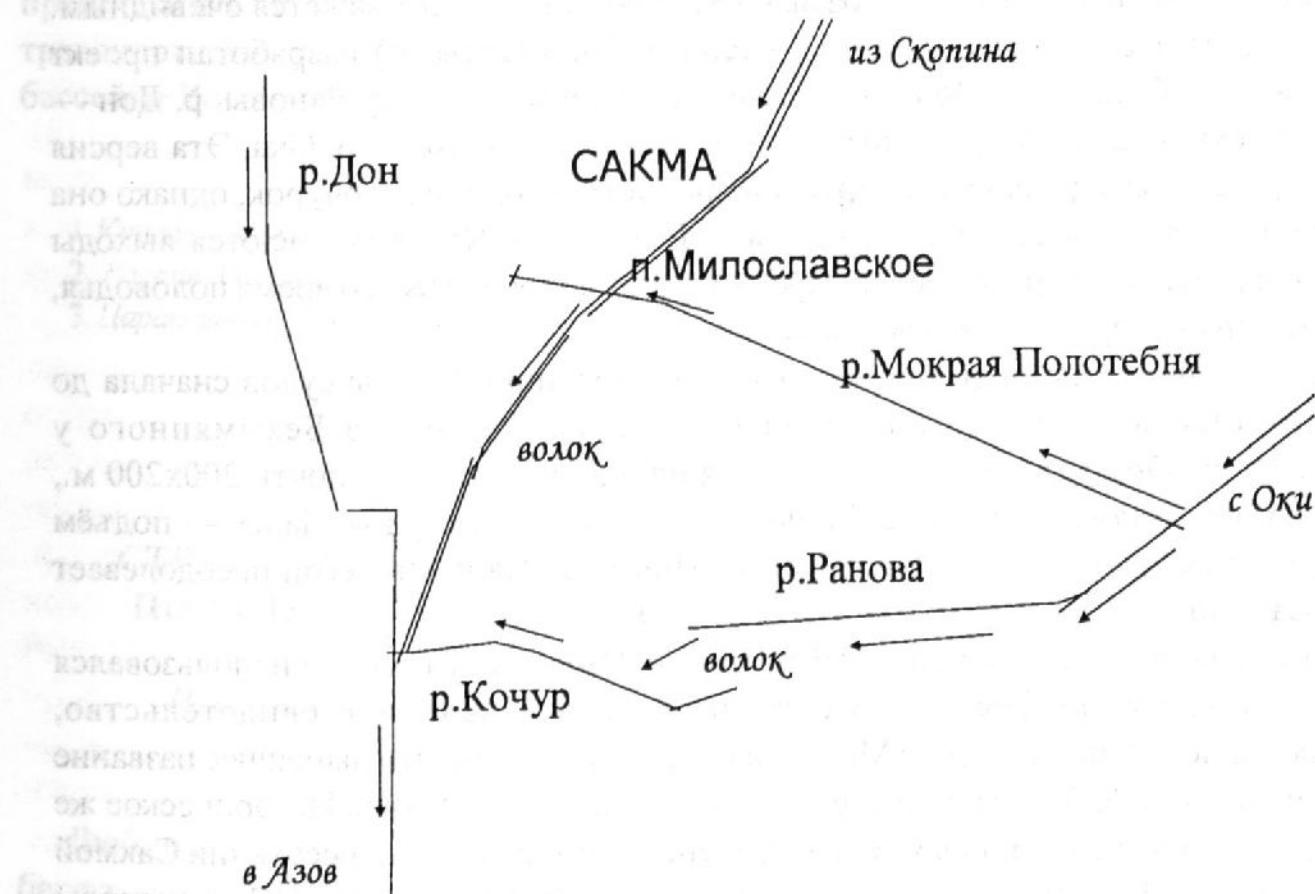


Рис. 1. Соотношение сухого и водного путей района Милославских волоков. (Схема. Стрелками показано движение водного и гужевого транспорта).

Сакма. Сакмами вообще на Руси назывались тропы, дороги — полевые, лесные. В Милославском районе Сакма — это имя собственное. Сакма начинается от места впадения р. Кочурок в Дон и идёт на северо-восток, сначала на Милославское, а оттуда на Скопин и на Рязань. Сохранилась легенда, согласно которой карета некоей царицы увязла весной на Сакме при пересечении самых верховьев реки Рановы. Крестьяне из деревни Рановские Верхи на руках вынесли карету, за что им было даровано дворянство. От этой легенды заглазное имя деревни — Дворяне, такова же и дразнилка жителей Дворян.

В Милославском сохранился пандус, по которому грузы спускали в долину р. Мокрая Полотебня. При возведении железнодорожной насыпи во время строительства Павелецкой железной дороги дорожный проезд в насыпи был сооружён именно в месте прохождения Сакмы.

Преимущественное направление движения по Сакме — СВ. Дело в том, что во все времена движение из Руси на юг осуществлялось по рекам. В конечных пунктах местное население охотно покупало плавсредства на доски — лес на юге в дефиците. А возвращались на Русь купленными лошадьми, которых на юге много.

Водные пути. Главный из них и очень удобный — Дон. Это торговый путь в земли Донского казачества, в Черкасск (ныне станица Старочеркасская). Это путь дипломатов и паломников в Царьград — сначала до Азова, потом, после пересадки на генуэзские морские суда, в Константинополь.

Но в Дон надо попадать, т.к. выше этих мест центров цивилизации на Дону нет. А в бассейне Оки — есть. Это Москва, Коломна. Таким образом, водные пути — это пути по Москве-реке, по Оке и вверх по её притокам: Проня → Ранова, а далее варианты: 1. Хупта.

2. Мостья и волоки знаменитого Рясского поля, начинающегося от г. Рязька и определяемого реками: Ряса, Становая Ряса, Гущина Ряса, Ягодная Ряса, населёнными пунктами Слободской (ныне Чаплыгин), Якимец (ныне Александров-Невский). Известно, что эти пути были, хотя точно на местности не установлены.

Волоки. Путь по Ранове имеет ещё две версии. Одна высказана В.П. Семёновым-Тян-Шанским [2]. Он полагал, что суда поднимались вверх по течению Рановы, а затем перемещались посуху (волоки) в реку Кочур (ныне Кочурок). Путь этот кажется очевидным. В конце XVIII в. П.Н. Семенов (отец П.П. Семенова-Тян-Шанского) разработал проект соединения Волжского бассейна с Донским именно здесь, через долину Рановы: р. Дон — р. Кочур — гидротехнические сооружения — р. Ранова — р. Проня — р. Ока. Эта версия подтверждается успешными раскопками древней крепости в долине р. Кочурок, однако она уязвима с точки зрения гидрологических условий. В долине р. Кочурок имеются выходы скальных пород, образующие в реке пороги. Преодолевать пороги, даже во время половодья, даже на плоскостных стругах — задача тяжёлая.

Другая версия — движение поднимаемых вверх по течению Рановы судов сначала до р. Мокрая Полотебня, а потом до впадения в неё справа притока Безымянного у Милославского. Здесь образуется широкая, плоская площадка размером почти 200x200 м., удобная для разгрузочно-погрузочных работ, постановки на колёса судов. Далее — подъём на междуречье и переход в устье Кочура по Сакме. Шагом лошадь с телегой преодолевает его менее, чем за день.

Прямых доказательств такого маршрута найти трудно. Имеющийся пандус использовался и при движении посуху, по Сакме. Но есть интересное косвенное свидетельство, подтверждающее транспортное значение Милославского. Дело в том, что нынешнее название посёлок приобрёл в конце XIX века, при строительстве железной дороги. Историческое же название, Мирославщина, относилось к деревне, располагающейся на пересечении Сакмой р. Мокрая Полотебня. Название связано со знатным татарским мурзой Солохмиром Мирославичем, вышедшем с войском на Русь из Золотой орды в 1371 году. Крестившись Иваном, он женился на сестре Олега Ивановича Рязанского, Анастасии, и получил вотчины в Рязанской земле. Расположившиеся в них части войска (также состоявшие из крестившихся и женившихся татар) и контролировали транспортные пути. К вотчинам относилась и Мирославщина, которая обслуживала путь по Сакме и, возможно, волок от Мирославщины к устью Кочура.

Волок — это большое хозяйство: лошади, телеги, кузница, простейшие механизмы для перемещения грузов и транспорта, охрана и пр.

Единственным достоверным литературным источником, повествующим о прохождении здешними путями из Москвы в Царьград, является Хождение Игнатия Смольянина, повествующее о путешествии из Москвы в Царьград митрополита Пимена в 1389 году [1]. Пимен прибыл в Переяславль Рязанский 25 апреля, в Фомину неделю, а в четверг был уже на Дону, в устье Кочура, откуда и начали плавание вниз по Дону. Расстояние от нынешней Рязани (Переяславля Рязанского) до устья Кочурка примерно 150 км. 5 дней пути — это 30 км в день. Темп передвижения (с грузом на телегах, тремя стругами и насадом на колёсах и т.д.) представляется очень высоким. От Переяславля-Рязанского до Дона Пимена сопровождали многие епископы, большая свита и отряд дружины рязанского князя Олега Ивановича. Не факт, что в конце апреля земля настолько просохла, что полевые дороги стали легко проходимыми. Возможна ошибка переписчиков.

Далее было проще — через неделю плавания по Дону в районе устья р. Воронеж его встречал «князь Юрий Елетский с бояры и многими людьми» [1], а еще через полторы — по обе стороны Дона появились татары: «много зело, якоже лист и якоже песок».

Пимен совершил путешествие в Царьград именно этим путём 3 раза, но как он дважды перемещался с Оки на Дон, достоверно неизвестно. К тому же Пимен — большая фигура, его передвижение и безопасность лично обеспечил Олег Иванович Рязанский. Торговцы, менее значительные путешественники передвигались, видимо, не такими темпами и, вполне возможно, по-другому, используя вышеуказанные варианты. Определение их позволит целенаправленно обнаружить материальные следы отечественной истории.

Пока же археологических объектов, имеющих отношение к Милославским волокам, немного. Внятно можно говорить об одном — остатках крепости на правом берегу Кочурка (у нынешнего села Знаменского). Периодические раскопки вскрыли здесь ножи, серпы, кованые гвозди, украшения. Археологи полагают, что небольшая крепость контролировала здесь торговый путь, существовавший в домонгольское время. Есть не совсем понятные городища в долине Рановы [3].

Тем не менее, основываясь на географических характеристиках местности, следует предполагать наличие следов более активного использования территории именно как транспортного пути. Стратегическое направление его «север — юг», связь бассейна Оки и бассейна Дона и дальнейший выход в Азово-Черноморскую акваторию.

Литература

1. Книга хождений. Записки русских путешественников XI—XV вв. М.: Сов. Россия. 445 с.
2. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т. 2. СПб., 1902. 750 с.
3. Цараткина Н., Храмов А. И была тут крепость, и жили люди // «Моё Милославское». № 75—76. 2007. С. 7.

СТРУКТУРА ЛЮБУТСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА ПО РЕЗУЛЬТАТАМ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

И.В. Болдин, к.и.н., н.с., Калужский областной краеведческий музей

Любутское городище находится в Ферзиковском районе Калужской области, на правом берегу р. Оки при впадении в нее р. Любутки, на самой границе Калужской и Тульской областей. В XIV—XV вв. Любутск был крупным городским поселением, исследование которого становится составной частью изучения городской культуры этого времени. На решение вопросов, заключающихся в анализе и интерпретации конкретных исторических фактов и сопоставлении полученных результатов между собой, направлено привлечение к работе по изучению городища методов разных наук.

Изучение Любутского городища началось с исследования письменных источников: в

летописях, духовных и договорных грамотах отражены политические события, связанные с городом. Вторым важным источником информации стали материалы из археологических раскопок, в результате которых изучено 820 кв. м памятника и получены интересные находки, характеризующие бытовую, ремесленную, военную, религиозную сферы жизни. Нумизматические и искусствоведческие исследования дали возможность атрибутировать предметы, добытые в результате раскопок. И, наконец, на Любутском городище были проведены геофизические работы — магниторазведка, электроразведка и георадарные исследования. Комплексное применение всех методов позволило сейчас по результатам 14 лет раскопочных работ определить его датировку и в общих чертах наметить структуру Любутска как средневекового города.

Если для многих археологических памятников эпохи позднего средневековья вопрос об их историческом названии актуален, то в отношении Любутска надо отметить, что его собственное имя никогда не стиралось из памяти: сначала был город Любутск, потом посад, затем село, и сейчас под городищем протекает речка Любутка.

В конце XIX в. калужский краевед, археолог И.Д. Четыркин составил описание памятника. На основе анализа летописных данных построены исследования калужских краеведов конца XIX—начала XX в. Н. Самосатского, А. Малинина, Д.И. Малинина. Во второй половине XX в. памятник обследовался археологами П.А. Раппопортом, М.В. Фехнер, И.К. Фроловым. С 1995 г. экспедиция краеведческого музея начала систематические раскопки культурного слоя городища.

Первое упоминание о Любутске в летописи относится к 1372 году, когда великий князь литовский Ольгерд, объединившись с войском Михаила Тверского, выступил против великого князя московского Дмитрия Ивановича. Москвичи разбили сторожевой отряд литовцев, но главные силы под Любутском развлеклись глубокой овраг. Ни одна из сторон не решилась начать битву, и дело закончилось перемирием (ПСРЛ, 1897. Т. 11. С. 19). Значительную часть своей истории Любутск принадлежал великому княжеству Литовскому. Положение на восточной окраине Литовского государства определило его роль в качестве пограничного города-крепости. Летописные своды зафиксировали сведения о военных событиях, в которых жители Любутска принимали непосредственное участие: в 1394 г. Олег Иванович Рязанский «*ходил ратью к Любутску и со многим полоном возвратился восвояси*» (ПСРЛ, 1897. Т. 11. С. 156); в 1473 г. любутчане, мстившие за набег «*москвичей*», напали на князя Семена Одоевского (Кром, 1995. С. 70—71) и др. Серия набегов любутчан зафиксирована в претензиях Москвы к Литве, датированных концом 80-х—началом 90-х гг. XV в. Только путем силового давления Москве удалось подчинить себе Любутск в 1500 году (Кром, 1995. С. 172—173). Военная функция поселения и ориентация на Литву были определяющими. Об этом свидетельствует прекращение жизни на укрепленной площадке после присоединения к Московскому государству и продвижения московско-литовской границы на запад. В записи под 1566 г. Любутск упомянут уже как городище (ПСРЛ, 1906. Т. 13. С. 400).

Археологические материалы, полученные в результате раскопок первых лет, укладываются в границы XIV—XV вв. Для определения времени отложения культурного слоя наибольшее значение имеют: серебряные монеты (дирхемы) золотоордынской чеканки; фрагменты и целые формы керамической посуды; бронзовые кресты-энколпионы, кресты-тельники; фрагменты золотоордынской поливной посуды, бусы из хрусталя, стекла и т. п. Однако, когда полоса раскопок стала приближаться к восточной окраине памятника, стали появляться материалы, время бытования которых выходит за рамки XIV—XV вв. Заметный процент находок датирован XVI в., в том числе его второй половиной. Это, в первую очередь, — монеты Ивана IV и фрагменты чернолощеной посуды. Для разрешения проблемы несоответствия находок данным летописного свода были проведены совместные историко-археологические исследования. Анализу подвергли все датирующие группы материала. Результатом археологических исследований стал вывод, что во второй половине XVI в. городище было обитаемо, причем наиболее интенсивно по периметру. В письменных источниках удалось обнаружить, что в конце XVI в. Любутск еще упоминается в числе военных крепостей: в разрядных книгах при описании деятельности передового полка, расположенного в г. Калуге и возглавляемого Дмитрием Васильевичем Турениным, говорится о посещении крепостного города «Люботеска» в связи с подготовкой к встрече с «*крымскими посланниками*» (Разрядная книга 1475—1598 гг.).

Прекращение жизни на территории Любутска было, скорее всего, поэтапным. Первый этап связывается с запустением города в начале XVI в., когда после перехода под власть Московского государства он теряет свое стратегическое значение. Вероятно, в 1566 г. Любутское городище Иван IV Грозный приобрел для строительства здесь новой крепости. В связи с этим город на короткое время вновь оживает. Окончательное запустение территории Любутска (защищенной валом и рвом) произошло в самом конце XVI—начале XVII вв. в связи с событиями смутного времени. В XVII в. Любутск перестает быть крепостью и становится селом. Прекращение жизни села произошло уже в XX в.

При изучении Любутского городища, как уже отмечено, были применены методы геофизической разведки. Применение этих методов на памятниках лесной полосы находится на начальном этапе. Однако опыт такой работы повышает научную результативность и, самое главное, дает возможность получать информацию, не разрушая объект. Перед работами на Любутском городище стояла задача изучения восточного участка городища с целью определения его геологического строения и распространения культурного слоя по склону. В итоге работ получена информация о формировании мыса, на котором расположено городище, составлены характеристики всех слоев его составляющих. С археологической точки зрения важным итогом для реконструкции системы укреплений стали сведения о распространении культурного слоя. Дело в том, что на самой окраине склона была расчищена каменная вымостка, панцирем покрывающая обрез площадки. Культурный слой, как показали результаты геофизических работ и археологические раскопки, находился значительно ниже этой вымостки. Вероятно, оборонительные укрепления располагались ниже по склону, а каменная вымостка служила для беспрепятственного перемещения защитников крепости. Сейчас еще рано говорить о реконструкции оборонительных сооружений, но представляется, что ниже по склону была стена, на которую опирались входы для обороны участка.

Любутское городище расположено не обособлено: рядом (в 200 м западнее) находится еще одно городище, размер которого в пять раз меньше по площади собственно Любутского. Помимо двух городищ здесь есть еще три селища: два расположены за валами городищ, одно — по берегу Оки. До совсем недавнего времени считалось, что пара — малое городище и селище — является остатками древнерусского поселения, которое с увеличением населения перебралось на соседний мыс и основало Любутск. Однако проведенные разведочные работы показали, что все эти поселения содержат предметы, бытование которых относится к XIV—XV вв. То есть, учитывая близость всех памятников, вполне правомерно говорить о едином населенном пункте — городе Любутске, состоящем из двух укрепленных частей, двух неукрепленных посадов и одной слободы, которая вытянута вдоль р. Оки узкой полосой именно в том месте, где находится современный фарватер реки и где глубина начинается непосредственно у берега. Если допустить, что ситуация с рекой принципиально не изменилась за последние пятьсот лет, и учитывая значение рек в ту эпоху как важных транспортных артерий, можно предположить, что здесь была расположена городская пристань. Шурфы, заложенные в непосредственной близости у обреза воды, показали, что под стерильными слоями наносов на глубине более 1 м от поверхности есть археологический материал XIV—XV вв. — сильно фрагментированная керамика. Если предположение о пристани верно, то малое городище может быть рассмотрено как остатки крепости, защищавшей пристань. В то же время, есть иной взгляд на роль этого городища, высказанный тульским археологом А.В. Шековым, по мнению которого на территории малого городища мог находиться двор наместника, так как Любутск всю свою историю был городом великокняжеского подчинения и управлялся наместником великого князя.

Другая проблема — определение планировки городских строений, к сожалению, не поддается решению применяемыми методами. Основная масса городских строений была в виде наземных срубов, не оставивших в земле следов. Определение положения строений по наличию скопления печины является достаточно спорным, так как зачастую обожженная глина была использована вторично в качестве подсыпок. Столбовые ямки на уровне материка также не дали какой-либо четкой картины оград и, соответственно, планировки города.

Подводя итог краткого изложения результатов работ, направленных на реконструкцию структуры Любутска, можно отметить, что, во-первых, определены временные рамки существования города; во-вторых, предпринята попытка реконструкции его оборонительной

системы; в-третьих, очерчены границы городского поселения XIV—XV вв., включающего два городища и три селища.

Литература

Кром М.М. Меж Русью и Литвой. Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV—первой трети XVI в. М., 1995.

ПСРЛ. Никоновская летопись. Т. 11. СПб., 1897.

ПСРЛ. Никоновская летопись. Т. 13. СПб., 1906.

Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966.

АНАЛИЗ ЛАНДШАФТНОЙ ПРИУРОЧЕННОСТИ ПАМЯТНИКОВ РАННЕГО И СРЕДНЕГО НЕОЛИТА В БАСЕЙНЕ ВЕРХНЕГО ТЕЧЕНИЯ РЕКИ ЗАПАДНАЯ ДВИНА*

Е.В. Долбунова,

А.Н. Мазуркевич, гл. хранитель,

Государственный Эрмитаж

Природные комплексы, существующие в Верхнем Подвинье, неоднородны и имеют различную ценность для человека. Она менялась с течением времени, и, соответственно, менялась система расселения (Долуханов, 1983. С. 184; Микляев, 1995). Древнее население в разное время выбирало определенный, наиболее подходящий тип ландшафта, исходя из особенностей хозяйственной стратегии, климатических условий, гидрологии и других природных и социальных факторов своего времени. Так, памятники неолита располагаются вокруг раннеголоценовых палеоозер, которые наследуют ванны приледниковых водоемов, занимая зоны флювиогляциальных отложений. Памятники раннего железного века расположены на холмах окраины моренной зоны, памятники среднего — позднего железного века и раннего средневековья занимают возвышенности среди озерно-ледниковых равнин, а пространства вокруг озер и торфяники, освободившиеся от воды вследствие сильной регрессии, использовались под пашни и луга. При появлении плужного земледелия начинается освоение тяжелых плодородных моренных почв, не использовавшихся до этого (Микляев, 1995. С. 27—30).

Инструментом для проведения этих исследований стало направление, получившее название «археологическая география». Оно ставило своей целью изучение археологических памятников во всей совокупности имеющихся источников, рассматривающихся вместе с окружающей средой как единый социобиоценоз. По словам А.М. Микляева, «именно анализ материальной культуры минувших эпох на фоне тщательно собранных, выверенных и продатированных географических данных позволит вскрыть механизм взаимодействия человека с географической средой в древности» (Микляев, 1983. С. 127—130). Это направление в советской археологии возникло как продолжение существовавшей в конце XIX—начале XX века русской палеоэтнологической школы, у истоков которой были Ф.К. Волков, А.А. Иностранцев, Д.Н. Анучин. Русская и советская палеоэтнологическая школа не стала прямым продолжением традиций французской. В отличие от последней, на первый план здесь выступало сопоставление археологических данных с данными географии и вопрос о соотношении культуры и природной среды (Платонова, 2008. С. 67—68). В начале

*Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ 07-01-9016 а/б и гранта Евросоюза (F6 European Project FEPRE) № 028192.

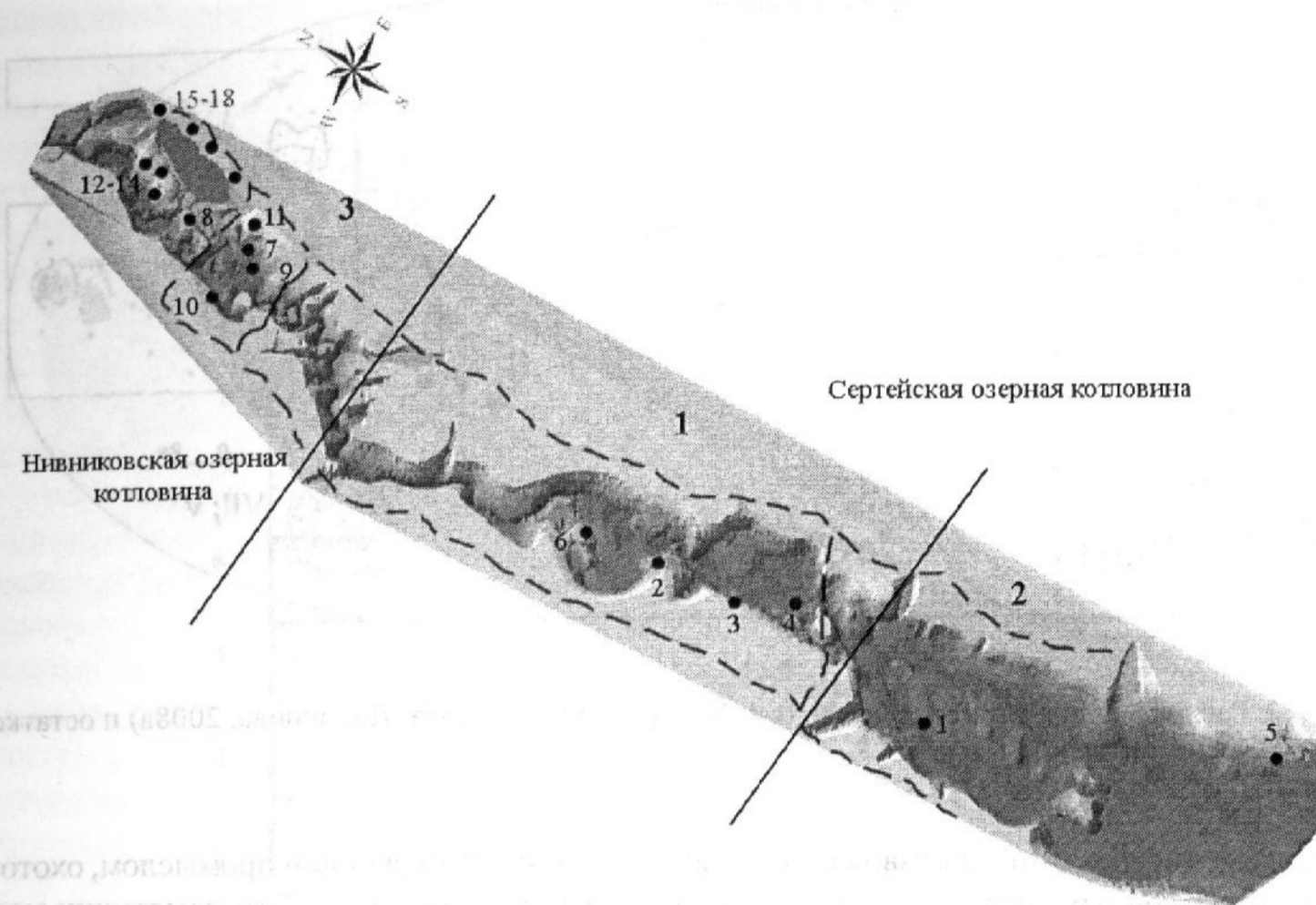


Рис. 1. Схема расположения памятников и озерных котловин в Сертейском археологическом микрорегионе.

1 — Сертея X, 2 — Сертея XII, 3 — Сертея XIII, 4 — Рудня Сертейская, 5 — Заболонье I, 6 — Сертея 10, 7 — Сертея XIV, 8 — Сертея XX, 9 — Сертея XIX, 10 — Сертея XVII, 11 — Сертея XXII—XXIV, 12 — Сертея 3-3, 13 — Сертея 3-2, 14 — Сертея 3-1, 15—18 — Сертея XXXV—Сертея XLII.

1 — зона флювиогляциальных отложений, 2 — зона моренных отложений, 3 — зона лимнокамовых отложений, — «миграционная» звериная тропа.

30-х годов палеоэтнологическая школа была практически разрушена в результате репрессий и идеологического давления. Но идеи ее и основные постулаты были сохранены и передавались из поколения в поколение ленинградскими археологами на протяжении 30—80-х годов. В итоге основные понятия и подходы, разработанные в рамках «палеоэтнологической школы», оказались вновь сформулированы в 1970-е гг. в научном направлении, получившем название «археологическая география».

Единственным методом археологической географии, по словам А.М. Микляева, может быть метод комплексного анализа археологических фактов и строго синхронизированных с ними палеогеографических явлений (Микляев, 1983. С. 129). Эти мультидисциплинарные исследования, позволяющие изучить пространственное выражение взаимоотношений между человеком и его физическим и социальным окружением (Афанасьев, 2004. С. 55).

Данный регион был разделен на т.н. «археологические микрорайоны» — озерные котловины со всей совокупностью расположенных в них археологических памятников: Сертейский, Усвятский, Удвятский, Жижицкий и Сenniцкий. Памятники раннего и среднего неолита занимают в них разные топографические позиции, аккумулируясь вокруг разных типов ландшафтов.

Сертейский микрорегион представляет собой цепочку палеоозер, соединенных между собой речками (рис. 1). Стоянки, расположенные в южной части (Рудня Сертейская, поле над Рудней Сертейской N 3, Сертея XII), находятся в зоне флювиогляциальных отложений, где распространены сосновые леса с включением берез. Стоянка Сертея X приурочена к границе флювиогляциальных и моренных отложений (глины красно-бурого цвета), где кроме берез, елей произрастают также и дубы. Стоянки располагались на мысах палеоозера при впадении в него древних ручьев, озерных протоков или, как Сертея X, — на острове. Подобное

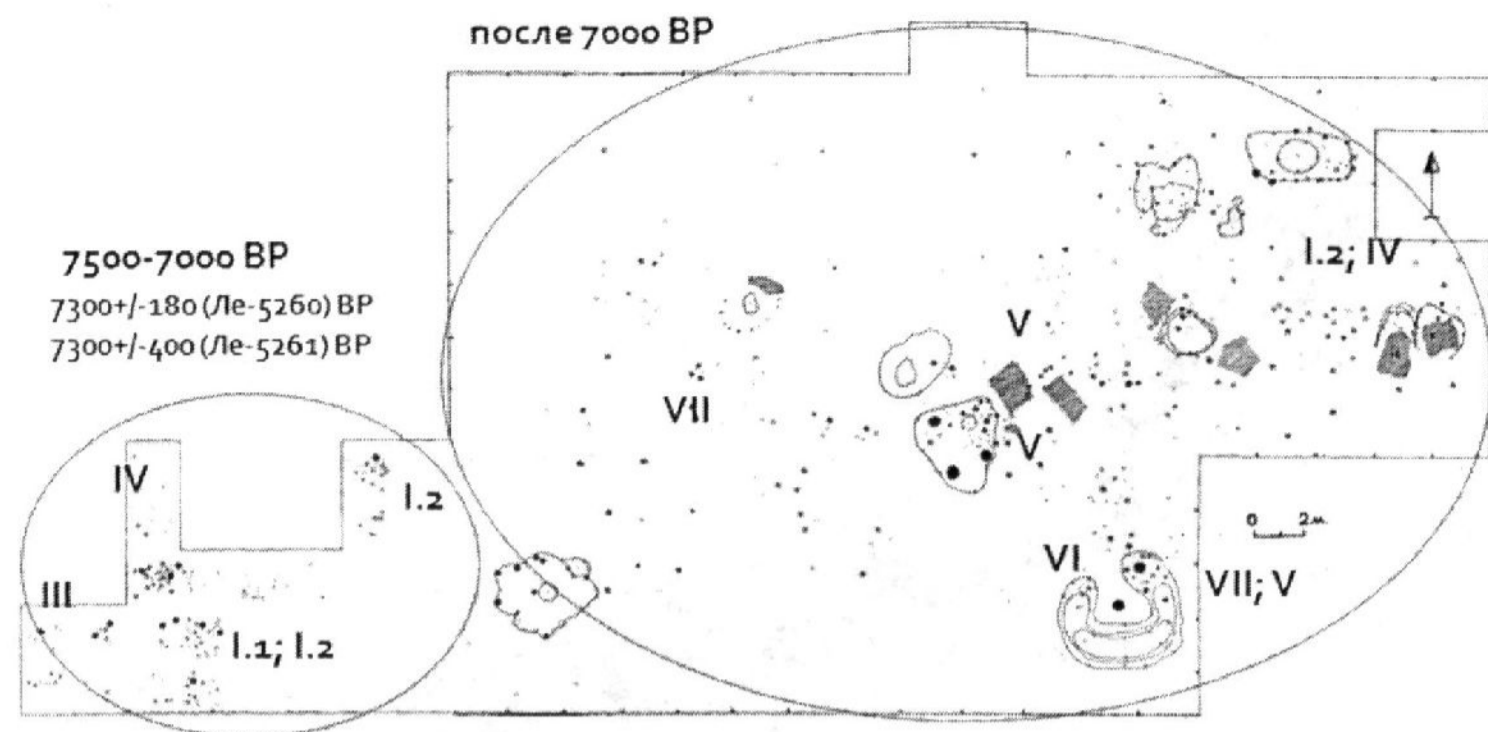


Рис.2. Распределение типов керамики (см. Мазуркевич, Кулькова, Долбунова, 2008а) и остатков построек на поселении Сертея X

расположение памятников позволяет предположить о занятии рыбным промыслом, охотой в широколиственных лесах (т.е., в зоне летнего обитания животных). Эти памятники могут быть местами летнего обитания с базовым поселением Сертея X (рис.2). Поселение могло существовать круглогодично. Анализ расположении различных типов раннеолитической керамики (Мазуркевич, Кулькова, Долбунова, 2008 а) показал, что на первом этапе заселения была освоена современная торфяниковая часть, а затем более высокая суходольная часть памятника, что соответствует трансгрессивной фазе состояния водоема (Мазуркевич, Кулькова, Полковникова, Савельева, 2003).

Памятники, расположенные в северной части Сертейского микрорегиона, приурочены к зоне лимнокамовых отложений (супеси и пески светло-желтого цвета), где распространены сосново-березовые леса. Они имеют аналогичное топографическое расположение и смещены глубоко в зону сосново-березовых лесов.

В северной части Сертейского микрорегиона открыты памятники, расположенные цепочкой на плато между озерных котловин, пересекая существующие и поныне «зверинные миграционные тропы», занимая выгодные высотные позиции (рис.1). Известно, что миграционные тропы животных со временем значительно не меняются. Для этих памятников характерно практически полное отсутствие керамики, преобладают отходы расщепления, скребки, наконечники, мелкие кальцинированные кости. Площадь их небольшая. Часть этих памятников можно синхронизировать с памятниками, на которых прослежены остатки долговременных конструкций (Сертея 3-3, Сертея XIV), объединив их в одну поселенческую структуру, отражающую сезонные особенности расселения древнего населения в данном микрорегионе. Вероятно, с конца осени, зимой и до середины весны, во время миграции зверей в сосново-березовые леса древнее население перемещалось на эту территорию. На памятнике Сертея 3-3 было найдено трехкамерное жилище с разными типами раннеолитической керамики (рис. 3), что как раз и может маркировать процесс прихода сюда на зимнее время нескольких коллективов, проживавших в разных частях микрорегиона. В пользу этого предположения свидетельствуют анализы глиняного сырья. В северной котловине есть несколько сосудов, сделанных из глины, взятой из южной части микрорегиона и принесенных сюда.

При моделировании с помощью ГИС-технологий «прохода по воде» из Западной Двины по р. Сертейке стало очевидным, что часть стоянок на второй озерной террасе «контролирует» проход по речным протокам, занимая опорные точки. Это места, для которых характерна малая освещенность, особенно в зимний период, сильная открытость северным ветрам, что делает их неудобными для постоянного проживания. Однако они вполне могут подходить для наблюдения за местностью, для занятия рыбной ловлей. С другой стороны, анализ с

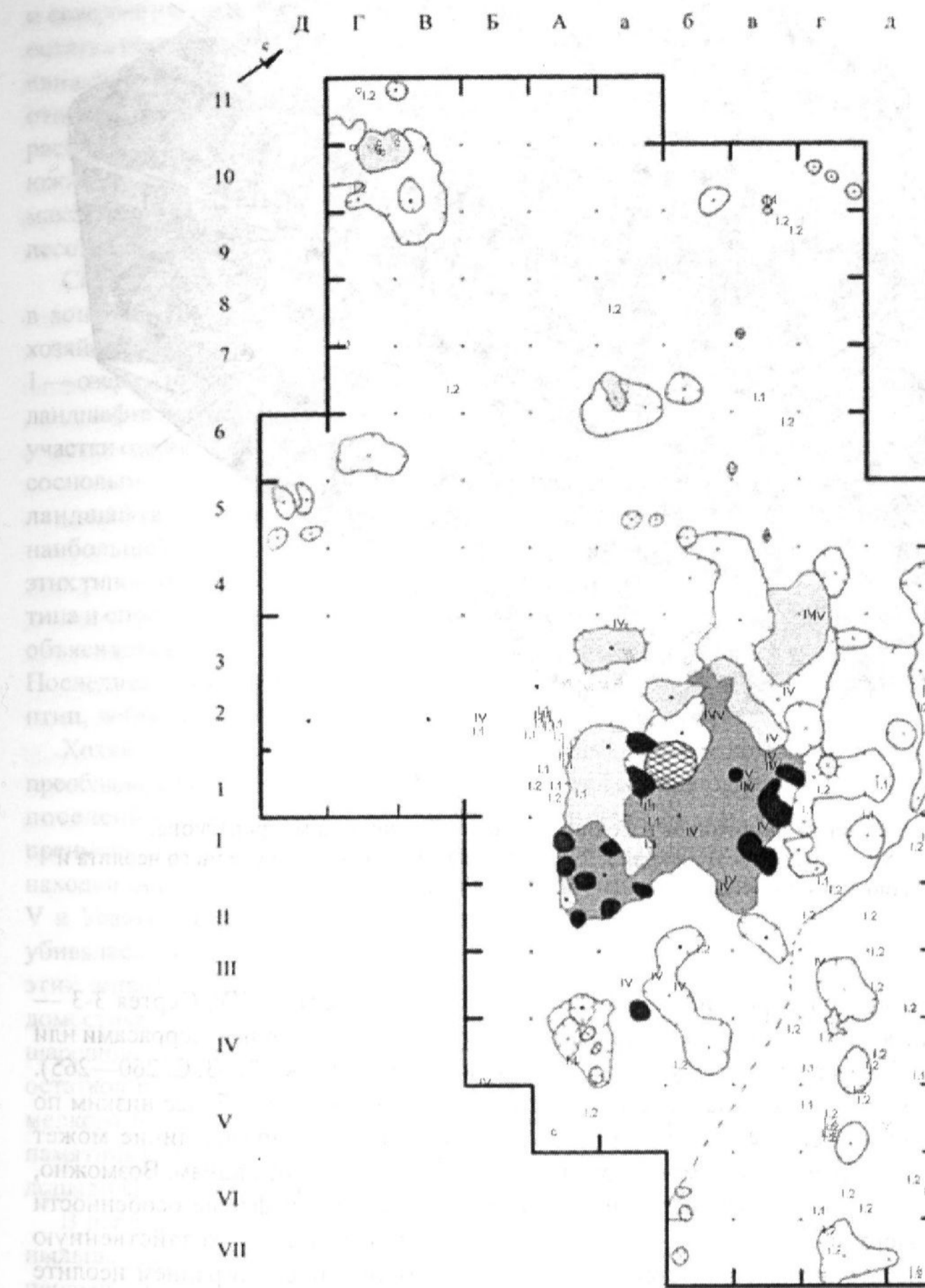


Рис.3. Распределение типов керамики (см. Мазуркевич, Кулькова, Долбунова, 2008а) и остатков построек на поселении Сертея 3-3.

помощью ГИС-технологий позволил установить, что памятники локализуются в стороне от реки Западная Двина, по берегам мелких притоков и озер, и удалены от основной артерии на несколько сотен метров. Сравнительно небольшая заселенность берегов крупных рек может объясняться тем, что они были небезопасны для проживания, так как служили путями сообщения (Калечиц, 2003. С. 162).

Моделирование древнего ландшафта с учетом данных геомагнитной съемки показало, что памятники, расположенные на плато по бортам озерных котловин, тяготеют к небольшим депрессиям, защищенным с севера увалами в точках максимального поднятия рельефа.

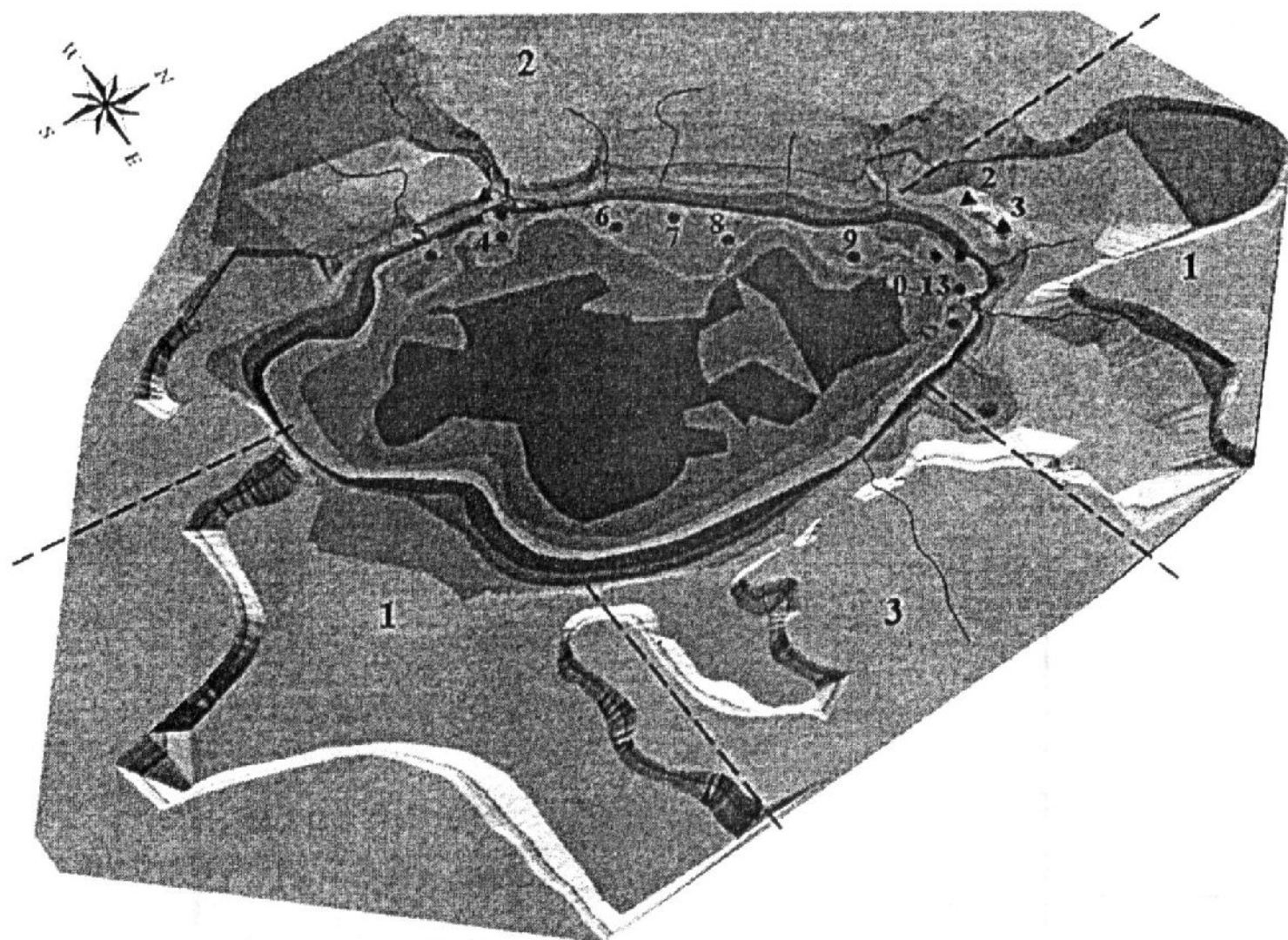


Рис. 4. Схема расположения памятников в Сенницком археологическом микрорегионе. Памятники раннего неолита: 1 — Дубокрай I; 2,3 — Фролы I, II. Памятники среднего неолита и раннего средневековья: 4—12 — Дубокрай II—X; 13 — Мосты.

Стоянки с остатками долговременных построек — Сертея X, Сертея XIV, Сертея 3-3 — экспонированы на юг или юго-запад, защищены с севера бортом котловины, террасами или поднятиями рельефа (Мазуркевич, Кулькова, Полковникова, Савельева, 2003. С. 260—265).

Антропогенное воздействие на Сертейскую озерную котловину было более низким по сравнению с Нивниковской котловиной (Мазуркевич, 2003). Данное различие может объясняться разной плотностью памятников, приуроченных к этим котловинам. Возможно, один из факторов интенсивного заселения — это выгодные ландшафтные особенности Нивниковской озерной котловины, позволяющие вести эффективно хозяйственную деятельность. Достаточно высокая степень «локальной» мобильности в раннем неолите обуславливала особенность организации системы расселения.

В среднем неолите меняется система расселения: северная котловина пустеет, появившиеся в это время свайные поселения оказываются расположены в южной котловине Сертейского микрорегиона, на которую увеличивается антропогенная нагрузка.

Свайные поселки появляются на рубеже AT-3/SB-1 (4600—4500 BP) на фоне регрессивного состояния водоемов. Конец атлантического периода по данным спорово-пыльцевого анализа характеризуется максимальным распространением широколиственных лесов. Начавшееся суббореальное похолодание привело к сокращению широколиственных лесов и увеличению еловых. Поселения на территории Верхнего Подвонья располагались в прибрежной части древних озер на заторфованных мысах при истоках или впадении протоков в озера. В это же время в Южной Германии и Швейцарии также появляются свайные поселения на берегах озер в сходных ландшафтных условиях в областях перед моренными образованиями вюрмского оледенения.

Памятники в это время располагаются на островах. Это было выявлено при моделировании с помощью ГИС-технологий. Так, на озере Сенница (Псковская область) известные на сегодняшний день памятники каменного века расположены только у западного

и северного бортов котловины (рис.4). В современном донном рельефе отчетливо читаются остатки нескольких озерных котловин в центральной части. У западного и северного бортов «видны» остатки небольших озерных котловин, соединенных между собой протоками и отделенных от центральных водоемов островами или мысами, на которых как раз и расположены памятники. Такое расположение обусловлено минимальной освещенностью южного и восточного берега, особенно в зимний период, открытостью их к северным ветрам, максимальной удаленностью этих территорий от зоны произрастания широколиственных лесов (Мазуркевич, Короткевич, Полковникова, 2004).

Свайные поселения были приурочены к различным типам ландшафтов, расположенных в зоне радиусом 5 км, рассматривающейся исследователями как зона интенсивного хозяйственного воздействия. В территорию комплекса входят три основных типа ландшафта: 1 — озеро и прибрежно-болотные образования по его берегам, 2 — участки конечноморенного ландшафта с суглинистыми почвами, покрытые смешанным широколиственным лесом, 3 — участки озерно-ледникового рельефа с песчаными сильно оподзоленными почвами, покрытые сосновыми борами (Dolukhanov, Miklyayev, 1986. P.85—86). Сочетание этих трех типов ландшафта в пределах единого природно-хозяйственного комплекса, по-видимому, в наибольшей мере соответствовало потребностям жителей свайного поселения. Сочетание этих типов ландшафтов обеспечивало наибольшую рентабельность хозяйства присваивающего типа и определяло процесс расселения в это время (Долуханов, Микляев, 1983. С.186). Этим объясняется длительное и круглогодичное существование поселения на одном месте. Последнее установлено на основании нахождения в культурном слое костей животных и птиц, добытых в результате охоты в течение круглого года.

Хозяйство строителей свайных поселений носило комплексный характер: охота преобладала над рыболовством и известной долей собирательства. Костные остатки свайных поселений представляют собой териокомплекс видов, приспособленных к жизни преимущественно в широколиственных и смешанных лесах (Кузьмина, 2003. С.307). Однако находки капролитов свиней с рыбьими костями и чешуей на поселениях Сертея II, Дубокрай V и Усвяты IV свидетельствуют о том, что какая-то часть добытых на охоте свиней не убивалась тотчас же, а содержалась в течение некоторого времени на поселении, причем этих животных кормили рыбой. Таким образом, нами зафиксирован начальный этап доместикировки свиньи в местных условиях, но, очевидно, под влиянием носителей культуры шаровидных амфор, что ярко прослеживается в материальной культуре этого времени. Среди остатков поселений, относящихся к середине III тыс. до н.э., найдены кости крупного и мелкого рогатого скота (Усвяты IV, Наумово), собаки (Сертея X). Также в материалах памятника Сертея XI, относящихся к началу III тыс. до н.э., были найдены зубы домашней лошади (*E. caballus* L.) (Кузьмина, 2003. С.305).

В период Sb-1 фиксируется распространение навыков земледелия на основе появления пыльцы группы культурных злаков *Cerealia*. Судя по палинологическим диаграммам, это не первый случай, фиксирующий наличие земледелия, но ранее земледелие по каким-то причинам не приживалось в местной среде. На спорово-пыльцевой диаграмме в это же время фиксируется высокое содержание травянистой растительности, что говорит о распространении открытых пространств, которые могли быть использованы древним человеком для земледелия и скотоводства. Кроме того, анализ палеоландшафтной ситуации в начале Sb-1 в Ловатско-Двинском междуречье позволяет предположить, что в качестве полей для посевов и выпаса скота могли использоваться плодородные почвы в прибрежных частях озер, либо склоны и борта озерной котловины в районах распространения дубрав или в борах.

При рассмотрении проблемы возникновения свайных поселений перед исследователями всегда встает вопрос о причинах этого явления. Основная информация может быть получена при анализе ландшафта, выбранного строителями свайного поселения. Так, одной из причин может быть желание строителей сохранить нетронутыми участки местности, пригодные для земледелия и скотоводства, как это предполагается для центрально-европейских свайных поселений (Мазуркевич, 2003а; Dolukhanov, 2004). Кроме того, население вынуждено было учитывать многие факторы при устройстве поселений, функционировавших целый год. Ведь к моменту начала строительства свайных поселений произошла мощная регрессия водоемов

и на освободившихся местах стали развиваться торфяники. Они стали слабопроточными, а зеркало чистой воды было удалено от берега на 100—250 м. Отсюда и стремление древнего населения находиться в непосредственной близости от воды. Жилые постройки должны были ставиться на торфянике в прибрежной части, так как подобные свайные конструкции в водоеме невозможны из-за ледостава. Возведение свайных построек делало поселение независимым и от явных сезонных и небольших, постепенных, повышений уровня воды, вызванных климатическими изменениями. Вероятно, еще одним из важных факторов при выборе места поселения была открытость, продуваемость пространства на торфянике как средства защиты от москитов.

Системы расселения в раннем и среднем неолите значительно различались, что было обусловлено как изменением климатических условий, так и сменой хозяйственной и «культурной» стратегии древнего населения. В отличие от достаточно мобильного населения раннего неолита, хозяйство которого было подчинено сезонным изменениям, в среднем неолите ситуация кардинально меняется. Изменение климатических условий и деградация широколиственных лесов, понижение уровня водоемов, их заболачивание и уменьшение их продуктивности могло привести к сокращению объема естественных пищевых ресурсов на этой территории и затруднило доступ к водным ресурсам. Данные условия приводят к изменению стратегии хозяйства — поселения начинают устанавливать на стыке различных ландшафтов, они становятся обитаемыми круглый год, население становится более оседлым, увеличивается количество населения, что приводит к усилению «горизонтальных» социальных связей в социуме, находящей отражение в художественном творчестве (Мазуркевич, 2003а). Именно в это время, на рубеже атлантического и суббореального периодов, появляются сосуда большой емкости, целенаправленно ведется заготовка впрок пищевых и водных ресурсов. Таким образом, изменения в выборе ландшафтов, климатические перемены, а, следовательно, и изменение хозяйственной стратегии, приток нового населения, привели к серьезным переменам, которые и позволяют нам отделять одну культуру от другой.

Литература

- Афанасьев Г.Е., Савенко С.Н., Коробов Д.С. Древности Кисловодской котловины. М., 2004.
- Долуханов П.М., Микляев А.М. Культурные ландшафты на Северо-западе Русской равнины в голоцене// Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л., 1983.
- Калечиц Е.Г. Человек и среда обитания. Восточная Беларусь. Минск, 2003.
- Кузьмина С.А. Новые фаунистические данные по результатам раскопок неолитических памятников Смоленской и Псковской областей// Древности Подвinya: исторический памятник. СПб, 2003.
- Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А., Сулержиский Л.Д. Геолого-палеоэкологические события севера аридной зоны в последние 10 тыс. лет// Проблемы древнейшей истории Северного Прикаспия. Самара, 1998.
- Мазуркевич А.Н. О происхождении увятской культуры среднего неолита// Проблемы археологии. Вып.4. СПб, 1998.
- Мазуркевич А.Н., Кулькова М.А., Полковникова М.Э., Савельева Л.Э. Ранненеолитические памятники Ловатско-Двинского междуречья// Неолит—энеолит юга и неолит севера Восточной Европы. СПб, 2003.
- Мазуркевич А. Н. Первые свидетельства проявления производящего хозяйства на Северо-Западе России // Пушкаревский сборник. Вып. II. СПб., 2003а.
- Мазуркевич А.Н., Короткевич Б.С., Полковникова М.Э. Работы Северо-Западной археологической экспедиции в 2005 году// Отчеты археологических экспедиций за 2004 г. СПб, 2004.
- Мазуркевич А., Полковникова М. Особенности пространственной организации памятника Сертея 3// Acta Archaeologica Albaruthenica. Vol.8. 2008.
- Мазуркевич А., Кулькова М., Долбунова Е. Особенности изготовления ранненеолитической керамики в Ловатско-Двинском междуречье// Acta Archaeologica Albaruthenica. Vol.8. 2008а.
- Микляев А.М. Археологическая география: предмет, задача, метод// АСГЭ. N25. Л., 1983.
- Микляев А.М. Каменный—железный век в междуречье Западной Двины и Ловати// ПАВ. №9. 1995.
- Платонова Н.И. «Палеоэтнологическая парадигма» во французской и русской науке XIX—первой трети XX в.// Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Томск, 2008.
- Dolukhanov P.M., Gey N.A., Miklyayev A.M., Mazurkiewicz A.N. Rudnya—Serteya, a stratified dwelling-site in the upper Duna basin (a multidisciplinary research)// Fennoscandia archaeological. VI. 1989.
- Dolukhanov P.M., Miklyayev A.M. Prehistoric lacustrine pile-dwellings in the north-western part of the USSR// Fennoscandia archaeological. III. 1986.

- Dolukhanov P., Mazurkevich A. Sites lacustres neolithiques de Russie// Archeologia. №369, 2000.
- Dolukhanov P. M., Shukurov A., Arslanov K., Mazurkevich A.N., Savel'eva L.A., Dzinoridze E.N., Kulkova M.A., Zaitseva G. I. The Holocene Environment and Transition to Agriculture in Boreal Russia (Serteya Valley Case Study). 2004. Internet Archaeology, 17(<http://intarch.ac.uk/journal/issue17>).

60 ЛЕТ ИЗУЧЕНИЯ БЕЛЁВСКОЙ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Б.В. Грудинкин, и.с., Калужский областной краеведческий музей

В 1947 г. А.Я. Брюсов опубликовал небольшую статью, посвящённую стоянкам неолита верхнего течения р. Оки (Брюсов, 1947). Материалы этих памятников он объединил в белёвскую неолитическую культуру. Для неё он считал характерным присутствие керамики с ромбоямочным орнаментом и макролитовидные формы орудий. Самостоятельность культуры А.Я. Брюсов продолжал отстаивать и в дальнейшем (Брюсов, 1952). При этом он считал, что культура распространена только в бассейне Верхней Оки. Следует отметить, что наличие ромбоямочной орнаментации в материалах неолитических стоянок Верхней Оки замечено давно (Городцов, 1901. С. 581, 582, 630, 631). Существование культуры долгое время не подвергалось сомнению, только отмечалось наличие ромбоямочного орнамента и сходных орудий в памятниках других регионов (Третьяков, 1965. С. 214; Третьяков, 1972. С. 99—105). Более подробный разбор материалов верхнеокских памятников и описание культуры был сделан Г.Ф. Поляковой (Полякова, 1970). Она же дополнила список памятников (Полякова, 1973). Но больших работ по дальнейшему выявлению и исследованию памятников белёвской культуры долго не проводилось, хотя на различных памятниках краеведы собирали подъёмный материал (Грудинкин, 2004). Однако при объединении памятников в белёвскую культуру туда попали разновременные поселения. Это характерно и для других описанных А.Я.Брюсовым культур (Ошибкина, 1990. С. 7).

Впервые критике белёвская культура была подвержена А.С. Смирновым (Смирнов, 1986). После раскопок, проведённых на притоках Верхней Оки в районе д. Красное в Калужской области, А.С. Смирнов отказался от выделения белёвской культуры. Все открытые ранее памятники он отнёс к деснинской неолитической культуре, проецируя её распространение на весь бассейн Верхней Оки. Им же была опубликована карта памятников, но, к сожалению, без масштаба, что значительно исказило действительность. Если сравнить регион Верхней Оки в нормальном масштабе, то памятники Красного окажутся небольшой точкой в громадном бассейне Верхней Оки. Критика А.С. Смирнова была бы конструктивной, если бы он подробно разобрал материалы предшествующих исследователей и дал им подробную характеристику. Материал действительно требует серьёзного подхода и рассмотрения. В.П.Третьяков несколько по-иному представлял ситуацию с белёвской культурой. По его мнению неолитические памятники Верхнего Подесенья и Верхней Оки составляют единое целое — деснинско-белёвскую археологическую культуру (Третьяков, 1990. С. 34).

Для нормального восприятия следует обратиться к тем памятникам, которые были изначально отнесены к белёвской культуре. А.Я. Брюсов включил стоянки, описанные В.А.Городцовым и другими исследователями (Герасимов, Воеводский, Третьяков, 1941). Тщательное рассмотрение этих материалов позволяет разделить их на разные периоды каменного века. Здесь следует помнить, что ко времени выделения белёвской культуры ещё не была отделена и изучена эпоха мезолита. Памятники мезолита относились к неолиту или палеолиту в зависимости от личной воли исследователя. Но на многих памятниках не было найдено даже керамики, так что отнесение их к неолиту более чем сомнительно. На других памятниках были собраны материалы, явно характерные для эпохи бронзы. Есть также находки, выполненные в технике древнего палеолита, что и послужило причиной утверждения макролитовидности белёвской культуры. При рассмотрении подлинных вещей белёвской культуры видно, что её макролитовидность явно преувеличена. Массивность артефактов белёвской культуры связана с местным сырьём, которое не всегда высокого качества и использовалось, вероятно, в зависимости от ситуации.

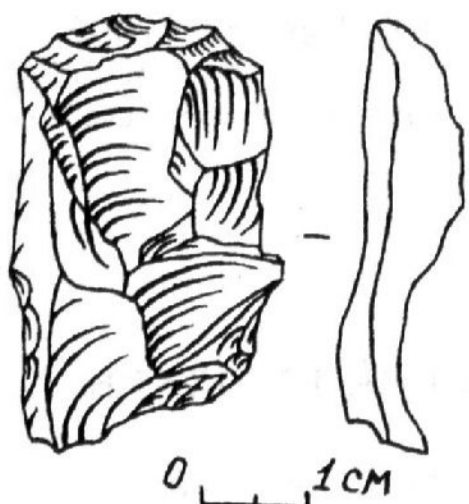


Рис. 1. Головино (Головнино).
Скребок. Калужская область.

к какой-либо эпохе и культуре. На многих памятниках собирались лишь красивые, тщательно изготовленные орудия и артефакты, которые бесспорно характеризуют тот или иной памятник, но без другого материала их ценность значительно снижается. Исследователи в большинстве случаев не включают в характеристику памятников отходы производства. Отщепы, сколы, чешуйки кремня, подвергнутые серьёзному исследованию, дают интересные результаты в характеристике и изучении каждой из эпох.

При внимательном разборе материалов памятников близ Белёва лишь 7 из них имеют неолитические материалы. Только на 3 стоянках найдены материалы белёвской культуры: Сестринский Хрящ, Воронеж, Федяшево (Грудинкин, 2005. С. 189—190). Один памятник получил очень странное определение как Белёвский вариант Деснинской культуры — так поступила Т.В. Наумова после раскопок поселения Жабынь-1. Опубликованный Т.В. Наумовой материал характерен для Деснинской неолитической культуры по керамике, технике обработки камня и расположению памятника на первой надпойменной террасе (Наумова, 2000. С. 25—35). Стоянки около Жабыни, после опубликования материалов раскопок, следует исключить из белёвской культуры. Два пункта отдельных находок значительно удалены от основной территории распространения культуры и, вероятно, к неолиту не имеют отношения. Они расположены в бассейне р. Вытебети, правого притока р. Жиздры — левого притока р. Оки в её верхнем течении. А.Я. Брюсов отметил пункт Ржавка на левом берегу р. Вытебети, а Городок у истоков р. Дубёнки, правого притока р. Вытебети (Брюсов, 1952. Рис. 8. С. 50). В Калужской области, в этой местности есть населённый пункт Ржавка. Ржавцами в Белёвском районе Тульской области местные жители называют родники. Г.Ф. Полякова обозначила этот пункт на правом берегу р. Вытебети (Полякова, 1973. С. 147). Пунктов под названием Городок на Верхней Оке несколько. Поэтому, о каких местонахождениях идёт речь, неясно, они требуют перепроверки. На памятнике около д. Головино найден один концевой скребок и отщеп (Герасимов, Воеводский, Третьяков, 1941. С. 47). Головино расположено на высокой террасе коренного берега р. Оки, около 30—40 м над урезом воды в реке. Находки обнаружены около северной окраины деревни на огородах. Подобное расположение памятников характерно для мезолитических стоянок, как и концевой скребок на короткой пластине (рис. 1) (Государственный Эрмитаж. Отдел археологии Восточной Европы и Сибири. Колл. № 1303/714). Неолитическая стоянка близ этой деревни открыта автором только в 1987 г. и расположена она на песчано-гравийном мысу левого берега р. Оки (Грудинкин, 2004. С. 38—39).

Неясна позиция авторов «АКР: Калужская область», отнёсших ряд стоянок к эпохе неолита, хотя в материалах этих памятников отсутствует неолитическая керамика, а кремнёвые артефакты явно мезолитического облика. К тому же памятники эти удалены на большое расстояние от реки, что не характерно для неолитических стоянок этого региона. Это памятники около дд. Дешёвки, Спас, Росва, Резвань, Андреевское, Нижняя Вырка (Кашкин, Краснов, Массалитина, Прошкин, Смирнов, Сорокин, Фролов, 2006. С. 63, 68—73). И уж совсем непонятна датировка поселений эпохой неолита у д. Желыбино, где автором проведены раскопки и среди кремнёвых артефактов найдены типичные для мезолита

наконечники стрел на пластинах, а материалы раскопок опубликованы (Кашкин, Краснов, Массалитина, Прошкин, Смирнов, Сорокин, Фролов, 2006. С. 65; Болдин, Грудинкин, Ефимов, Массалитина, Прошкин, Хохлова, 1999. Рис. 31. С. 99, 107). Почему авторы «АКР: Калужская область» выделили только два района концентрации памятников неолита в бассейне Верхней Оки, непонятно (Кашкин, Краснов, Массалитина, Прошкин, Смирнов, Сорокин, Фролов. С. 28—29). Следует заметить, что второй район, выделяемый авторами близ устья р. Жиздры, не отмечен исследованиями, там нет концентрации памятников неолита. Границы второго района авторы распространяют до округи г. Белёва. Но вблизи г. Белёва нет больших скоплений памятников неолита, а большинство памятников относятся к другим эпохам (Грудинкин, 2004). К тому же устье Жиздры удалено от Белёва на 50 км. Стоянки на Жиздре расположены на речных мысах, а около Белёва — на первых надпойменных террасах. Подобные публикации вносят путаницу в изучение эпохи неолита и, в частности, в изучение белёвской культуры.

С 1984 г. автором проводится изучение памятников неолита на Верхней Оке (Грудинкин, 2004а). Было открыто много новых стоянок и местонахождений и проверены пункты ранее открытых памятников. Новые памятники открыты в Калужской и Тульской областях: Жеремино 1, Жеремино 2, Чекалин 4, Западное 1, Оптина Пустынь 3, Оптина Пустынь 4, Нижние Прыски, Полошково 1, Полошково 2, Каменка 1, Верхнее Алопово-местонахождение 1, Верхнее Алопово-местонахождение 2, Камышенка, Гордиково-2, Перемышль, Вороново, Голодское, Горки, Корекозёво 1, Корекозёво 2, Андреевское, Головино, Сивково, Желыбино 1, Боровая, Анненки 1, Анненки 2, Анненки-местонахождение 1, Квань, Ромодановские Дворики, Калуга 1 «Средний перевоз», Калуга 2, Некрасово 1, Пучково, Турынинские Дворики 2, Криуши-местонахождение, Авчурино, Никольское 1, Никольское 2, Ахлебенино 2, Парашенки 1, Новолоки, Караваенки, Усадье, Пески, Михайловка, Воронино-мастерская, Висляево, Кашурки, Коврово 2, Дугна, Троицкое 1, Троицкое 2, Коровино, Красное 1, Красное 2, Картавцево, Щукино, Фомищево, Коллопаново, Алексин 2, Алексин 3, Алексин местонахождение-1, Алексин местонахождение-2, Бунырёво (Грудинкин, 2001, 2004а, б, 2007, 2008). Всего 64 памятника.

Памятники Тульской группы выделены по сборам подъёмного материала. Всего отмечено 35 памятников. Среди сборов фрагменты керамики присутствуют лишь на нескольких памятниках, на остальных — только кремнёвые артефакты (Полякова, 1970. С. 247—250). Вероятно, те памятники, на которых не найдена керамика, не относятся к неолиту. Все эти пункты требуют дополнительных исследований.

При сравнении комплексов орудий белёвской, деснинской и льяловской культур выделяются их специфические особенности. Для изготовления орудий в каждой культуре использовали своё местное сырьё. Белёвцы производили орудия из полупрозрачного кремня различной окраски с преобладанием различных оттенков коричневого, добываемых из отложений известняков каменноугольного возраста. Небольшое число орудий изготовлено из кварцитовых и диоритовых галек. Деснинцы применяли серый меловой кремень, кварцит, песчаник. Льяловцы

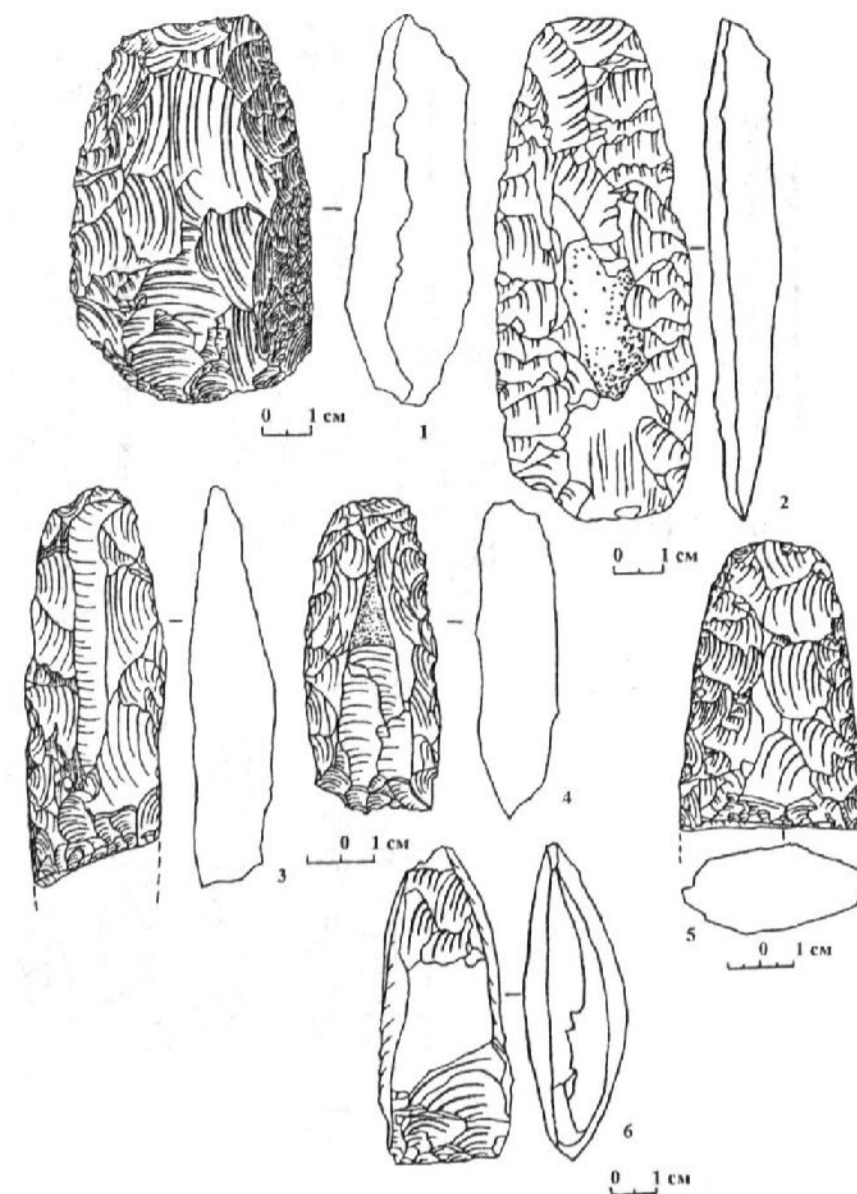


Рис. 2. Рубящие орудия Белёвской культуры.
1, 6 — топоры; 2—5 — тёсла. 1 — Пески; 2 — Калуга;
3, 4 — Троицкое-1; 5 — Красное-1; 6 — Кашурки.
1—4, 6 — Калужская область; 5 — Тульская область,
Алексинский район.

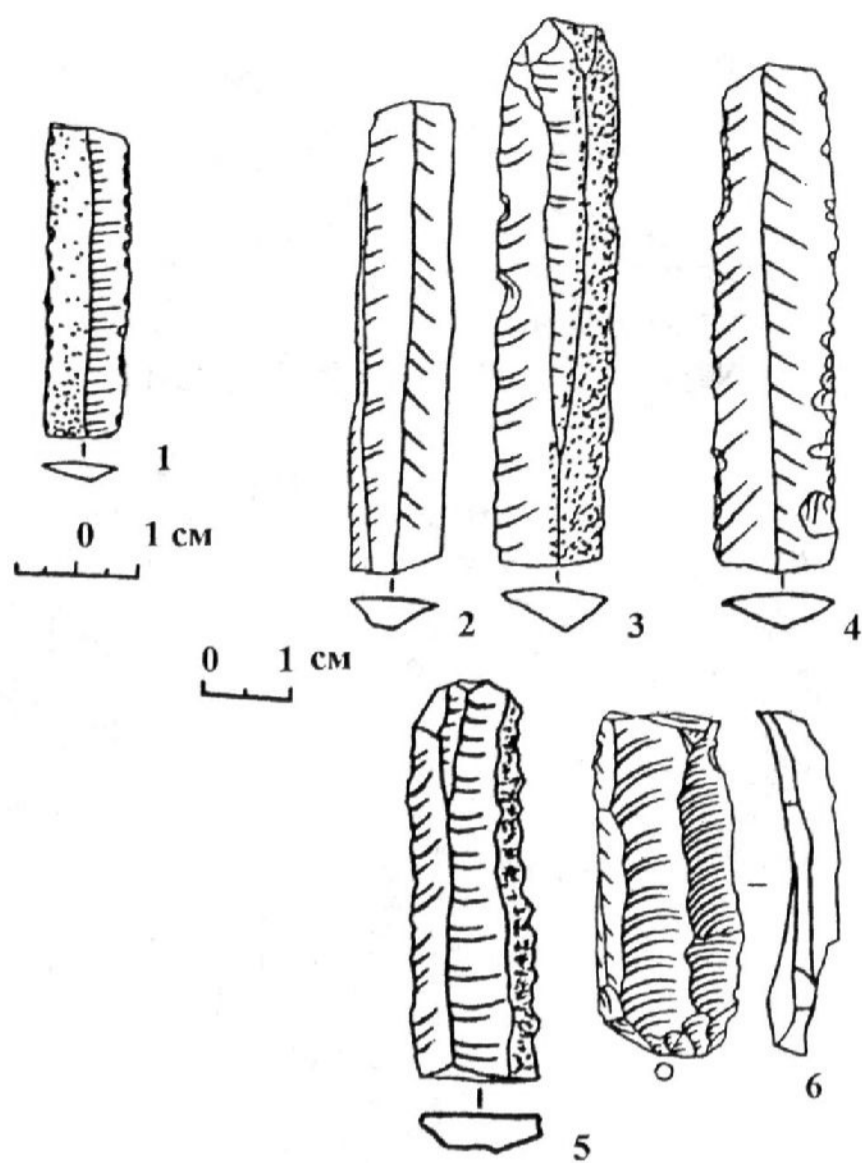


Рис. 3. Пластины Белёвской культуры. 1 — Красное-1; 2, 3 — Калуга; 4 — Борщёвка; 5 — Анненки-3; 6 — Коврово-1. 1 — Тульская область, Алексинский район; 2—6 — Калужская область.

орудий грубо и небрежно подправлены сколами, у многих орудий рабочие края использовались без подправки ретушью, часто сохраняется корка от конкреции. Рубящие орудия в основном использовались без шлифовки, и лишь некоторые имеют пришлифовку рабочей части и

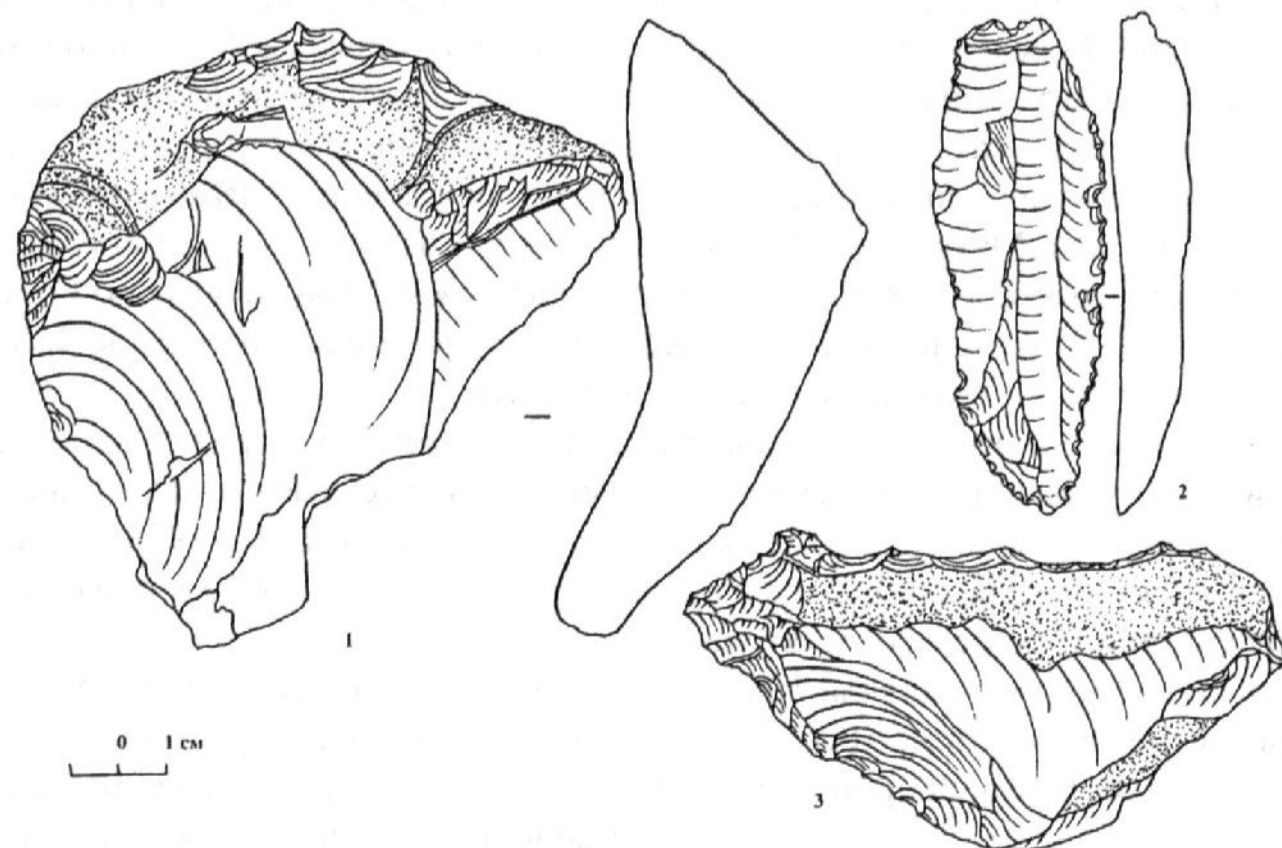


Рис. 4. Троицкое-1. 1, 3 — скрёбла; 2 — скобель-проколка. Калужская область.

использовали окристаллизованный кремний, опоку, сланец, песчаник, диорит (Гурина, Крайнов, 1996. С. 178).

Обработка камня в этих культурах развивалась на собственных традициях. Для льяловской и деснинской культур характерна тщательная отделка всех типов орудий, реже использовались неретушированные орудия. Значительное количество орудий имеют правильную геометризированную форму. Рубящие орудия в большинстве тщательно отшлифованы. Развивается техника сверления камня. Хорошо развита техника отжима. Белёвцы изготавливали более массивные и крупные орудия, чем у льяловцев и деснинцев. В первичной и вторичной обработке преобладает техника скола над техникой отжима. Основная масса орудий имеет неправильную, нестандартизированную форму, и даже простые типы орудий имеют часто уродливую в плане форму. Рабочие края большинства

незначительную шлифовку на поверхности (рис. 2: 2, 3). Совершенно не отмечена у белёвцев техника сверления камня.

В деснинской культуре хорошо заметна развитая пластинчатая индустрия, уходящая корнями в местный мезолит, как это видно по материалам стоянок Красное VI и Красное X. При этом Красное X, по А.С. Смирнову, опорный памятник для Верхней Оки (Смирнов, 1989а. С. 15—17). Орудия изготавливались на правильных, хорошо огранённых пластинах и их сечениях (Смирнов, 1986а. Рис. 4. С. 12. Рис. 5. С. 14; Смирнов, 1989б. С. 5—26). Для белёвской культуры редки находки орудий на пластинах, да и те плохо огранённые и массивные; нечасто они имеют правильную форму, в большинстве случаев пластины реберчатые или ребро лишь частично сколото, нередко на них сохраняется корка от конкреции (рис. 3: 1—6).

Орудийные комплексы этих культур при внимательном рассмотрении имеют также значительные различия. Белёвцы не имели: ложкарей, мотыг, шлифовальников, стругов — орудий, характерных для льяловцев (Сидоров, 1986а. С. 9—12; Сидоров 1986б. С. 121—128; Гурина, Крайнов, 1996. С. 178). Функции стругов у белёвцев выполняли крупные скрёбла на массивных отщепах (рис. 4: 1, 3). От деснинцев их отличает отсутствие: орудий с выемками, «кривых ножей» и «фигурных кремней». В охотничьем инвентаре наконечники ромбической формы более вытянутые, чем у деснинцев; листовидные формы не имеют большого расширения насада, как у льяловцев (рис. 5: 1—5). Не отмечены у льяловцев и деснинцев проколки типа скарификаторов, характерные для белёвской культуры (рис. 6: 1—8). Объединяет их лишь присутствие макролитовидных орудий (Жуков, 1927, 1929). Специфическим орудием, выделенным автором, может быть только перфоратор типа скарификатор-копье. Это медицинский инструмент одноразового применения с центральным копьем для взятия пробы капиллярной крови при лабораторных клинических исследованиях. Кремнёвый аналог имеет такое же, как и у медицинских инструментов, широкое лезвие в виде наконечника копья и расширенную аккомодационную часть (рис. 6: 9). Сходство лезвия инструмента с кремнёвым аналогом дало автору повод обозначить их одним термином. Некоторые типы артефактов редко встречаются на памятниках белёвской культуры: это скребки, найденные на стоянках в Алексине и Бунырёво (рис. 7: 1, 2), нуклеус для отщепов из плоской конкреции кремня из Коврово 1 (рис. 8: 1), топор со стоянки Пески (рис. 2: 1), скребок с выделенными выемками аккомодационной частью для закрепления в рукоятке из Кашурок (рис. 7: 7).

Ещё одной особенностью белёвской культуры является очень низкое расположение стоянок по отношению к урезу воды в реке. Несколько памятников расположено на островах: Сестринский Хрящ, Полошково 2, Горки, Криуша, Караваенки, Фомищево. Столь низкое расположение свидетельствует о каком-то климатическом оптимуме, который позволил селиться очень близко к воде.

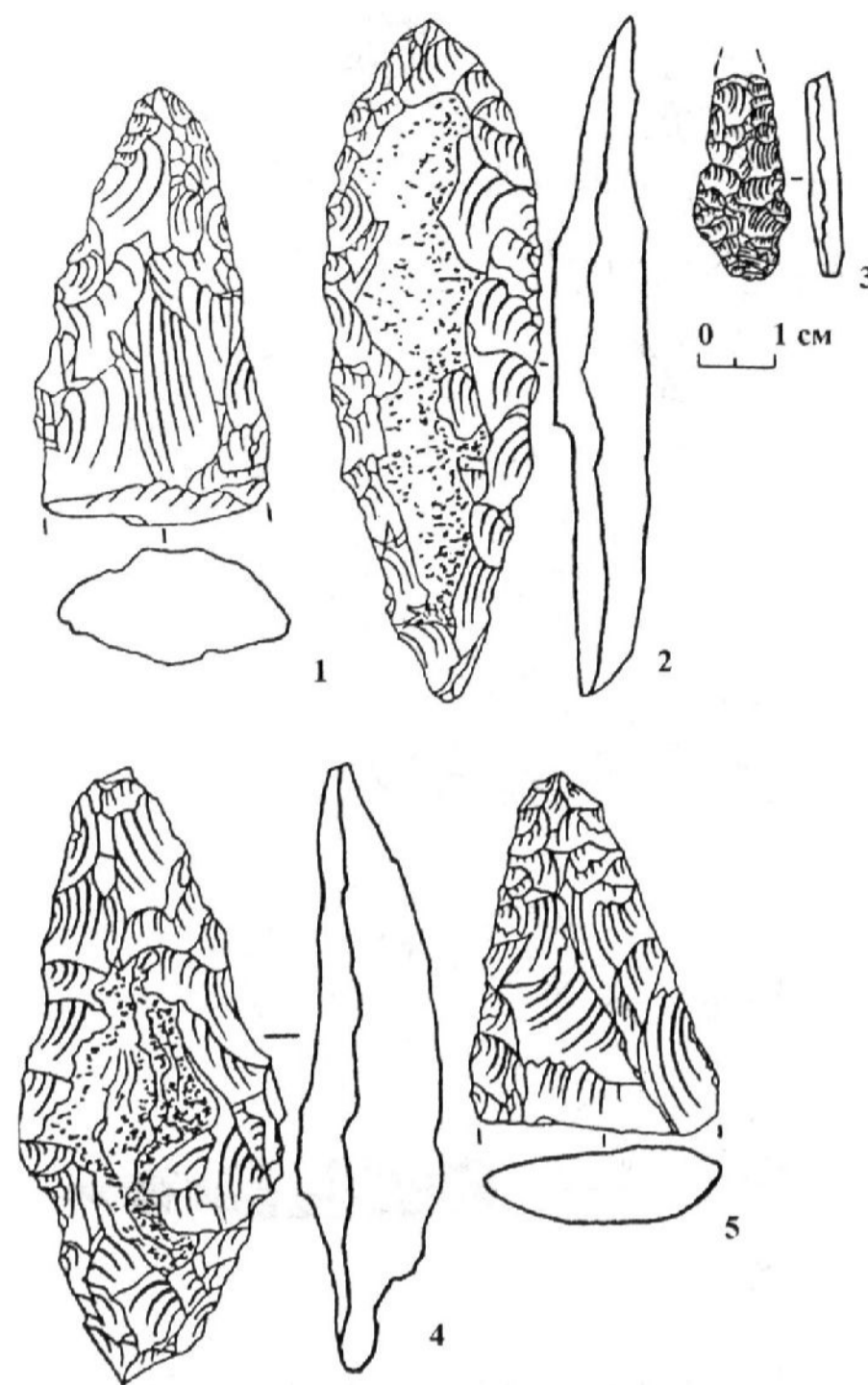


Рис. 5. Наконечники стрел Белёвской культуры. 1, 2 — Кашурки; 3 — Коврово; 4, 5 — Висляево. Калужская область.

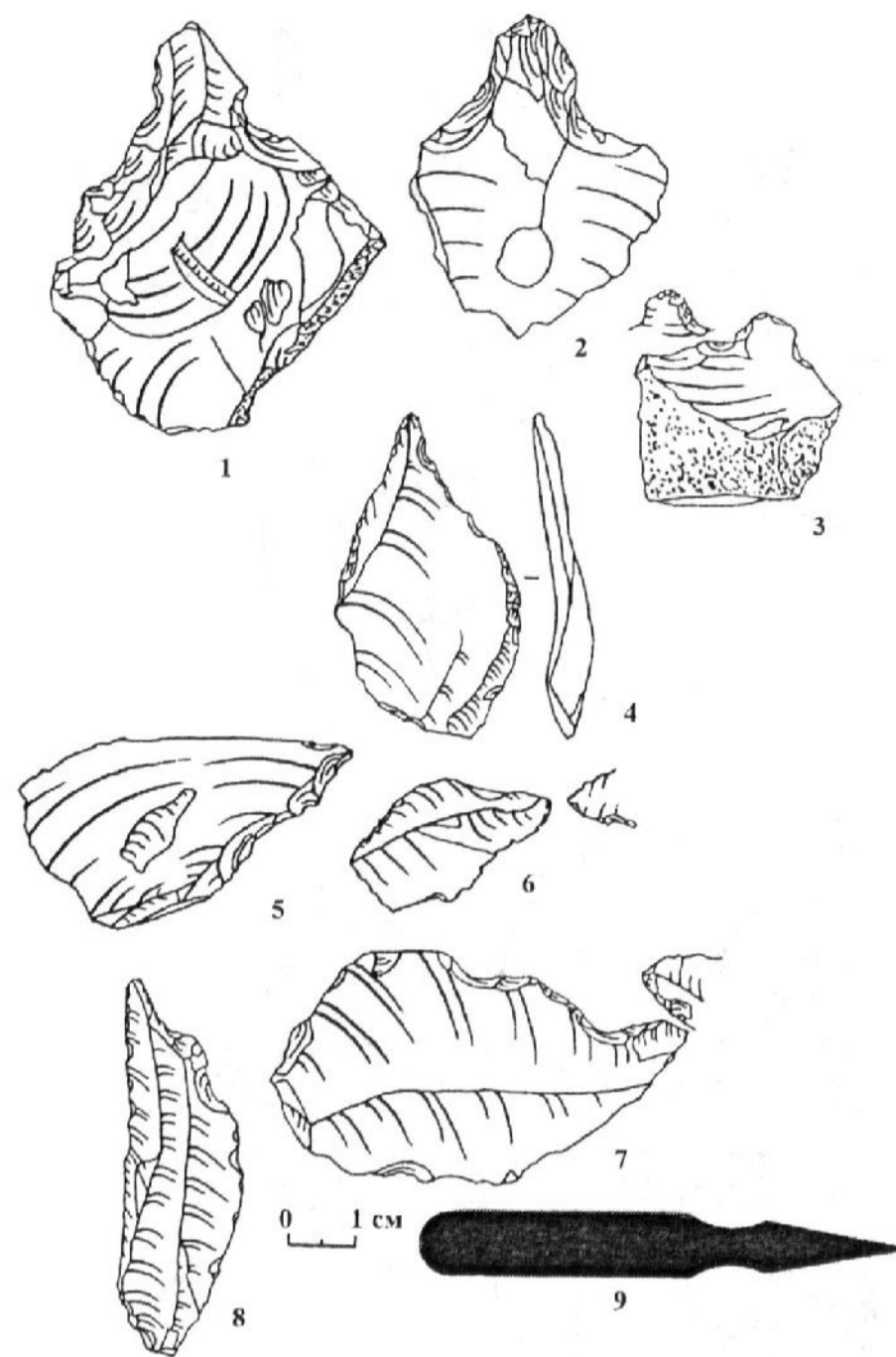


Рис. 6. Перфораторы Белёвской культуры. 1—7 — перфораторы-скарifikаторы; 8 — обычный перфоратор — проколка-развёртка; 9 — медицинский инструмент перфоратор-копье. 1 — Борщёвка; 2 — Висляево; 3 — Кашурки; 4 — Коврово; 5, 6 — Анненки-3; 7, 8 — Калуга, Калужская область.

ромбами, гребёнками.

Небольшие оттиски гребёнки, выполненные в технике накола, считаются принадлежностью верхне-волжской ранне-неолитической культуры. Исследования показали, что для раннего неолита Волго-Окского междуречья верхневолжская культура не может считаться генетической основой (Сорокин, 1991. С. 59—62). Единичные экземпляры фрагментов керамики, украшенных оттисками гребёнки в стиле верхневолжской культуры, есть в материалах всех стоянок Верхней Оки. В дальнейшем появляются искусственные штампы, оттисками гребёнки плотно покрывается вся поверхность сосуда, и на позднем этапе оттиски гребёнки собираются в композиции часто с другими элементами, что отмечается на всех стоянках Верхней Оки (Грудинкин, 2004. С. 110).

В глиняном тесте этой керамики на всех этапах её развития большая примесь дресвы. Другие отощители применялись реже. Среди них встречаются шмот, органика всегда вместе с дресвой и очень редко один песок. Для характеристики дресвы она условно по размерам зёрен разделялась на мелкую — менее 2 мм в сечении, среднюю — 2—3 мм, крупную — 4—8 мм (Грудинкин, 2004а. С. 26). В основном все сорта дресвы чаще встречаются в глиняном тесте одного сосуда, но нередко встречается и преобладание одного сорта дресвы над другими.

Следует отметить, что усиленное изучение эпохи мезолита в бассейне Верхней Оки позволило по-новому оценить неолитические материалы. Во-первых, ни одна из мезолитических культур не послужила подосновой для белёвской культуры, хотя в деснинской культуре в кремнёвом материале просматривается влияние мезолитических культур Десны.

Наиболее ранним орнаментом, нанесенным на керамическую посуду, считается орнамент, выполненный наколами. На Оке найдено небольшое количество фрагментов керамики с орнаментом в этой технике. На среднем этапе неолита появляется сплошная орнаментация ромбами в шахматном порядке, и лишь венчики и край могут быть украшены оттисками гребёнки.

Поздний этап характеризуют украшения из разнообразных ромбов с пирамидальным, рубчатым, коническим, реберчатым, ступенчатым, решетчатым и просто неровным дном. Ромбы встречаются крупные, вытянутых пропорций и небольшие глубокие и мелкие с различным дном. Часто встречаются сочетания ромбов с другими элементами орнамента. На этом же этапе ромбы теряют свою чёткую форму, выполнены небрежно. Наряду с орнаментацией ромбами существует орнамент, выполненный ямками и оттисками гребенчатого штампа.

Ямочный орнамент на Верхней Оке встречен в различных вариантах от раннего, выполненного в наколято-отступающей технике, до сплошного покрытия им сосудов на развитой и поздней стадии неолита, сочетание круглой ямки в композиции с другими элементами:

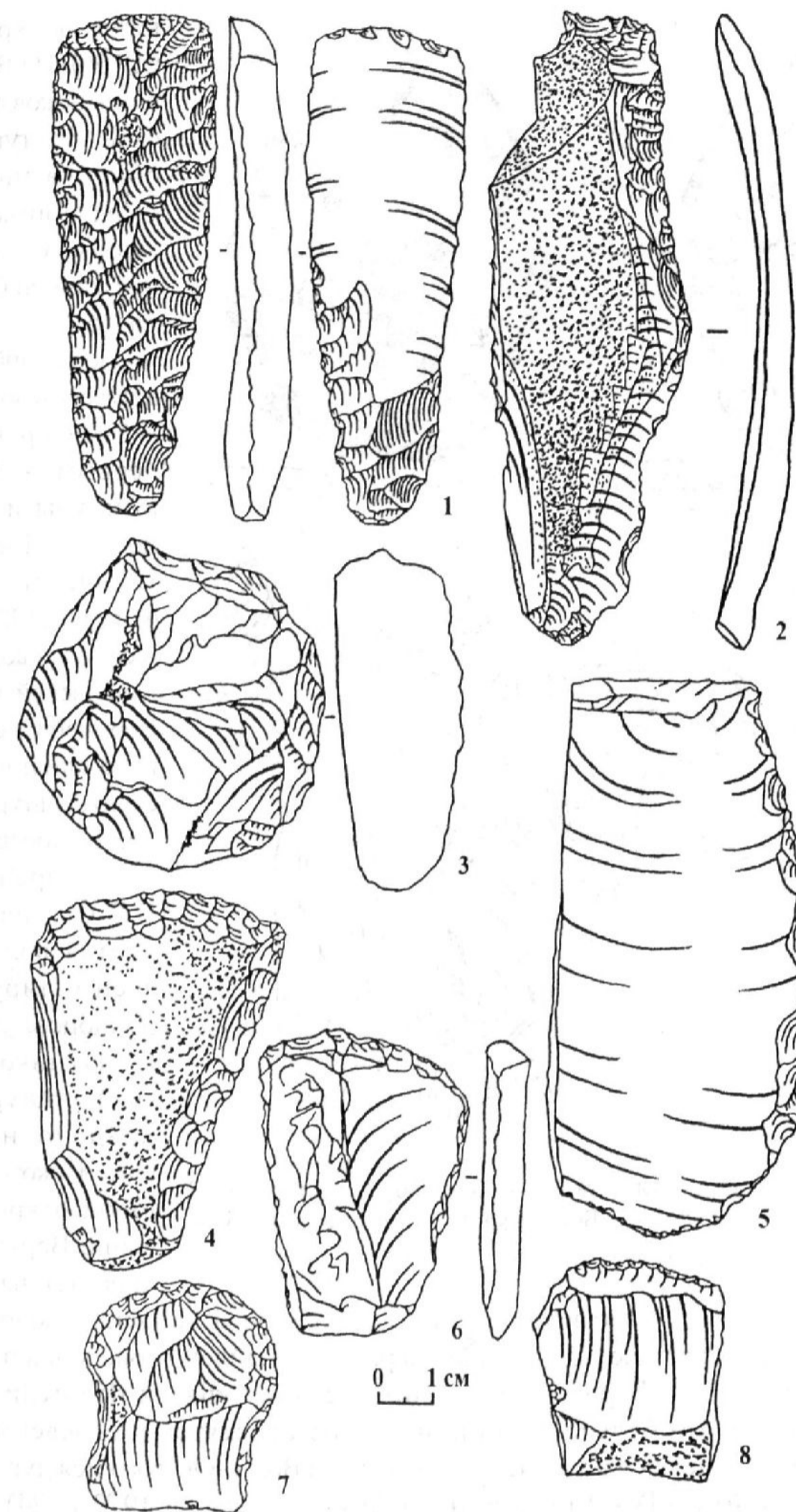


Рис. 7. Скрепки Белёвской культуры. 1 — Алексин-3; 2 — Бунырёво; 3, 4 — Калуга; 5 — Висляево; 6, 7 — Кашурки; 8 — Борщёвка. 1, 2 — Тульская область, 3—8 — Калужская область.

Во-вторых, мезолитические культуры на Верхней Оке датируются исследователями от середины VIII тысячелетия до н.э. по VI тысячелетие до н.э. (Кольцов, Сорокин, 1989. С. 71, 76, 86; Сорокин, 2006. С. 89). А.С. Смирнов отнёс бассейн Верхней Оки к деснинской неолитической культуре и датировал её от второй половины IV до III тысячелетия до н.э. (Смирнов, 1996. С. 205). При этом полностью исчезает V тысячелетие до н.э., что явно абсурдно. Забыли об этом и авторы «АКР: Калужской области» (Кашкин, Краснов, Массалитина, Прошкин, Смирнов, Сорокин, Фролов, 2006. С. 29, 32, 33). С V тысячелетия до н.э. начинает развиваться верхневолжская ранне-неолитическая культура, которая развивается на базе позднебутовской

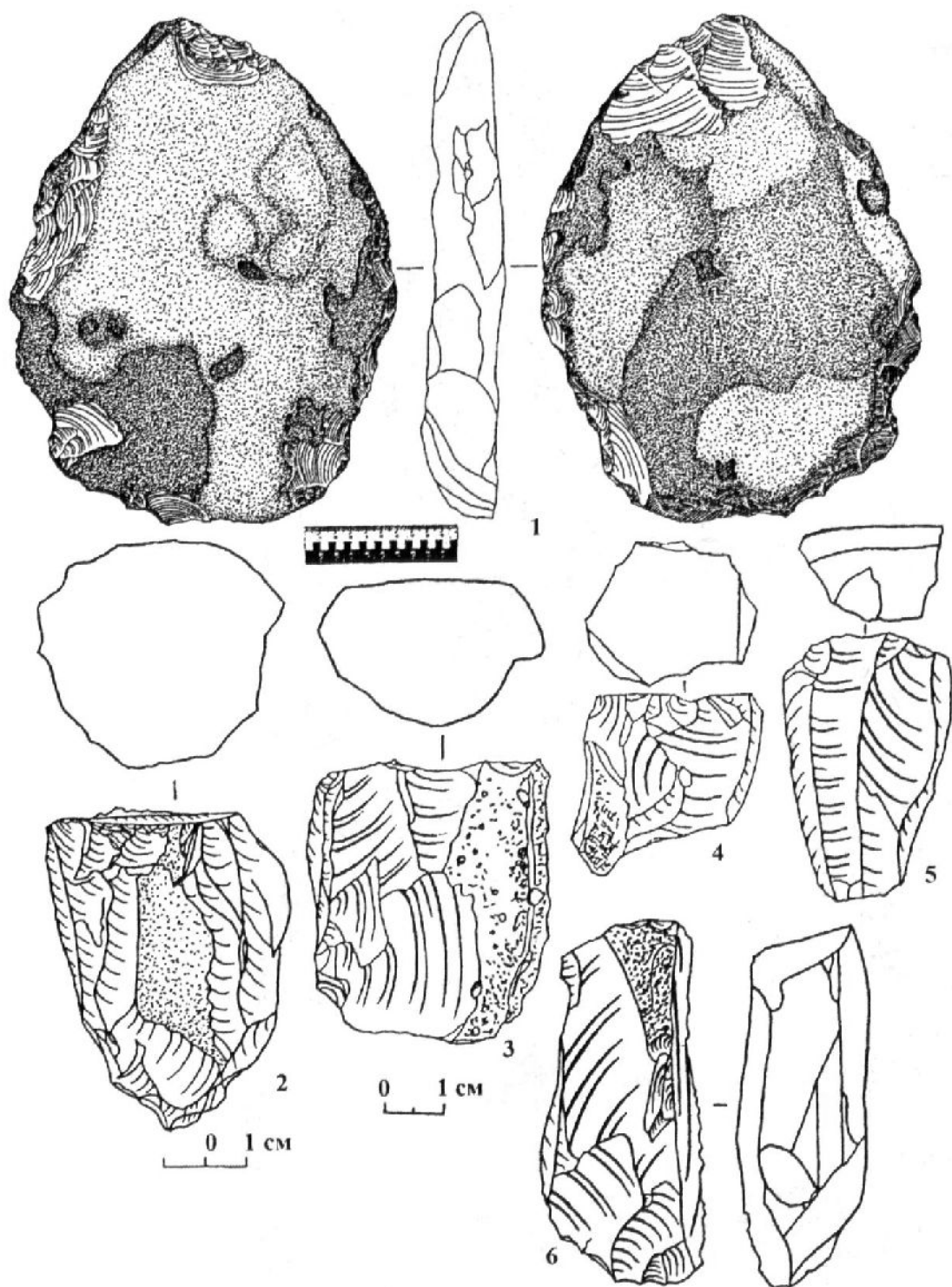


Рис. 8. Нуклеусы Белёвской культуры. 1 — Коврово; 2 — Троицкое-1; 3 — Вишляево; 4 — Кашурки; 5 — Борщёвка; 6 — Бунырёво. 1—5 — Калужская область, 6 — Тульская область.

ской культуры. Несколько памятников деснинской культуры найдены около монастыря Жабынь. Памятник с неолитической ямочной керамикой найден около монастыря Доброе (Грудинкин, 2004а. С. 114). Вероятно, в неолите здесь проживали носители нескольких культурных традиций. Но большинство памятников относятся к белёвской культуре. Д.А.Крайнов и Л.В.Кольцов полагали, что эпоха неолита Волго-Окского междуречья длилась около трёх тысячелетий (V—IV—III тыс. до н.э.) (Крайнов, Кольцов, 1979. С. 24). На Верхней Оке в это время существовала белёвская культура. В III тысячелетии до н.э. племена белёвской культуры вытесняются племенами ранней бронзы (Грудинкин, 2004а. С. 115).

Литература и источники

- Брюсов А.Я. Белёвская неолитическая культура// КСИИМК. Вып. XVI. 1947.
 Брюсов А.Я. Очерки по истории племён Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.
 Болдин И.В., Грудинкин Б.В., Ефимов А.Е., Массалитина Г.А., Прошкин О.Л., Хахлова Т.М. Археология Калужской области. Калуга, 1999.
 Городцов В.А. Русская доисторическая керамика// Труды XI АС в Киеве в 1899 г. М., 1901.
 Герасимов М.М., Воеводский М.В., Третьяков П.Н. Долина р. Оки, 1935—1936 гг.// Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М.: Л., 1941.
 Грудинкин Б.В. Отчёт об археологических разведках и раскопках в 2001 г. в Калужской и Тульской областях// Калуга, 2001. Архив ИА РАН, б/н.
 Грудинкин Б.В. Белёвская неолитическая культура. М., 2004а.
 Грудинкин Б.В. Отчёт об археологических разведках и раскопках в 2004 г. в Калужской и Тульской областях// Калуга, 2004б. Архив ИА РАН, б/н.
 Грудинкин Б.В. Проблемы в изучении неолита Верхнего Поочья// Белёвские чтения. Вып. 5. М., 2005.

культуры (Крайнов, 1996. С. 166). На Верхней Оке памятников верхневолжской культуры не было обнаружено. Что же тогда за археологическая культура существовала на Верхней Оке в V тыс. до н.э.?

Последний этап верхневолжской культуры, по В.В.Сидорову, является первым — льяловской культуры и датируется последней четвертью V тысячелетия до н. э. (Сидоров, 1986. С. 18—20). К сожалению, памятников льяловской культуры на Верхней Оке не найдено и её влияние на белёвскую культуру не отмечено. Льяловская культура, по представлению В.В.Сидорова, вытесняется волосовской и ассимилируется ею (Сидоров, 1986. С. 20). Памятников волосовской культуры также не найдено на Верхней Оке. Некоторые памятники, открытые в бассейне Верхней Оки, не характерны для белёв-

Грудинкин Б.В. Отчёт об археологических разведках и раскопках в 2007 г. в Калужской и Тульской областях// Калуга, 2007. Архив ИА РАН, б/н.

Грудинкин Б.В. Отчёт об археологических разведках и раскопках в 2008 г. в Калужской области// Калуга, 2008. Архив ИА РАН, б/н.

Гурина Н.Н., Крайнов Д.А. Льяловская культура// Археология. Неолит Северной Евразии. М., 1996.

Жуков Б.С. К вопросу о стратиграфии и культуре неолитической стоянки близ с. Льялова Московского уезда// РАЖ. Т. 16. Вып. 1—2. 1927.

Жуков Б.С. Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики// Этнография. 1929. № 1.

Кольцов Л.В., Сорокин А.Н. Мезолит Волго-Окского междуречья// Археология СССР. Мезолит СССР. М., 1989.

Крайнов Д.А., Кольцов Л.В. Проблемы первобытной археологии Волго-Окского междуречья// Советская археология в X пятилетке. Л., 1979.

Крайнов Д.А. Верхневолжская культура// Археология. Неолит Северной Евразии. М., 1996.

Кашкин А.В., Краснов Ю.А., Массалитина Г.А., Прошкин О.Л., Смирнов А.С., Сорокин А.Н., Фролов А.С. Археологическая карта России Калужская область (издание второе, перераб. и дополн.). М., 2006.

Наумова Т.В. Многослойное поселение Жабынь-1 на Верхней Оке. (Предварительные итоги историко-археологических исследований 1994—1996 гг.)// Куликово поле. Вопросы историко-культурного наследия. Тула, 2000.

Ошибкина С.В. Научные концепции А.Я. Брюсова и современная археология// Проблемы археологии Евразии (по материалам ГИМ). Труды ГИМ. Вып. 74. М., 1990.

Полякова Г.Ф. Племена белёвской культуры// Труды ГИМ. Вып. 44. М., 1970.

Полякова Г.Ф. Неолитические племена верхнего течения р. Оки// МИА. № 172. М.: Л., 1973.

Смирнов А.С. Белёвская культура (проблемы неолита верхней Оки)// СА. № 4. 1986.

Смирнов А.С. Красное X — опорный памятник неолита Верхней Оки// Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Тез. докл. 3-й историко-археологической конф. в Калуге. Калуга, 1989а.

Смирнов А.С. Памятники раннего неолита Десны// СА. 1989б. № 3.

Смирнов А.С. Неолит лесного Подесенья// Археология. Неолит Северной Евразии. М., 1996.

Сидоров В.В. Льяловская культура в западной части Волго-Окского междуречья// Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. М., 1986а.

Сидоров В.В. Маслово Болото 7 — поселение льяловской культуры// СА. 1986б. № 4.

Сорокин А.Н. Новые данные по мезолиту бассейна р. Оки // Актуальные вопросы Волго-Окского мезолита. М., 1991.

Сорокин А.Н. К проблеме финального палеолита Центральной России// РА. 2006. № 4.

Третьяков В.П. К вопросу о каменных орудиях Волго-Окского междуречья// МИА. 1965. № 131.

Третьяков В.П. Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе европейской части СССР. Л., 1972.

Третьяков В.П. Неолитические племена лесной зоны Восточной Европы. Л., 1990.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА БАСЕЙНА ВЕРХНЕЙ ОКИ

Е.В. Столяров, аспирант, Институт археологии РАН

Подзона смешанных лесов Центральной полосы Восточной Европы является неодинаково изученной в культурном плане. Есть регионы, которые изучаются в течение длительного времени, но материалы, полученные в ходе археологических работ, по тем или иным причинам остаются не введенными в широкий научный оборот. Не является таким исключением и бассейн верхней Оки, чья история изучения насчитывает более 100 лет, но накопленный археологический материал до сих пор толком не изучен, а одной-единственной монографией, посвященной данному региону в эпоху раннего железа, остается труд Т.Н. Никольской «Культура племён бассейна Верхней Оки в I т. н.э.» [1]. Такая ситуация порождает много неточностей, заблуждений и, как следствие, массу нерешенных проблем. Особенно при этногенетических реконструкциях ввиду участия верхнеокского населения в качестве субстратного элемента в процессе сложения великорусской народности.

В современной историографии верхнеокская группа поселений раннего железного века фигурирует в ранге самостоятельной верхнеокской археологической культуры, что вызывает

среди исследователей много споров. Все ссылки указывают на то, что её выделил в 1960-е годы П.Н. Третьяков. Данная традиция впоследствии прочно закрепилась в историографии. Но, как показывает анализ его работ, ни в одной из них он не придавал им статуса самостоятельной культуры, а оперировал исключительно категорией «группа городищ», понимая под этим отдельный, локальный вариант городищ Смоленщины [2. С. 124], которые впоследствии можно будет объединить в общие границы [3. С. 43].

В работах Т.Н. Никольской верхнеокские городища также не значатся в ранге самостоятельной культуры. Она пишет о культуре верхнеокских городищ или племен второй половины I тыс. до н.э. — первых веков н.э. [1].

Впервые категория «верхнеокская культура» мы обнаруживаем в ответной статье 1969 г. В.В. Седова П.Н. Третьякову по вопросу генезиса белорусской народности, где верхнеокская группа городищ уже выделяется им в качестве самостоятельной археологической культуры, а балтский же характер населения не вызывает у В.В. Седова никаких сомнений [4. С. 116].

Налицо методологическая и историографическая неточность, когда для удобства интерпретаций и обобщающих построений из-за спорных проблем в определении методологической природы археологической культуры [5. С. 3—10], «выяснения её социологического содержания, этнической и этнолингвистической атрибуции» [6. С. 13], и, как следствие, номенклатурного и структурного разнобоя [7. С. 4], так и критериев её выделения, памятникам, чей культурный статус-ранг ещё не был установлен, был придан характер самостоятельной культуры, что и породило столь парадоксальную ситуацию: *de facto* мы имеем дело с группой поселений, имеющих набор характерных черт, а *de jure* с самостоятельной культурой, атрибутирующие признаки которой до сих пор не разработаны. Типичные же черты верхнеокских городищ типа Николо-Ленивец, Свинухово, Надежда, выделенные ещё Т.Н. Никольской и П.Н. Третьяковым, автоматически перешли на характеристику всех памятников бассейна Верхней Оки эпохи раннего металла, которые и известны в качестве «верхнеокской культуры».

Разработка четких определений для конкретных археологических культур — сложная задача. Многие археологические культуры, которые издавна фигурируют в исследованиях, до сих пор не имеют точного научного определения [8. С. 26]. Не составляет исключения и «верхнеокская культура». Следовательно, прежде чем придавать археологическим памятникам какой-либо статус (культуры, локального варианта), выяснять территорию их распространения, необходимо дать им научное определение, т.е. «найти такое типологическое определение их культурного комплекса, которое было не случайным, а отражающим реально существующую археологическую общность» [8. С. 27].

В связи с этим одной из главных проблем является проблема атрибуции верхнеокских поселений раннего железного века, т.е. выделения комплекса их главных признаков, роднящих или отделяющих эти памятники от соседних культур и культурных типов. Данная проблема должна, безусловно, решаться в контексте культурно-хронологической и культурно-территориальной дифференциации всего бассейна Верхней Оки и Окско-Донского водораздела в эпоху раннего металла, которые представляли собой контактную зону целого ряда лесных и лесостепных культур.

С решением вышеозначенной проблемы связаны решения более частных, но не менее значимых проблем. Первая из которых — уточнение ареала распространения верхнеокских поселений РЖВ с учетом всех известных на данный момент памятников. Дело в том, что большинство знаковых верхнеокских поселений раннего железа, как правило, городищ, было открыто и изучено Верхнеокским отрядом Славянской археологической экспедиции под руководством Т.Н. Никольской. Изучению подвергались преимущественно территории калужского и орловского течения р. Оки, тульское же практически не изучалось. Среди наиболее репрезентативных памятников, относимых к «верхнеокской культуре» можно назвать: городища Дуна, Синяково, Сатинки, Супруты. Основная же масса поселений правобережного тульского течения Оки, открытых за последние десятилетия, предусмотрительно ни культурно, ни хронологически не атрибутирована. Хотя исследователями априорно и отмечается, что их материалы имеют некоторые аналогии с калужскими и орловскими [9. С. 41], в отношении же керамического комплекса этот вопрос очень спорен и нуждается в тщательной проработке.

Совершенно очевидно, что культурная дифференциация поселений тульского правобережного течения р. Оки позволит со временем более точно установить восточную границу верхнеокской группы поселений, а не довольствоваться предположением о её совпадении с западной границей городецкой культуры раннего железного века.

В определении северо-восточной границы с дьяковской культурой трудностей, как правило, не возникает из-за своеобразия керамического комплекса дьяковских поселений — находки текстильной или сетчатой керамики, совершенно не характерной для верхнеокских поселений.

Проблема установления западной и юго-западной границ с днепро-двинскими и юхновскими племенами связана как с огромным сходством их материальной культуры, так и с тем, что памятники располагаются чересполосно.

До сих пор не совсем ясны и хронологические рамки бытования верхнеокских поселений. Мы имеем более или менее точно установленную датировку отдельных памятников, но не культурного комплекса в целом.

Неразработанным остается вопрос об истоках «верхнеокской культуры» в связи со слабой изученностью эпохи поздней бронзы бассейна верхней Оки. Есть предположения, исходя из близости юхновской, днепро-двинской и «верхнеокской культур», что она могла вырастать как из сосницкой [10. С. 112], так и из бондарихинской [10. С. 118; 11. С. 10; 12. С. 44] культур позднебронзового века, что напрямую ставит вопрос об её этнической интерпретации либо как балтской (Х.А. Моора, П.Н. Третьяков, Т.Н. Никольская, В.В. Седов, Е.А. Шмидт, В.Н. Топоров, О.Н. Трубочев, И.И. Артеменко), либо культуры ираноязычных племен (В.А. Ильинская, О.Н. Мельниковская). Большинство исследователей, как видно, склоняются к первому варианту, исходя не только из археологических данных, но и данных этнолингвистических, анализа гидронимии и топонимии.

По вопросу о финале поселений у всех исследователей, казалось бы, нет сомнений. Но какие изменения в материальной культуре верхнеокских племен происходят под влиянием зарубинецкого и постзарубинецкого населения, не совсем понятно. Совершенно очевидно, что в основе мощинской культуры верхнеокские древности играют роль только лишь субстратного элемента, керамические комплексы не обнаруживают генетического сходства и культуры не «вырастают» одна из другой.

Неравнозначно изучены сами верхнеокские поселения. До сих пор в историографии за верхнеокскими памятниками РЖВ значится название «городищенская культура» [13. С. 32]. Хотя к настоящему времени список неукрепленных поселений гораздо больше укрепленных. Да и самих городищ, подвергавшихся исследованию на предмет выявления времени возведения укреплений, единицы, а относить укрепленные поселения к РЖВ лишь на основании наличия культурного слоя неправомерно.

До сих пор не обнаружены погребальные комплексы, приуроченные к верхнеокским поселениям. Возможно, обряд погребения не был связан с сооружением курганов. Известен лишь один грунтовой могильник у д. Авдеевка [14. С. 122], предположительно относимый И.К. Фроловым к РЖВ и, возможно, имеющий связь с расположенным рядом верхнеокским городищем. Что нуждается в проверке и дополнительных исследованиях.

Неизученность керамики как главного дифференцирующего признака культур РЖВ — наиболее слабое место в изучении верхнеокских древностей. Её исследование не носило специального характера (разве что работа Е.Н. Носова по анализу лепной керамики городища Дуна [15. С. 3—10]), а было лишь описательным; нет соотношения групп керамического материала, разработанной типологии, хотя Т.Н. Никольской и выделялись два типа (А и Б) посуды нижнего культурного слоя городища у дер. Николо-Ленивец [16. С. 225].

Решение всех вышеставленных задач связано с определенными трудностями, вызванными крайне неудовлетворительным состоянием источников, а также проблемами их хранения, что является отдельным вопросом.

Таким образом, тщательный анализ архивных данных, доступного материала из раскопок прежних лет, и, в первую очередь, поиск эталонных памятников и проведение на них археологических работ — вот что поможет прояснить культурное своеобразие памятников верхнеокского бассейна в эпоху РЖВ среди синхронных им памятников междуречья Волги и Днепра.

Литература

1. Никольская Т.Н. Культура племён бассейна Верхней Оки в I т. н.э. М.: АН СССР, 1959.
2. Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.-Л., 1966.
3. Третьяков П.Н. Локальные группы верхнеднепровских городищ и зарубинецкая культура //СА. №1. 1960.
4. Седов В.В. Культура днепро-двинского междуречья в конце I тысячелетия до н.э. //СА. №2. 1969.
5. Захарук Ю.Н. Археологическая культура: категория онтологическая или гносеологическая? // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.: Наука, 1976.
6. Захарук Ю.Н. О методологии археологической науки и её проблемах //СА, 1969. №3.
7. Захарук Ю.Н. Проблемные ситуации в археологии //СА, 1973. №4.
8. Клейн Л.С. Катакомбные памятники эпохи бронзы и проблема выделения археологических культур //СА, 1962. №2.
9. Археологическая карта России: Тульская область. Ч.1. Под ред. Ю.А. Краснова. М.: ИА РАН, 1999.
10. Артеменко И.И. Сосницкая культура //Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987.
11. Мельниковская О.Н. Юхновская культура //Новые открытия советских археологов. Ч.II. Киев, 1975.
12. Ильинская В.А. Бондарихинская культура бронзового века //СА, 1961. №1.
13. Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М.: Наука, 1970.
14. Археологическая карта России. Калужская область (издание второе, переработанное и дополненное). М.: ИА РАН, 2006.
15. Носов Е.Н. Лепная керамика городища Дуна //КСИА. Вып.140. 1974.
16. Никольская Т.Н. Городище у дер. Николо-Ленивец (Раскопки 1954—1958 гг.) //СА, 1962. №1.

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ СЕТЧАТОЙ КЕРАМИКИ

М.Г. Гусаков, к.и.н., Институт археологии РАН

Сто лет назад, в конце XIX века, подводя первые итоги полевых работ русских археологов, А.А. Спицын впервые сформулировал идею о «городищенских» культурах России. Он предложил называть городища Волги и Оки по образцу Дьякова городища городищами «дьякова типа», для которых характерны глиняные грузики и сетчатая керамика (Спицын, 1903, 1905). Однако круг памятников с такими характеристиками давно вышел за рамки известных тогда границ дьяковской культуры (далее ДК). В первой половине XX в. П.Н.Третьяков выразился более определенно: он писал, «что в настоящее время дьяковскими городищами называют древние городища лишь Волго-Окского междуречья, Верхнего Поволжья и Валдайской возвышенности, нижние культурные наслоения которых характеризуются текстильной (сетчатой) керамикой» (Третьяков, 1966). Однако археологические работы впоследствии во многом изменили наши представления о характере ДК. Из всего набора проблем, связанных с происхождением ДК и её соседей, одной из ключевых является проблема происхождения сетчатой керамики и её генезиса. Решая проблему происхождения ДК, мы сталкиваемся в первую очередь с проблемой сетчатой керамики и потом с темой проникновения в дьяковскую среду в первых веках н.э. носителей мощинской культуры, которые внесли производство лощеной керамики. Ещё раз обратиться к этой теме меня заставляют новые материалы, вошедшие в научный оборот, и новые гипотезы, высказанные в печати, на которые мне хотелось бы откликнуться и высказать своё мнение.

В 2006 г. В.В. Сидоров выступил в печати с предложением, что городища правобережья Средней Оки — Кропотовское, Ст. Каширское, Мутёнковское, Подмоклово и др. не являются дьяковскими городищами, как считали это до сих пор, а представляют собой обособленную, самостоятельную группу памятников. По его мнению, к этой группе городищ ближе всего стоят памятники Верхнеокской культуры. Он предлагает их называть «каширской культурой». Эта версия не нова, она была высказана ещё А.А. Спицыным в 1903 г., который отмечал своеобразие окских памятников в отличие от москворецких и волжских. В качестве доказательства своих взглядов он предложил следующие аргументы:

- 1) хронология данных памятников — конец VIII в. до н.э.—начало II в.н.э. Позднее на них появляются слои мощинской культуры;
- 2) в нижних слоях культурного слоя зафиксированы жилища, тогда как на большинстве городищ первыми постройками были «длинные дома»;

- 3) никаких землянок или очажных ям на городищах не было;
- 4) из керамического комплекса определяющим для раннего этапа является штрихованная керамика (борозчатая);
- 5) в среднем периоде практически исчезает штрихованная керамика и значительно увеличивается присутствие сетчатой керамики;
- 6) на позднем этапе исчезает штрихованная керамика, остаются гладкостенная керамика и сетчатая; гладкостенная доминирует. Лощеная керамика отсутствует полностью. Последний факт весьма примечателен (Сидоров, 2006. С. 138—142).

Позволю себе здесь сделать небольшой комментарий. В характеристике каширской группы автором были повторены все присущие дьяковской культуре (как, впрочем, и другим лесным культурам) известные черты, которыми обычно оперируют исследователи. У меня вызывают сомнения ряд деталей.

Первое. Автор убеждает нас в том, что характерной особенностью жилищ, обнаруженных на городищах, является их расположение: они одним концом врезаны в склон и имеют глиняные полы, глубокие ямы внутри дома, и срубную конструкцию. Этот интересный факт, вероятнее всего, свидетельствует о «южных» традициях «каширцев». Ряд исследователей подобный факт многократно отмечали (Талицкий, 1941; Кренке, 1995; Сыроватко, 1999; Гусаков, 2006, 2007, 2008). Но автор не дал нам ни профильных разрезов жилищ, ни профилей раскопа, чтобы убедить нас в своей правоте.

Второе. Автор утверждает, что в слоях Каширского городища нет лощеной керамики. Это также любопытно, как и первое утверждение, потому что оно ставит вопрос о финальной дате самого городища. Напомню, что лощеная керамика, по наблюдениям И.Г. Розенфельдт, появляется в ДК в IV в. н.э.; Н.А. Кренке эту дату удревняет до I—II вв. н.э. В.В.Сидоров утверждает, что само Каширское городище датируется VIII в. до н.э. по II в. н.э. (Сидоров, 2006). В результате получается, что Каширское городище не переживает дату II в. н.э., значит, лощеная керамика мощинской культуры не могла появиться на городище. В финальном слое Каширского городища мы вправе ожидать наличия лощеной керамики, но первый исследователь Старшего Каширского городища В.А. Городцов не отмечал присутствие лощеной керамики. Но она есть на соседних памятниках: на городище Подмоклово, которое расположено западнее, под Серпуховым; есть она на «коломенских» городищах, что расположены восточнее каширской группы. Отсутствие лощеной керамики на «каширских городищах» для меня ещё более удивительно, так как В.В.Сидоров утверждает, что в первых веках н.э. на каширских памятниках появляются слои мощинской культуры. Это достаточно странное утверждение, несколько противоречащее его наблюдению об отсутствии лощеной керамики дьяковского времени. Дело в том, что характерной особенностью мощинской керамики является наличие лощеной посуды (мисок), связь которой с деснинской керамикой несомненна. Распространение лощеной керамики мощинского типа на памятниках верхней Оки связывают с III—VII вв. н.э. В.В. Сидоров утверждает, что городище доживает до II века н.э. и что на городище есть мощинская керамика. Тут что-то не так (Патрик, Гусаков, 2008). По-видимому, этот вопрос ещё нуждается в значительных корректировках и дополнительных аргументах.

Вторая версия о сущности сетчатой керамики, с опорой на экспериментальный материал, была высказана О.А. Лопатиной на научной конференции в Елабуге в 2008 г. Суть версии сводится к признанию за сеткой декоративного, оформительского смысла. По её мнению сетчатая поверхность сродни орнаменту на посуде. Опять же напомню, что эта версия не нова и имеет достаточную историю (Брюсов, 1950). Но меня в статьях О.А.Лопатиной привлекли любопытные табличные данные по распределению керамики из раскопок дьяковских каширских городищ, к сожалению, В.В.Сидоров таких данных не дал (Лопатина, 2005—2009). Суммируя все сказанное О.А.Лопатиной, можно утверждать, что сетчатая керамика в каширских памятниках появляется позже керамики с гребенчатым орнаментом; глина, шедшая на изготовление посуды, была излишне «запасочена» и последнее — по ряду наблюдений, в ряде городищ Москворечья наблюдается аналогичная картина, что и на каширских (Лопатина, 2009). Из этого автор делает вывод, что на ряде дьяковских городищ можно выделить «каширский» горизонт. Это интересное заключение нуждается, конечно, в дополнительных наблюдениях. Но я хочу здесь обратить внимание читателя на другой факт.

Мы до сих пор не совсем четко различаем характерные особенности сетчатой керамики. Во-первых, сетчатая керамика имеет много определений: сетчатая, текстильная, рябчатая, крапчатая, нитчатая и т.д. Всё это многообразие — результат наших неточных ассоциаций с тканью, которая якобы отражалась на поверхности посуды. Скажу сразу, ткань в процессе изготовления посуды не участвовала. Эксперимент это подтверждает. Это результат использования колотушек и их ударной поверхности. А.А. Бобринский в свое время предложил способ изготовления керамики «лоскутным налепом» в рогожном мешке (Бобринский, 1978). Однако этот прием нуждается в экспериментальной экспертизе (Гусаков, Кузьминых, 2008). В нем много сомнительного. **Но главное — зачем делать в мешке, когда достаточно насытить глину песком или дресвой и её плотность станет вполне достаточной, чтобы удержать конструируемую форму без дополнительных подпорок.** Наблюдение О.А. Лопатиной, как мне представляется, открывает новую страницу в изучении керамики эпохи РЖВ. А теперь несколько слов о декоративных особенностях дьяковской сетчатой керамики. Тема эта открыта до сих пор. Может быть, действительно, это нарочитое декорирование поверхности, связанное с обрядовыми представлениями «дьяковцев». Дело в том, что по тем цифрам, которые привела в своих таблицах О.А. Лопатина, процент сетчатой керамики в слоях невелик — не более 6—7%, что, скорее всего, свидетельствует не о повседневном, а о «праздничном» употреблении этой керамики. К сожалению, у нас до сих пор мало подсчетов керамики по слоям. Заканчивая тему, надо сказать, что ответов пока у нас мало — больше вопросов.

Литература

- Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. М., 1978.
- Брюсов А.Я. Сетчатая керамика //СА. Т.14. М. С.280.
- Городцов В.А. Отчет об археологических исследованиях в долине р. Оки 1897 года. М., 1900.
- Городцов В.А. Археологические исследования в Коломенском и Каширском уездах //Труды 1-го Археолого-этнографического музея МГУ. Вып. 4. М., 1928.
- Городцов В.А. Старшее Каширское городище //Известия Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК). Вып. 85. М., 1934.
- Гусаков М.Г. Дьяковская культура на Верхней Волге. Проблема хронологии //Археология Верхнего Поволжья (к 80-летию К.И. Комарова). М., 2006. С. 105—120.
- Гусаков М.Г. К вопросу о роли носителей «сетчатой» керамики в сложении дьяковской культуры //Верхнедонской археологический сборник. Вып. 3. Липецк—СПб., 2007. С. 150—161.
- Гусаков М.Г., Кузьминых С.В. К вопросу о роли носителей «сетчатой» и «штрихованной» керамики в формировании культур лесной полосы Восточной Европы в раннем железном веке //КСИА. № 222. М., 2008. С. 105—117.
- Кренке Н.А. «Чертов городок» — селище железного века в окрестностях села Коломенского //СА. №3. М., 1995. С. 165—179.
- Кренке Н.А., Лопатина О.А. Городище Боровский курган //Археология Подмосковья. Вып. 4. М., 2008. С. 367—392.
- Лопатина О.А. Керамика Старшего Каширского и её культурно-хронологический контекст //И-е Городцовские чтения. М., 2005. С. 216—226.
- Лопатина О.А. Древнейшая керамика каширских городищ раннего железного века //Археология Подмосковья. Вып. 5. М., 2009. С. 417—432.
- Патрик Г.К., Гусаков М.Г. Поселения калужского Поочья в эпоху раннего железного века //Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Материалы XII Всероссийской науч. кон. 3—5 апреля 2007 г. Калуга, 2008. С. 73—77.
- Розенфельд И.Г. Керамика дьяковской культуры //Дьяковская культура. М., 1974. С. 90—197.
- Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970.
- Сидоров В.В. Каширская культура в железном веке бассейна Оки //Обнинский краеведческий сборник. Обнинск, 2006. С. 136—145.
- Сизов В.И. Дьяково городище близ Москвы //Тр. IX археологического съезда. Т.2. М., 1887. С. 258.
- Спицын А.А. Городища Дьякова типа //ЗОРСА. Т. V. Вып. 1. СПб., 1903.
- Спицын А.А. Новые сведения о городищах Дьякова типа //ЗОРСА. Т. VII. Вып. 1. СПб., 1905. С. 83—93.
- Сыроватко А.С. Поселения эпохи Раннего железа юго-восточного Подмосковья //РА. №2. 1999. С. 124—134.
- Талицкий М.В. Московская область. Коломенский район, 1936 г. //Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М—Л., 1941.
- Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М—Л., 1966.

КОСТЯНЫЕ ПСАЛИИ С САТИНСКОГО ГОРОДИЩА

Р.Н. Модии, аспирант,

Е.В. Столяров, аспирант, Институт археологии РАН

Находки предметов конского снаряжения на поселениях эпохи раннего железа лесной полосы Восточной Европы являются достаточно редким, а порой даже и уникальным явлением, свидетельствующим о распространении верховой езды у лесных племен уже во второй четверти I тыс. до н.э.

Так, на городище «Графская гора» около г. Кимры на Верхней Волге был найден богато орнаментированный роговой псалий и один обломок, по-видимому, подобный найденному образцу [1. С.182—184]. Другой экземпляр рогового псалия был получен в ходе археологических работ В.А. Городцова на Старшем Каширском городище [2. С. 242—243]. В результате разбора фотографических материалов находок с Корчевского городища из раскопок Ю.Г. Гендуне 1903—04 гг., К.А. Смирновым был найден ещё один экземпляр рогового псалия аналогичного находки на городище «Графская гора» [3. С.136—140]. По-видимому, обломок подобного псалия был найден Л.А. Евтюховой при раскопках городища Прислон [4. С.50]. Детали конской узды известны также и по материалам поселений ананьинской культуры — Аргыжское городище, Сорочьи горы и Курган, Гремячий ключ [4. С.50].

Датируются найденные псалии по совокупности четко стратиграфированного материала одним хронологическим периодом — второй четвертью I тыс. до н.э. (VII—VI вв. до н.э.). Подобные псалии могли применяться с мягкими, сделанными из сухожилий удилами. Примитивность устройства такого снаряжения не позволяла дублировать нащечный ремень и в этом случае псалий, повернутый вогнутой частью вперед, служил не для закрепления дублирующегося нащечного ремня, а только предотвращал передергивание [3. С.139]. Данные экземпляры не заимствовались жителями лесов, а были самостоятельно ими изобретены.

Необходимо отметить, что в это время (VII—VI вв. до н.э.) в южной части Восточной Европы уже широко бытовали псалии с тремя элементами крепления в форме отверстий или петель, которые позволяли использовать разстроенный нащечный ремень. Такой хронологический разрыв в эволюции предметов конского снаряжения степной и лесной полосы объясняется К.А. Смирновым тем фактом, что в степях жизнь человека была неразрывно связана с конем, а конское снаряжение совершенствовалось тем самым очень быстро. Для лесных же племен верховая езда, хоть и была известна, но не играла такой большой роли [3. С.139].

Находок костяных псалий с тремя отверстиями в лесной—лесостепной полосе Восточной Европы до настоящего времени было отмечено крайне мало. Так, костяной трехдырчатый псалий, найденный на городище Ош Панда, расположенном к югу от Оки, был датирован Б.Н. Граковым первой половиной VI в. до н.э. Костяные трехдырчатые псалии были найдены при раскопках Полянского могильника [4. С. 50]. Вследствие всего вышесказанного данный тип находок представляет значительный научный интерес, чему является свидетельством богатая коллекция находок Сатинского городища Киреевского района Тульской области. Хотя нужно заметить, что данный археологический памятник совершенно забыт и вычеркнут из научного оборота даже тем фактом, что не значится в Археологической карте Тульской области.

На протяжении 1961—63 гг. данное городище раскапывалось совместной Тульской археологической экспедицией исторического факультета МГУ и Тульского краеведческого музея под руководством С.А. Изюмовой [5—7]. Ныне вся коллекция хранится в Тульском областном краеведческом музее. Практически чудом сохранилась богатая коллекция бронзовых изделий, опубликованная С.А. Изюмовой [8. С.122—139], коллекция изделий из кости, чего нельзя сказать про керамический материал.

В своих отчетах С.А. Изюмова среди многих различных изделий из кости — наконечников стрел, гарпунов, рукояток ножей — предметов конского снаряжения не называет. Между тем, в ходе просмотра коллекции костяных изделий были обнаружены достаточно редкие для лесной полосы псалии с тремя отверстиями и множество обломков, им подобным. Данная находка представляет большую ценность в качестве хроноиндикатора — для уточнения более точной даты основания городища, так как подобные типы вещей имеют достаточно четкую датировку по южным аналогиям.

Костяные пластинчатые трехдырчатые псалии с зооморфными окончаниями были распространены

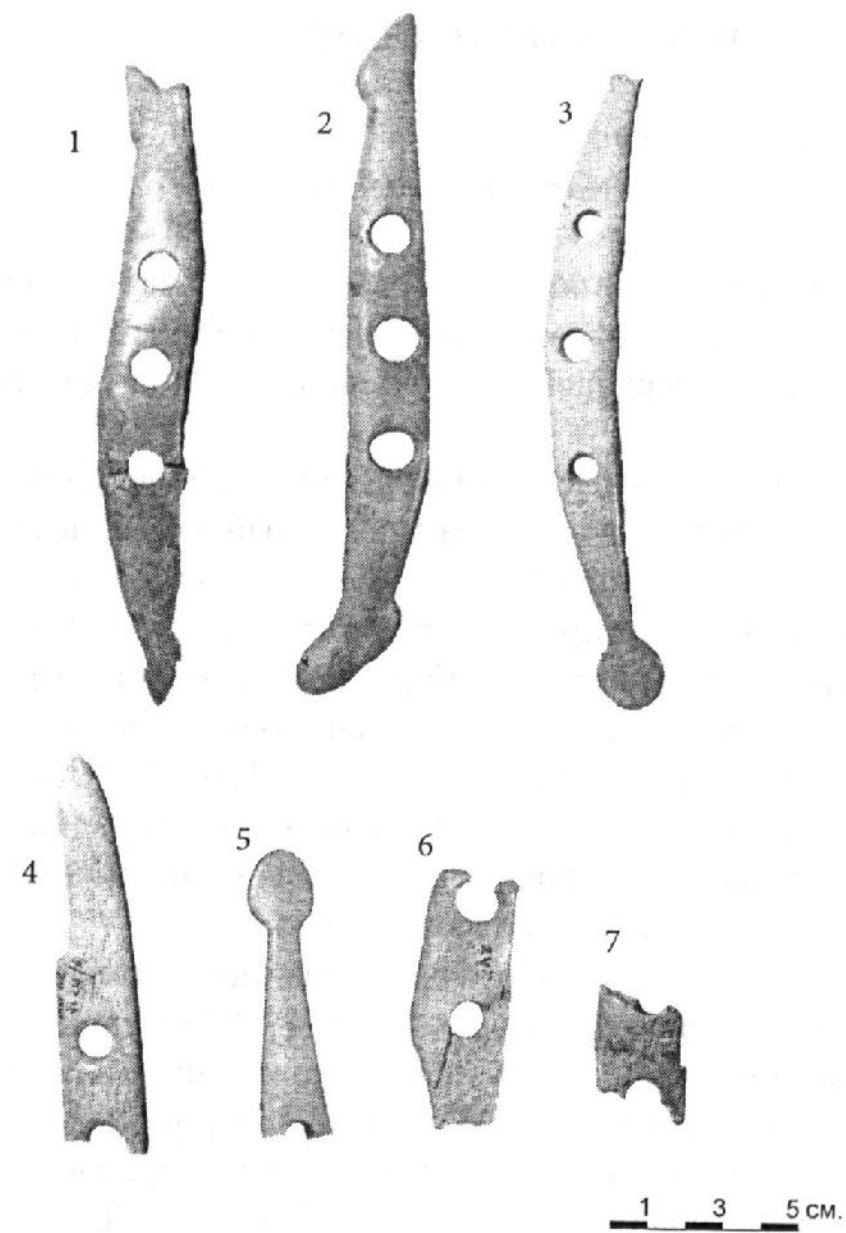


Рис. 1. Костяные псалии с Сатинского городища.

Псалии с Сатинского городища представлены двумя целыми фрагментами (рис. 1: 1, 2), двумя фрагментами, по которым можно более или менее судить о форме изделий (рис. 1: 3, 4) и рядом мелких фрагментов (рис. 1: 5—7). Все псалии пластинчатые, имеют по три элемента крепления в виде отверстий, расположенных в центре основания псалия. На одном из псалий основание имеет четко выраженное подпрямоугольное утолщение для элементов крепления. Первый псалий (рис. 1: 1) имеет одно окончание в виде конского копыта, второе окончание в виде сильно стилизованного зооморфного изображения. Псалии с похожим окончанием встречены в кургане №2 у с. Аксютинцы, в кургане №9 у села Волковцы, Балябиной могиле на территории Днепровского Лесостепного Левобережья [11. Табл. XII, XX, XXXV]. Второй псалий (рис. 1: 2) имеет слегка выгнутую спинку основания, одно окончание в виде конского копыта, другое в виде не четко выраженной головы животного (барана или грифо-барана). Аналогии этому псалию представлены шире, чем предыдущему. Это находки как в Приднепровской лесостепи (например, те же курганы у с. Аксютинцы) [11. Табл. XX], так и в Предкавказье, кургане 14 Нартанского могильника в Кабардино-Балкарии [14. С. 34. Табл. 37]. Псалии с окончанием в виде головы барана или грифо-барана встречаются в памятниках скифского времени довольно часто, однако на большинстве из них голова животного достаточно хорошо проработана и имеет четко выраженные детали (Новозаведенное II, к.16 [15. С. 242. Рис. 4], Нартанский мог. к.15 [14. С. 36. Табл.39], Рысайкино [9. С.145. Рис.43], Старшая Могила [11. Табл. IV] и др.). Нечеткость изображения может служить свидетельством постепенного выхода подобных предметов из употребления и, как следствие, отмиранием традиции их изготовления. Третий псалий (рис. 1: 3) имеет дугообразно-выгнутую спинку основания, одно окончание в виде круга, второе не сохранилось. Также здесь имеется еще один небольшой фрагмент окончания псалия с круглым окончанием (рис. 1: 5). Как правило, на псалиях этого типа одно окончание было в виде изображения копыта. Возможно, окончание в виде круга также символизировало копыто, являясь его сильно упрощенной стилизованной моделью. Фрагмент подобного псалия встречен на поселении Кизил-Кобинской культуры у Симферополя [16]. Четвертый псалий (рис. 1: 4)

в памятниках скифского времени на большой территории от Приуралья [9] до Днепра. Экземпляры таких псалиев отмечены и среди прочих находок, связанных со скифами, в Передней Азии (Чавуштепе, Нуш-и-Джан, Хасанлу III В, Капланту) [10. С. 96. Рис.1]. Однако основными ареалами их бытования были Предкавказье и Левобережная Днепровская лесостепь, особенно территория Посулья, где подобных псалиев встречено больше, чем на всей остальной территории Скифии [11. С.106]. Широкое распространение костяные трехдырчатые псалии находят в конце VII в до н.э.—середине VI в до н.э., когда переход от трехдырчатой схемы соединения удила и псалиев к двухдырчатой только еще начался. Однако их появление отмечено еще в середине VII в. до н.э. [12]; отдельные находки таких псалиев продолжают встречаться и во второй половине VI в. до н.э. Стоит также отметить, что подобные псалии встречаются не только на территории собственно Скифии, но и в смежных с ней культурах, являясь подражанием скифским образцам [13. С. 50].

представлен фрагментом, он имеет четко выраженное утолщение на основании, в котором находятся элементы крепления. Псалий сохранился только наполовину. Аналогии костяным псалиям с утолщением для элементов крепления также представлены довольно хорошо (Нартанский мог. к. 15 [14], Солodka, Старшая Могила [11. Табл. IV, XII] и др.).

Находки костяных трехдырчатых псалиев на территории лесной—лесостепной полосы не ограничены Сатинскими экземплярами. Так, в ходе раскопок городища у д. Вороново Перемышльского района Калужской области Верхнеокской экспедицией в 1961—62 гг. была сделана подобная находка обломка псалия, изготовленного из тонкой костяной пластины [17. С.76]. Один конец псалия сделан в виде стилизованного копыта животного, другой обломан. Поверхность покрыта циркульным орнаментом и тонко прочерченными линиями. Т.Н.Никольская усматривала аналогичные ему по форме костяные псалии в скифских курганах Поднепровья и Посулья, где подобные образцы датировались VI в. до н.э. Небольшой фрагмент костяного псалия, по-видимому, также трехдырчатого, был найден также на городище Холмец днепро-двинской культуры [18. С.165. Табл.7(11)].

Автор раскопок памятника — Изюмова С.А. — выделила два хронологических периода существования памятника на основании анализа бронзовых вещей: VI—нач. V вв. до н.э. и V—III вв. до н.э. [8. С.128]. Наши псалии относятся к первому из указанных периодов и вряд ли выходят за рамки первой половины VI в. до н.э. Об этом свидетельствуют и находки стрел «скифского типа» на памятнике. Они представлены пятью экземплярами, три из которых относятся к первому периоду существования городища. Это один двухлопастной наконечник с выступающей втулкой, овальной формой пера и шипом на втулке и два трехлопастных с выступающей втулкой и шипом на ней. На наш взгляд, двухлопастной наконечник позволяет несколько опустить нижнюю дату первого периода до рубежа VII—VI вв. до н.э. [19]. Что касается относительной хронологии, то, по нашему мнению, второй и четвертый псалии более ранние, чем первый и третий.

На вопрос, являются ли Сатинские псалии импортом или были изготовлены местными жителями в подражание изделиям с территорий, занятых скифоидным населением, ответить трудно. Мы можем сделать только вывод, что они, по всей видимости, проникли сюда из Днепровской лесостепи, а не со Среднего Дона, где такие псалии не встречаются.

Литература и источники

1. Смирнов К.А. Роговой псалий с городища «Графская гора»//СА.1972.№2.
2. Смирнов К.А. Костяной псалий со Старшего Каширского городища//СА.1988.№2.
3. Смирнов К.А. Находки с Корчевского городища из раскопок Ю.Г. Гендуне//Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978.
4. Смирнов К.А. Верховая езда у племен дьяковской, городецкой и ананьинской культур//РА.1998.№3.
5. Изюмова С.А. Отчет о раскопках городища у д. Сатинки Декиловского района Тульской области. 1961. Архив ИА РАН. Р-1. № 2366.
6. Изюмова С.А. Отчет о раскопках в Тульской области в 1962 году. 1962. Архив ИА РАН. Р-1. № 2516.
7. Изюмова С.А. Отчет об археологических исследованиях в Тульской области в 1963 году. 1963. Архив ИА РАН. Р-1. № 2709.
8. Изюмова С.А. О бронзолитейном производстве Сатинского городища//СА.1967.№1.
9. Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов //МИА. 1961. Вып.101.
10. Медведская И.Н. Периодизация скифской архаики и Древний Восток //РА.1992.№3.
11. Ильинская В.А. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев, 1968.
12. Техов Б.В. Раскопки Тлийского могильника 1960 г. //СА.1963.№1.
13. Ілїнська В.А. Скіфська вузда VI ст. до н.е. (За матеріалами Посулля)// Археологія. 1961. Т.ХІІІ.
14. Батчаев В.М. Древности предскифского и скифского периодов// Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т.2. Нальчик, 1985.
15. Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Хронология центральной группы курганов могильника Новозаведенное-III// Скифы и сарматы в VII—III вв. до н.э. М., 2000.
16. Дашевская О.А. Симферопольское поселение Кизил-Кобинской культуры//КСИИМК. 1951. Вып. XXXIX.
17. Никольская Т.Н. Археологические раскопки в 1961—1962 гг. в Калужской области//КСИА. 1964. Вып. 102.
18. Шмидт Е.А. Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства. I. Днепро-двинские племена (VIII в. до н.э.—III в. н.э.) М.: Прометей, 1992.
19. Петренко В.Г. К вопросу о хронологии раннескифских курганов Центрального Предкавказья // Проблемы скифо-сарматской археологии. М., 1990.

В.Н.Гурьянов,

Брянский государственный университет им. акад. И.Г.Петровского

В августе 2008 г. находчиком А.Дупиным мне была передана окская фибула с «кнопкой» на ножке. По словам находчика, фибула была найдена весной 2008 г. при помощи металлодетектора при обследовании поля у бывшей д. Першино на границе Брянского и Дятьковского районов Брянской области, в треугольнике, образованном междуречьем р.Свиридовки и её левого притока. Река Свиридовка — левый приток р.Сенны, левого притока Десны, впадающего в Десну прямо напротив широко известного комплекса памятников археологии у с.Хотыльёво. Археологический контекст находки неизвестен, место, указанное находчиком на карте, специально не обследовалось.

Фибула (рис.1) частично покрыта благородной патиной, частично — рыхлой, разрушающей металл. Длина фибулы 6,7 см, ширина спинки у пружины 2,9 см, у кнопки 0,35—0,5 см, диаметр кнопки 1,2—1,27 см, кнопка сегментовидная. Нижняя часть спинки в сечении треугольная, в верхней части симметричные треугольные вырезы с сильно скругленными углами. Отверстия в верхней пластине держателя разновеликие, отверстие для оси пружины (диаметр 3 мм) больше отверстия для тетивы, в последнем сохранились остатки пластинки черного металла, возможно, тетивы. В лаборатории электрохимии и физико-химических методов анализа Брянского государственного университета (руководитель — канд. хим. наук С.В.Кузнецов) был проведен анализ металла, из которого изготовлена фибула. По данным анализа, содержание цинка в сплаве составляет 6,65%, олова — 5,19%, свинца — 3,5%. Таким образом, данная фибула изготовлена из латуни, вернее, по мнению аналитика, из томпака. Это несколько расходится с данными о том, что все известные экземпляры окских фибул с «кнопкой» (за одним исключением) изготовлены из бронзы (Ахмедов, 2008. С.8).

Окские фибулы с «кнопкой» известны достаточно давно и рассматриваются исследователями в качестве культурного индикатора мощинской культуры (Массалитина, 1991. С.34, 35; 1999; Ахмедов, 2008. С.7). Они встречены в составе Мощинского клада, как отдельные находки на некоторых городищах Верхней Оки, но прежде всего — в составе погребальных комплексов, что позволило исследователям сделать вывод об их использовании парами для застегивания туникообразного женского костюма (Ахмедов, 2008. С.8). Окские фибулы с «кнопкой» стали предметом рассмотрения в работах Г.А.Массалитиной и И.Р.Ахмедова. Последним разработана типология этих фибул (Ахмедов, 2008. С.8, 9). Наш экземпляр, как кажется, относится к подтипу «в» типа 1 по И.Р.Ахмедову; общее время бытования этих фибул автор определяет с конца III до первой половины V вв. (Ахмедов, 2008. С.12). Г.А.Массалитина датирует окские фибулы II—V вв., с учётом участия в процессе формирования мощинской культуры племен, оставивших памятники типа Почепа (Массалитина, 1994. С.16).

В Брянском Подесенье III—V вв. — это время распространения древностей киевской археологической культуры (Кашкин, 2001. С.23). Ближайшим к месту находки фибулы памятником киевской культуры является верхний слой многослойного поселения Хотыльёво 2, где в ходе раскопок найдены груболепная и лощёная керамика, глиняный диск с невысоким бортиком, исследованы хозяйственные ямы и т.п. (Чубур, Гаврилов, Чеплянская, 2002. С.74—84). Хотыльёво 2 находится в 17 км к югу от места находки, и, как уже упоминалось выше, располагается на правом берегу Десны напротив устья р.Сенны, в верховьях которой и найдена фибула. Не исключено, что по р.Сенне (с дальнейшим выходом на р.Болву) осуществлялись какие-то контакты киевского Подесенья с мощинским Поочьем. Памятники III—V вв. на самой Болве известны (Кропачев, 2001. С.17—19), на одном из них — городище Бережки — в керамическом комплексе выделены элементы, «присущие и позднезарубинецкой посуде Верхней Десны, и мощинской керамике Верхней Оки» (Массалитина, 1998. С.32). В пределах Брянской области на Болве киевские памятники пока не выявлены, зато достаточно хорошо известны памятники почепской культуры (или древности типа Почеп), носители которой, как считается, приняли участие в формировании мощинских древностей (Массалитина, 1994. С.16; 1999. С.202). Это известный комплекс памятников — городище

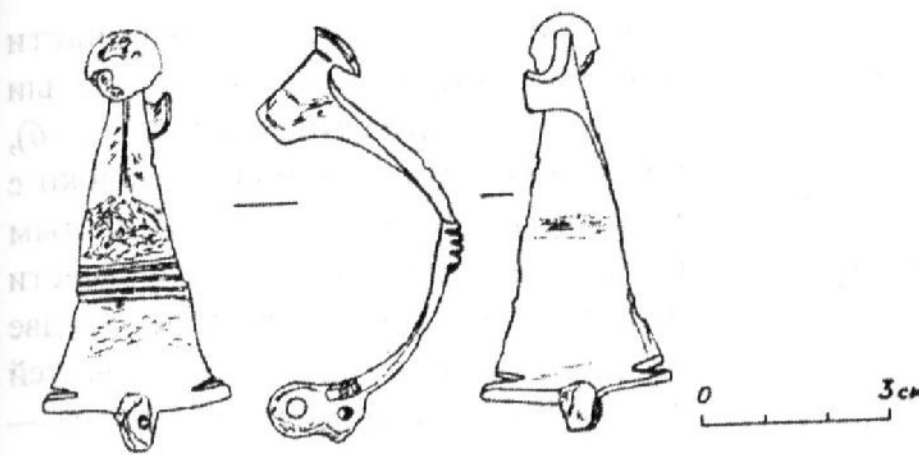


Рис. 1. Окская фибула с «кнопкой» с левобережья Десны.

и селище Шибенец (АКР, 1993. С.70), городище и два селища у д.Хизовка (Гурьянов, 2003. С.71—74; Миненко, 1999. С.10, 11). Эти комплексы памятников расположены соответственно в 14 км к юго-востоку и 25 км к северо-востоку от места находки фибулы.

Таким образом, находка окской фибулы с «кнопкой» на левобережье Десны, на наш взгляд, представляет несомненный интерес для дальнейшего изучения процессов взаимодей-

ствия населения верхней Десны и верхней Оки в первой половине I тыс. н.э.

Литература

- Археологическая карта России: Брянская область / Автор-сост. А.В.Кашкин. М., 1993.
- Ахмедов И.Р. Окские фибулы // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула, 2008.
- Гурьянов В.Н. Лепная керамика селища Хизовка-3 // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы X Региональной науч. конф. Калуга, 2003.
- Кашкин А.В. Археология Брянской области // Археологическая карта России: Очерки археологии регионов. Кн. 1. М., 2001.
- Кропачев Г.В. Археологическая карта верхней и средней Болвы. Калуга, 2001.
- Массалитина Г.А. Мощинский клад // Славяно-русские древности. КСИА. Вып. 205. М., 1991.
- Массалитина Г.А. Мощинская культура. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1994.
- Массалитина Г.А. Раскопки городища Бережки Кировского района // Песоченский историко-археологический сборник. Вып. 4. Ч. 1. Археология. История промышленности и материальной культуры. Вспомогательные исторические дисциплины. Киров, 1998.
- Массалитина Г.А. Железный век // Археология Калужской области. Калуга, 1999.
- Миненко В.В. Отчёт об археологических работах в Брянской области в 1998 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 24162.
- Чубур А.А., Гаврилов К.Н., Чеплянская Е.А. Верхние слои многослойного поселения Хотыльёво 2 на Десне (эпоха бронзы, железный век) // Деснинские древности (вып. II): Материалы межгосударственной науч. конф. Брянск, 2002.

СЛУЧАЙНАЯ НАХОДКА БРОНЗОВЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ТАРУСЫ

О.Л. Прошкин, к.и.н., зав. отд., Калужский областной краеведческий музей
А.С. Фролов, в.с., Фонд содействия охране памятников археологии
«Археологическое наследие»

В 2007 г. в г. Тарусе была сделана случайная находка, включающая части бронзового спирального браслета (или браслетов?), часть бронзового браслетообразного височного кольца и два мелких фрагмента неопределённых бронзовых предметов. Все предметы найдены в осыпи песка небольшого карьера, расположенного у западной окраины современного городского кладбища. В топографическом отношении это место является склоном второй надпойменной террасы правого берега р. Тарусы. Место находки расположено в 0,15 км к западу от городища 1 (АКР, 2006. С.212—213, № 622) и примерно в 0,3—0,4 км к востоку от селища и городища 2 (АКР, 2006. С.213, №№ 623, 624). Тогда же все предметы были переданы авторам и в настоящее время хранятся в фондах Калужского областного краеведческого музея (коллекция Нв № 6982). Находки представляют значительный научный интерес для изучения истории древнего населения в I тысячелетии н. э. северной части верхнеокского региона и требуют подробного рассмотрения и анализа.

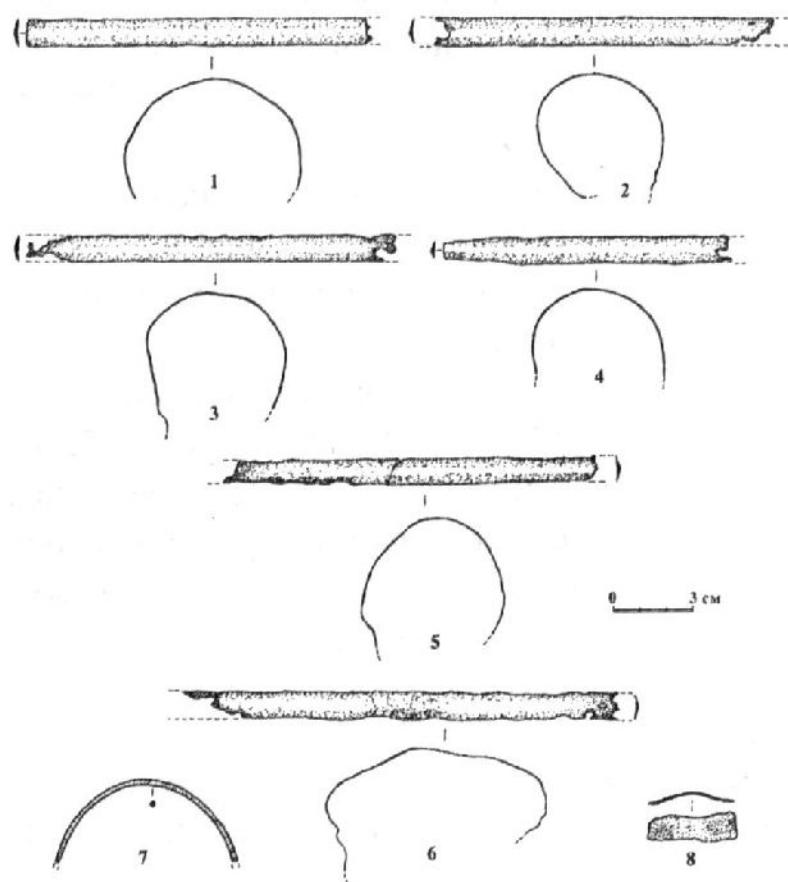


Рис. 1. Части бронзового пластинчатого спирального браслета (браслетов?) (1—6, 8) и бронзового браслетообразного височного кольца (7) из г. Тарусы.

В первую очередь, это части спирального, пластинчатого браслета или браслетов (6 фрагментов, рис. 1: 1—6), выполненного из кованой проволоки с треугольным и плоско-выпуклым поперечным сечением. Четыре части имеют сечение, близкое треугольнику, две части — плоско-выпуклое. Длина частей разная — от 10,6 см до 16 см, ширина — 1 см или чуть меньше. На двух фрагментах имеются окончания — ровное (рис. 1: 1) и сужающееся до 6,5 мм (рис. 1: 4). Края двух частей-витков несут следы воздействия огня (оплавлены) (рис. 1: 2, 3), а у других обломаны. Не исключено, что частью аналогичного браслета может быть фрагмент бронзовой, плоской, слегка утолщенной пластины (рис. 1: 8). Части ли это одного браслета, или нескольких, сказать сложно. Можно лишь предполагать о том, что если это один браслет, то он был не менее чем четырехвитковый.

Бронзовые спиральные браслеты имели достаточно широкое распространение во времени (I тыс. до н. э.—начало II тыс. н. э.) и пространстве (Западная и Восточная Европа). Наиболее древними прототипами являются спиральные браслеты лужицкой культуры, которые, однако, отличны от спиральных браслетов более позднего периода (Седов, 2002. Рис. 8: 11, 14). На территории Восточной Европы данные украшения наиболее широко были распространены в лесной и, частично, лесостепной зонах. По технологии изготовления выделяются два основных типа: дротовые и пластинчатые (рис. 2: А, Б). Первые по числу находок преобладают. Например, они известны в зарубинецких древностях (Чаплинский могильник II в. до н. э.—I в. н. э. в верхнем Поднепровье и др.) (Археология СССР, 1993. Табл. II, 43 и др.) (рис. 2: 1). На городище Отмичи (верхняя Волга) два спиральных дротовых, треугольного сечения браслета находились в составе клада (клад № 2), датированного не позднее VI в. (Исланова, 2008. С. 20. Рис. 62: 12, 13) (рис. 2: 4). В Безводнинском могильнике браслеты полуовального сечения найдены в погребениях, датированных Ю.А. Красновым V—VII вв. (Краснов, 1974. Рис. 3: 12. С. 92) (рис. 2: 3). Встречаются на дяковских поселениях Подмосковья, в том числе и в составе кладов (например, городище Щербинское, в составе клада III—IV вв.) (Дубынин, 1974. Табл. XXVII: 8, 10) (рис. 2: 2). Известны их находки и в Смоленском Поднепровье (культура смоленских длинных курганов VIII—начала X вв.) (Енуков, 1990. С. 56—57. Рис. 15: 3).

Многочисленные находки спиральных дротовых браслетов относятся и к более позднему времени. Например, такой браслет найден в погребении кургана № 208 могильника Залахтовье на берегу Чудского озера, которое датируется по составу погребального инвентаря XI—XII вв. (Хвоцинская, 1990. Рис. 1: 11) (рис. 2: 5).

Однако, пластинчатые спиральные браслеты с треугольным и плоско-выпуклым поперечным сечением, близкие рассматриваемой находке из Тарусы, вероятно, имитируют дротовые браслеты с таким же сечением и также имеют многочисленные аналогии. По типологии И.Г. Розенфельдт, это тип VI браслетов с позднедяковских городищ в Подмосковье (Щербинское, Подмоклово и др.) (рис. 2: 7). Известные целые браслеты имеют разное число витков — от 2-х до 16-ти. На основании имеющихся аналогий, И.Г. Розенфельдт отнесла распространение этих украшений к периоду от рубежа VI—VII вв. до X в. включительно и считала их характерными для финно-балтского круга древностей Восточной Европы (Розенфельдт, 1982. С. 83, 91. Рис. 19: 9—12, 14—16). Исследовательница также приводит пример находки спирального пластинчатого браслета в одном из погребений

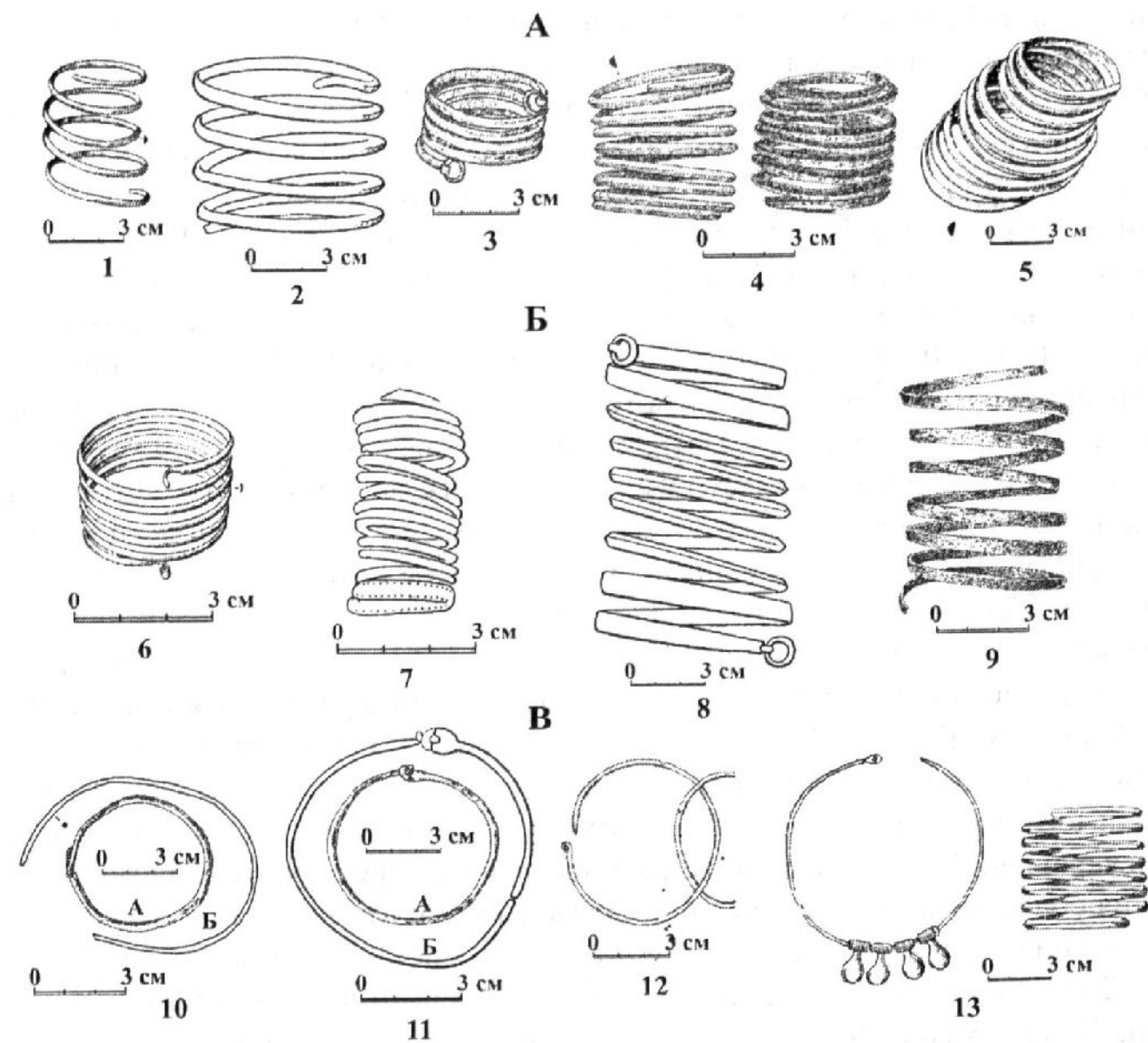


Рис. 2. Аналогии находкам из г. Тарусы. А — дротовые браслеты: 1 — Чаплинский могильник; 2 — городище Щербинское; 3 — Безводнинский могильник; 4 — городище Отмичи; 5 — могильник Залахтовье. Б — пластинчатые браслеты: 6 — могильник Воронино; 7 — городище Подмоклово; 8 — Шатрищенский могильник; 9 — городище Отмичи. В — височные браслетообразные кольца: 10А — Подболотьевский могильник; 10Б — городище Отмичи; 11А — Подболотьевский могильник; 11Б — городище Березняки; 12 — могильник Свила; 13 — могильник Молотицы.

1, 6 — по Е.В. Максимова и И.П. Русановой, 1993; 2, 7, 8, 11Б — по И.Г.Розенфельдт, 1982; 3 — по Ю.А. Краснову, 1974; 4, 9, 10Б — по И.В. Ислановой, 2008; 5 — по Н.В. Хвоцинской, 1990; 10А, 11А — по Н.В. Тухтиной, 1997; 12 — по В.В. Енукову, 1990; 13 — по Р.Л. Розенфельдт, 1978.

Шатрищенского могильника на средней Оке (рязано-окские могильники). Браслет имел 9 оборотов, раскованные в пластину гладкие концы с крючками, на которые надеты колечки (Розенфельдт, 1982. С. 89) (рис. 2: 8). При этом необходимо отметить, что пластинчатые спиральные браслеты, аналогичные найденному в г. Тарусе и выделенные И.Г. Розенфельдт в отдельный тип, известны намного раньше. Например, спиральные многовитковые браслеты с полуовальным и подтреугольным сечением, с прямыми или в виде петелек и крючков окончаниями выделяются исследователями как тип 2 браслетов зарубинецкой культуры (II в. до н. э.—II вв. н. э.) (Археология СССР, 1993. С. 30. Табл. XI: 21) (рис. 2: 6). На уже упоминавшемся городище Отмичи, в составе еще одного клада (клад № 1) находился и спиральный пластинчатый браслет с плоско-выпуклым сечением (рис. 2: 9). Раннесредневековый слой городища хронологически не выходит за рамки рубежа VI—VII вв. (Исланова, 2008. С. 20. Рис. 62: 14).

Таким образом, в Восточной Европе пластинчатые спиральные браслеты появляются достаточно рано — в конце I тыс. до н. э. и бытуют все I тыс. н. э., доживая до XI—XII вв. Наиболее ранние находки известны на памятниках зарубинецкой культуры. На дяковских поселениях они появляются, вероятно, не ранее III—IV вв. н. э. и распространяются на север и восток, в среду финно-угорского населения (с V—VI вв.), где и сохраняются до начала II тыс. н. э. (например, мордовские могильники на нижней Оке и др.) (АКР, 2004. С. 102—106, 128—130. Рис. 43: 19, 53: 5 и др.).

В связи с этим напрашивается вопрос о территориальном и этническом происхождении этих украшений. Здесь следует выделить две основные точки зрения. Одни исследователи считают спиральные браслеты (как тип в целом) финно-угорскими украшениями, другие — чисто балтскими. Так, по мнению Л.А. Голубевой, использование спиральных браслетов является чисто финской традицией (Сарский могильник и др.) (Археология СССР, 1987. С. 79. Табл. XXVIII: 13). Н.В. Хвоцинская также считает подобные украшения финскими чертами в погребениях Залахтовья XI—XII вв. (Хвоцинская, 1990. С. 11—12). По убедительному же мнению В.В. Енукова, спиральные бронзовые браслеты являются «бесспорно балтскими вещами» в погребениях культуры смоленских длинных курганов. (Енуков, 1990. С. 80—81, 220. Рис. 29). На территории Прибалтики данные украшения распространены очень широко и датируются также в широком хронологическом диапазоне — 1-я половина I—начало II тыс. н. э. Находок спиральных, как дротовых, так и пластинчатых браслетов особенно много известно в погребениях на территории Литвы. Например, погребение 8 могильника Sarkai, датируемое V—VI вв., погребение 124 могильника Jauneikiu IX—X вв., погребение 138 могильника Pavirvyte конца XI в. и др. (Tautavicius, 1996. Pav. 13, 23—25; Vaskeviciute, 2006. Fig. 3). Аналогичные примеры характерны и для могильников Латвии (Selpils Lejasdopeles, курган 2, погребение 17, XI—XII вв. и др.) (Skarby..., 2007. С. 481. Рис. 43). Спиральные бронзовые браслеты являлись характерным украшением куршей в VIII—XII вв. (Bliujiene, 1999. Pav. 91—93, 286—287). В настоящее время более логичным представляется распространение спиральных браслетов изначально с территории Западной Европы на юго-восток (зарубинецкая культура и др. области) и восток (Прибалтика). Далее этот тип украшений получил широкое распространение среди балтского и финно-угорского населения более восточных территорий (дьяковская культура и т. п.).

Дополнением к фрагментам пластинчатого браслета (или браслетов) является часть (около 1/2) проволочного, браслетообразного височного кольца, круглого в поперечном сечении. Диаметр кольца составлял 7 см. (рис. 1: 7). Проволочные браслетообразные височные кольца (диаметром 6—7 см и более) также имели достаточно широкие хронологические рамки своего бытования (середина I—начало II тыс. н. э.). Территория их распространения тоже весьма обширна и в Восточной Европе совпадает с территорией распространения спиральных браслетов — лесная и, отчасти, лесостепная зоны. Датировка и культурная принадлежность таких колец в большей степени зависит не столько от их размеров (диаметра), сколько от оформления их концов. В случае с находкой части кольца из Тарусы следует привлекать к рассмотрению и сравнению лишь наиболее близкие территориально аналогии (рис. 2: 10—13).

Так, браслетообразные височные кольца с позднедьяковских поселений Подмосковья имеют различное оформление концов: заостренные концы — тип II по И.Г. Розенфельдт, один конец имеет отверстие, а другой крючок — тип IV (рис. 2: 10Б, 11, 13) и т. п. Датируются И.Г. Розенфельдт 2-ой половиной I тыс. н. э. (Розенфельдт, 1982. С. 11. Рис. 1: 13, 14. С. 13—16). Например, кольца типа IV найдены в 48 погребениях Подболотьевского могильника под Муромом, датируемых VII—X вв. (Тухтина, 1997. С. 115. Рис. 2: 1) (рис. 2: 11А). В погребениях Подболотьевского и Безводнинского могильников встречены браслетообразные кольца с разомкнутыми и заходящими концами (рис. 2: 10А) (Тухтина, 1997. С. 116. Рис. 2: 3). Основная территория распространения браслетообразных незамкнутых колец определена В.В. Седовым от Восточной Литвы до бассейна средней Волги (лесная зона Восточной Европы) (Седов, 2002. Рис. 80—81). Кольца данных типов по диаметру схожи с тарусским. Браслетообразные кольца из погребений культуры смоленских длинных курганов имеют окончания двух типов: один край заострен, а другой оформлен в виде завитка (рис. 2: 12) и, когда концы просто перевязаны (Енуков, 1990. С. 54. С. 201. Рис. 14: 9). Аналогичных примеров можно привести достаточно много. Во 2-ой половине I тыс. н. э. появляется еще один тип браслетообразных височных колец — с эсвидным концом, который считается славянским украшением и не встречается в погребениях и на поселениях вместе с находками спиральных браслетов.

Наконец, следует упомянуть достаточно интересный факт присутствия спиральных пластинчатых браслетов с треугольным поперечным сечением вместе с браслетообразными височными кольцами в женском погребении Молотицкого могильника под Муромом, датируемым по обломкам дирхемов серединой—третьей четвертью X в. (Розенфельдт, 1978. С. 182. Рис. 2: 17) (рис. 3: 13). Известны находки спиральных браслетов и

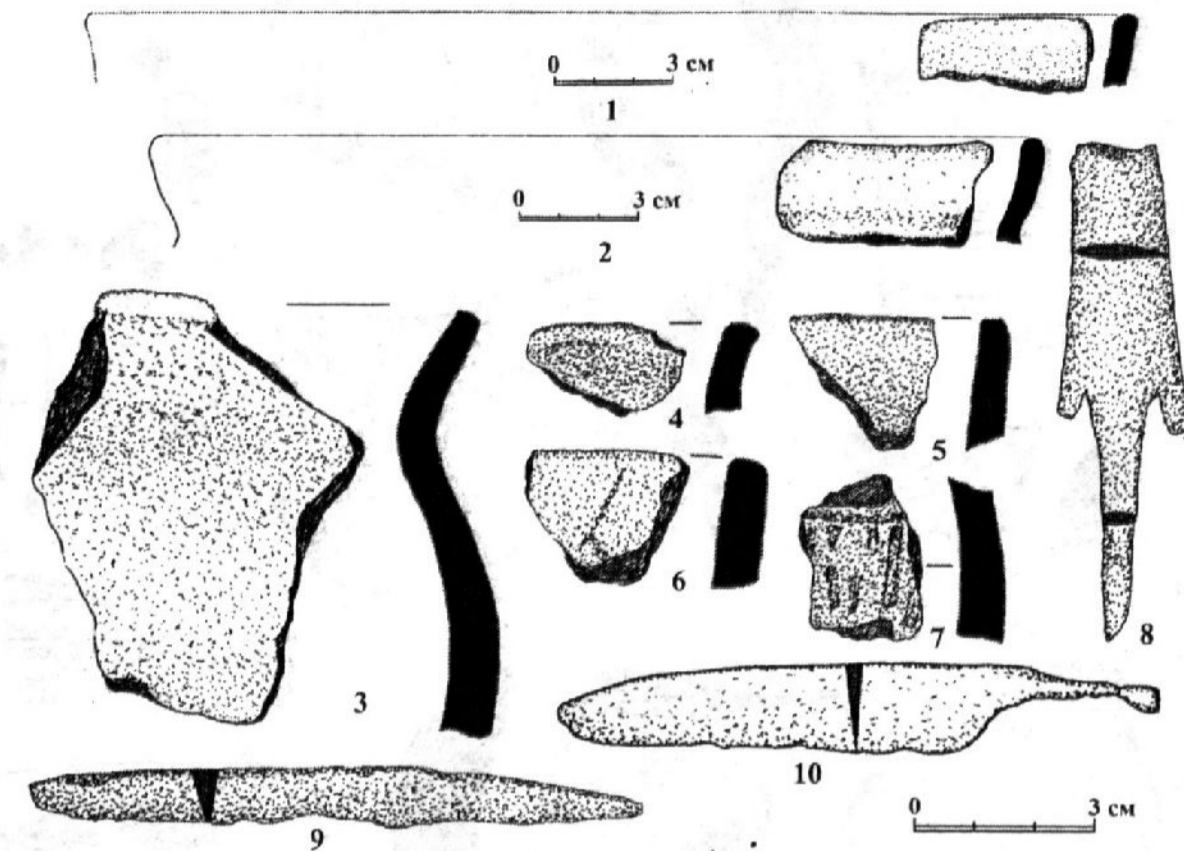


Рис. 3. Г. Таруса, городище 1, находки позднедьяковского этапа: 1—7 — фрагменты лепных сосудов с гладкой (1), лощеной (2, 3, 5, 6) и грубой (4, 7) поверхностью; 8 — наконечник стрелы; 9, 10 — ножи.

браслетообразных височных колец на поселениях. Так, с уже не раз упоминавшегося городища Отмичи происходит и находка браслетообразного незамкнутого кольца. (Исланова, 2008. Рис. 63: 4).

Датировка тарусской находки может быть связана с привязкой ее к одному из археологических памятников, а именно поселению, на котором известны материалы, синхронные ей по времени. На территории Тарусы таким поселением является городище 1, вблизи которого и была сделана эта находка (рис. 5). Культурный слой городища, кроме эпохи камня, Древней Руси и позднего средневековья содержит находки I тыс. н. э. В свою очередь данный период по находкам из культурного слоя делится на два хронологических этапа: ранний (условно назван как позднедьяковский этап) и поздний (роменский этап).

Основой выделения раннего, позднедьяковского этапа, в первую очередь, служат фрагменты лепной посуды. По технологии изготовления выделяются два типа керамики — груболепная и лощеная. Груболепная представлена фрагментами стенок и только одного венчика (рис. 3: 4) сосудов с грубыми минеральными примесями в тесте, заглаженной или затертой поверхностью. На одном из фрагментов стенок нанесен прочерченный орнамент (рис. 3: 7). Лощеная керамика представлена небольшим числом фрагментов стенок и венчиков сосудов черного (рис. 3: 2, 3, 5) и коричневого (рис. 3: 6) цвета. Один фрагмент венчика лепного сосуда имеет тщательно заглаженную (гладкую) поверхность темно-коричневого цвета (рис. 3: 1).

Груболепная керамика по технологии изготовления достаточно схожа с керамикой позднедьяковских поселений бассейна р. Протвы (Маламахово, Рыжково, Алтухово, Оболенское и др.). Керамика с прочерченным орнаментом известна и на дьяковских поселениях Подмосковья. Например, на Щербинском городище керамика с прочерченным орнаментом характерна больше для верхнего слоя, датируемого IV—VI (VII) вв. (Розенфельдт, 1974. С. 145—146). На Троицком городище прочерченный орнамент присутствует на посуде, как из нижнего, так и из верхнего слоев (I—VI вв.). (Розенфельдт, 1971. Рис. 22 и др.).

Хронологические рамки раннего этапа функционирования поселения определяются весьма относительно, в том числе по керамике с лощеной поверхностью, бытовавшей на территории верхней Оки в III—VI вв. н. э. (мощинская и дьяковская культуры). Фрагментарность керамики не позволяет точно определить принадлежность частей сосудов к какому либо известному типу. Однако, не исключено, что один из чернолощенных венчиков (рис. 3: 2) соотносится с одним из типов (тип 1) лощеных мисок мощинской культуры III—начала VI

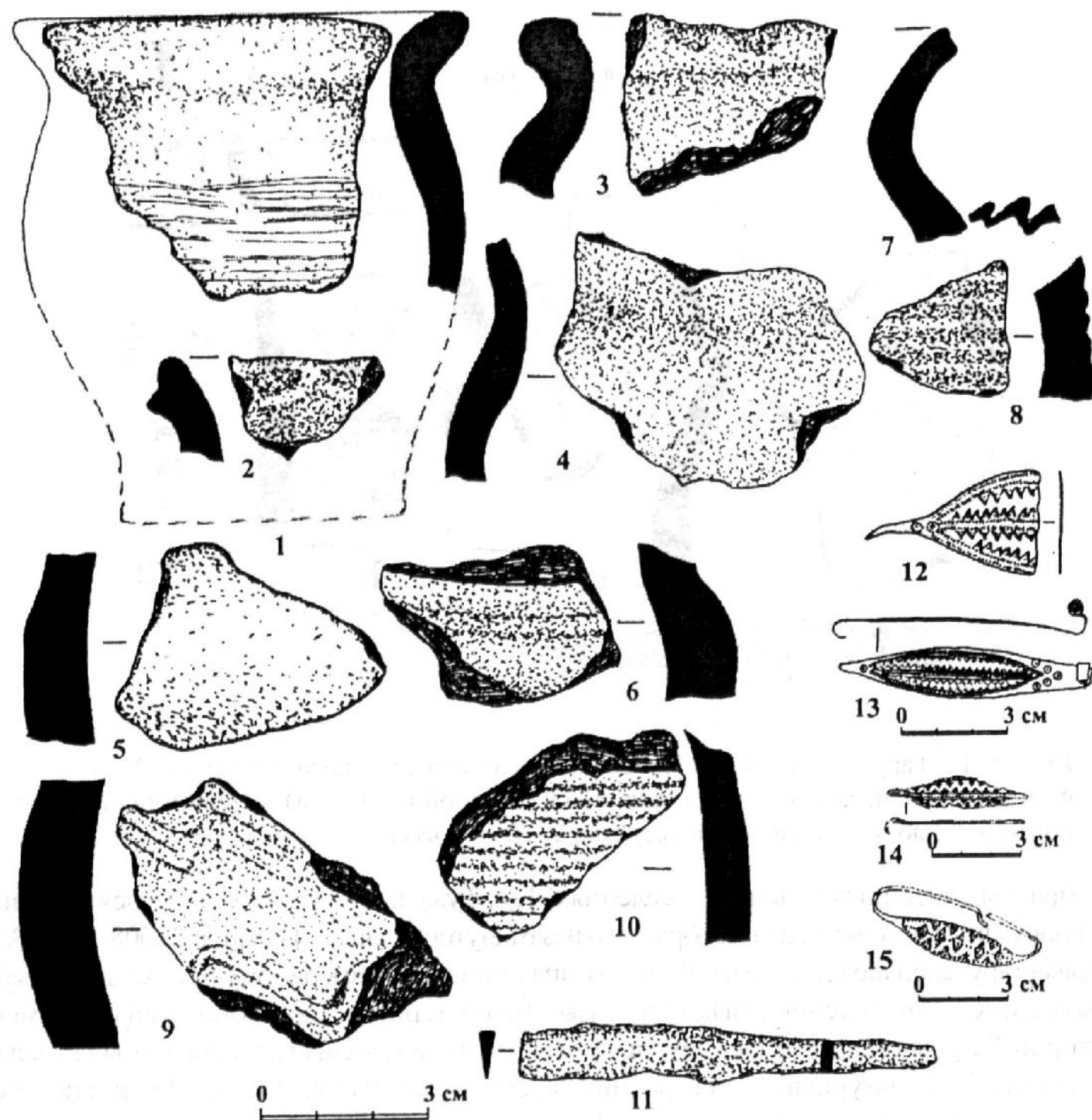


Рис. 4. Г. Таруса, городище 1, находки роменского этапа: 1—6 — фрагменты лепных сосудов; 7—10 — фрагменты раннекруговых сосудов; 11 — нож; 12 — часть поясного крючка; 13 — поясной крючок (селище 1 Исканское, по О.Л. Прошкину и А.С. Фролову, 2000); 14 — поясной крючок (селище Монастырек, по Е.В. Максиму и В.А. Петрашенко, 1988); 15 — украшение (городище Архангельское, по А.З. Винникову, 1995).

вв. (Массалитина, 1994. С. 107—108. Табл. 53). Другой фрагмент верхней части чернолощеного сосуда (рис. 3: 3) по морфологии близок чернолощеным горшкам плавной профилировки с селища Мощины, городища Троицкое (нижний горизонт слоя II) и др. памятников III—VI вв. (Массалитина, 1994. Табл. 47: 1; Розенфельдт, 1971. Рис. 10: 1 и др.).

Вероятно, что с данным хронологическим этапом можно связать и находки железных изделий: наконечника стрелы и двух ножей. Наконечник стрелы черешковый, двухперый с листовидным удлинённым пером¹ с линзовидным поперечным сечением (рис. 3: 8). Двухперые черешковые наконечники являются одним из самых распространенных типов во времени (I—начало II тыс. н. э.) и пространстве (лесная часть Восточной Европы). (Медведев, 1966. С. 62). Наконечники же, близкие тарусскому по форме пера и его поперечному сечению, а также по размеру, более характерны для 1-ой половины I тыс. н. э. (Смирнов, 1974. С. 34. Табл. II: 3; Воронцов, 2004. Рис. 10 и др.). Оба ножа черешковые. Один из них узколезвийный с прямой спинкой, имеющей слабо выраженный уступ при переходе

¹Иногда в литературе форма пера таких наконечников обозначается как треугольно-вытянутая.

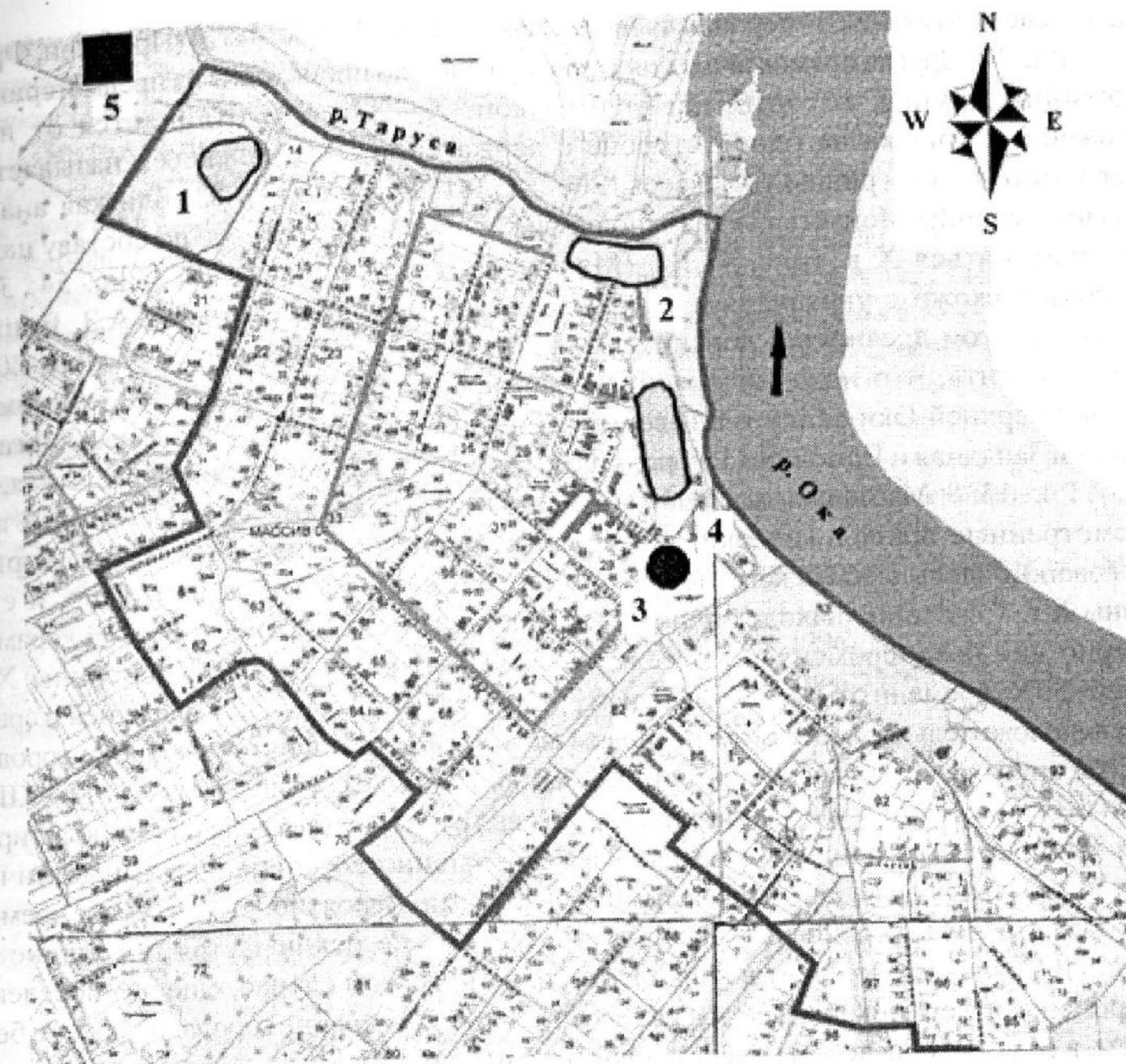


Рис. 5. Г. Таруса, исторический центр, план. Условные обозначения: 1 — городище 1, 2, 4 — селища с лепной роменской керамикой, 3 — местонахождение лепной роменской керамики, 5 — место случайной находки бронзовых изделий.

к черенку (рис. 3: 9). Другой — широколезвийный с дугообразной спинкой, непосредственно переходящей в черенок (рис. 3: 10). Ножи первого типа широко бытовали практически все I тыс. н. э. (Смирнов, 1974. С. 38. Табл. II: 21; Археология СССР, 1993. Табл. LXIX: 13; Исланова, 2008. Рис. 50: 9 и др.). Ножи второго типа более характерны для 1-ой половины I тыс. н. э. (Никольская, 1953. Рис. 25: 4; Исланова, 2008. С. 18. Рис. 50: 6 и др.).

На основании немногочисленных находок ранний этап функционирования поселения предположительно следует отнести к периоду от первых вв. н. э. до V—VI вв. н. э. Следует отметить, что на городище не найдена сетчатая керамика.

Основой выделения позднего этапа, также как и раннего, в первую очередь, служит лепная керамика. Представлена немногочисленными фрагментами верхней части сосуда с линейным орнаментом, нескольких венчиков и стенок (рис. 4: 1—6) сосудов с примесями шамота, органики и дресвы в тесте, с грубой или заглаженной поверхностью. Края двух венчиков орнаментированы ямчатыми вдавлениями (рис. 4: 2, 3). По морфологии и технологии изготовления данная керамика аналогична керамике роменской культуры и имеет многочисленные аналогии с территории Верхнего Поочья («Чертово Городище», Уткино 1, Западная и др.). Другой тип керамики данного этапа — раннекруговая. Представлена одним венчиком и рядом стенок грубых круговых сосудов, на некоторых с волнистым и линейным орнаментом (рис. 4: 7—10). Не исключено, что к этому же периоду может относиться и железный черешковый, узколезвийный нож со спинкой в виде плавной дуги, непосредственно переходящей в черенок (рис. 4: 11). Аналогичные ножи известны из погребений культуры смоленских длинных курганов VIII—начала X вв. (Енуков, 1990. С. 17: 4).

Наибольший интерес представляет еще одна находка, также, вероятно, связанная с данным хронологическим этапом. Это часть (около 1/3) пластинчатого, кованого поясного крючка (серебро?) с чеканным геометрическим и пуансонным орнаментом (рис. 4: 12). Целый такой поясной крючок, но выполненный из бронзы, найден на селище 1 у с. Исканское близ

Тарусы в числе подъемного материала древнерусского периода (рис. 4: 13) (Прошкин, Фролов, 2000. С. 9. Рис. 7). Другая прямая аналогия данному изделию происходит из предматерикового слоя детинца Друцка, который датируется кон. X—XI вв. и отличается от наших расположением крючка на одной стороне с держателем. Л.В. Алексеев называет этот предмет «застежкой» гривны (Алексеев, 2002. С. 81. Рис. 4: 5. С. 83). Близкая аналогия происходит с селища Монастырек, из заполнения жилища № 1, которое по составу находок может датироваться X в. (рис. 4: 14) (Максимов, Петрашенко. 1988. Рис. 54: 3). По орнаментации схожи с украшением с Архангельского городища, которое А.З. Винников связывает с кругом древностей донских славян (рис. 4: 15) (Винников, 1995. Рис. 20: 14). Следует отметить, что находки поясных крючков в целом, как деталей костюма, на территории верхней Оки редки и в известных случаях датируются IX—X вв. (курганные могильники Западная и Ермолино 1, городище «Чертово Городище» и др.) (Никольская, 1981. Рис. 12: 7. Рис. 13: 8; Массалитина, Отчет за 1991 г. Рис. 1; Прошкин, 2003. Рис. 8, 10, 11 и др.).

Рассмотренные археологические материалы позднего этапа позволяют говорить о существовании здесь славянского поселения с рубежа X—XI вв., а, возможно, и с 2-ой половины X в. Сочетание находок лепных роменских сосудов с раннекруговой керамикой характерно для позднероменских поселений 2-ой половины X—1-ой половины XI вв. Поселения этого времени относятся к позднему этапу славянского освоения верхней и средней Оки. Предположительно, что с этим периодом можно связать и другие находки с городища: фрагменты круторогих привесок-лунниц (X—XII вв.), кольчатых удил типа VI (X—XII вв.), привески-бубенчика финно-угорского типа (X—XIII вв.) и других, имеющих широкую датировку.

Судя по известным ближайшим аналогиям, большинство спиральных пластинчатых браслетов связывается с позднедьяковскими горизонтами. Вероятно, что с этим же временем следует связать и тарусские находки. Однако, совсем не исключается попадание этих предметов и в славянскую среду в конце I тыс. н. э. Во всяком случае, еще два поселения с лепной роменской керамикой известны на северо-восточной окраине города, на правом берегу р. Тарусы, в ее устье и на левом берегу р. Оки (территория горпарка). Отдельные фрагменты лепных роменских сосудов попадались при исследовании культурного слоя (шурф) на ул. Володарского, также на левом берегу р. Оки (рис. 5).

Таким образом, мы считаем наиболее вероятным соотнесение найденных на берегу р. Таруса бронзовых изделий с одним из выделенных хронологических этапов существования здесь позднедьяковского и славянских поселений и датировать на данном этапе исследований от III—IV вв. до X—XI вв. включительно. Более точной датировки пока сделать не представляется возможным.

Сама же находка этих предметов в едином месте вне территории археологических памятников может свидетельствовать о том, что перед нами часть клада, сокрытого мастером-ремесленником, как ценное сырьё. В то же время нельзя полностью исключить вероятность связи описанных выше вещей с разрушенным погребением.

Источники и литература

- Алексеев Л.В. Древний Друцк (письменные источники, топография, время возникновения). К празднованию тысячелетия Друцка 1001—2001 гг. // РА. № 1. 2002.
- Археологическая карта России. Нижегородская область. Под ред. А.В. Кашкина. Ч. 1. М., 2004.
- Археологическая карта России. Калужская область. Под ред. А.В. Кашкина. М., 2006.
- Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987.
- Археология СССР. Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э.—первой половине I тысячелетия н. э. М., 1993.
- Винников А.З. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII—начало XI века). Воронеж, 1995.
- Воронцов А.М. Новая группа памятников первых веков нашей эры в правобережье верхней Оки // Верхнее Подонье. Природа. Археология. История. Т. 1. Тула, 2004.
- Дубынин А.Ф. Щербинское городище // Дьяковская культура. М., 1974.
- Енуков В.В. Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей. М., 1990.
- Исланова И.В. Городище Отмичи. М., 2008.
- Максимов Е.В., Петрашенко В.А. Славянские памятники у с. Монастырек на среднем Днепре. Киев, 1988.
- Массалитина Г.А. Отчет о раскопках кургана Ермолино-1 Боровского района Калужской области. 1991 г. // Архив ИА. Р-1. № 16083.
- Массалитина Г.А. Мощинская культура. Диссертация на соиск. уч. ст. к. и. н. М., 1994.

- Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел // САИ. Вып. Е1—36. М., 1966.
- Никольская Т.Н. Земля вятичей. М., 1981.
- Прошкин О.Л., Фролов А.С. Коллекция древнерусских находок из Тарусского района Калужской области // Таруса в исследованиях краеведов. Калуга, 2000.
- Прошкин О.Л. Славянское освоение территории Калужского края // Труды регионального конкурса научных проектов в области гуманитарных наук. Вып. 4. Калуга, 2003.
- Розенфельдт И.Г. Керамика Троицкого городища // Древнее поселение в Подмосковье. М., 1971.
- Розенфельдт И.Г. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М., 1974.
- Розенфельдт И.Г. Древности западной части Волго—Окского междуречья в VI—IX вв. М., 1982.
- Розенфельдт Р.Л. Муромский могильник в с. Молотицы // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.
- Седов В.В. Славяне. М., 2002.
- Смирнов К.А. Дьяковская культура // Дьяковская культура. М., 1974.
- Тухтина Н.В. Женский головной убор. (По материалам Подболотьевского могильника) // Тр. ГИМ. Вып. 93. М., 1997.
- Хвоцинская Н.В. Население восточного берега Чудского озера // Финны в Европе. V—XV вв. Вып. 2. М., 1990.
- Skarby starozytniej Lotwy. Warszawa, 2007.
- Tautavicius A. Vidurinis gelezies amzius Lietuvoje (V—IX a.). Vilnius, 1996.
- Vaskeviciute I. A new type of bronze pin in the Eastern Baltic // Archaeologia Baltica. 6. Klaipeda, 2006.
- Bliujiene A. Vikingu epochos kursiu papuosalu ornamentika. Vilnius, 1999.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ТАРУССКОМ ГОРОДИЩЕ

А.С. Фролов, в.с., Фонд содействия охране памятников археологии
«Археологическое наследие»

Обычно первым упоминанием о Тарусе считается 1246 г. (в некоторых источниках 1245) и связывается с именами Черниговского князя Михаила Всеволодовича и его сына Юрия. Я, опираясь, в первую очередь, на свидетельство итальянского монаха-францисканца Джованни дель Плано Карпини [1. Гл. III. Парагр. I, II], который по прибытии в Орду в апреле 1246 г. подробно описывал казнь св. Михаила Черниговского, как недавно произошедшую, придерживаюсь более ранней датировки, этого события т.е. сентябрь 1245 г. [2. С. 85—89]. Соответственно, и т.н. «духовная» князя Михаила была составлена не в 1246 г., а, как минимум, годом раньше. Но при этом следует учитывать, что летописное упоминание о разделе Михаилом Черниговским своих земель на уделы между сыновьями, несомненно, более поздняя вставка. Прочитав запись Уваровского списка Ермолинского летописца: «Того же великого князя Михаила Черниговского сынове: князь великий Романъ Черниговскій, бездетенъ и не родословился; второй сынъ Мстиславъ Карачевской и Звенигородскій; третий сынъ Семіонъ Глуховской и Новосилской; четвертой сынъ Юрій Брянской и Торуской. У Юрія сынъ болюиои Константинъ, а у Константина сын болюиои Иванъ, у Ивана первой Никита, другои Василей...» [3. С. 81].

Как видим, здесь упоминаются сын, внук и правнуки Юрия Михайловича Тарусского. Вероятнее всего, эта запись была сделана на основании каких-то родословных росписей и могла быть включена в летописный список никак не ранее середины XIV столетия.

Однако этот факт никоим образом не опровергает того, что перед своим отъездом в Орду летом 1245 г. Михаил Черниговский наделил своего младшего сына Юрия Тарусским уделом. И к половине XIII в. Таруса существовала не только как город, но и как столица уже сложившегося удельного княжества в Черниговской земле.

До недавнего времени не было достаточно четкого ответа на вопрос: когда здесь возникло первое славянское поселение? Не были определены и хронологические этапы его развития.

Еще в 1970-х гг. на современной территории города автором обнаружено городище (впоследствии получившее условное название Тарусское I-ое), которое интерпретировалось как место формирования исторического ядра древней Тарусы, позднее её детинца [4. С. 51, 52].

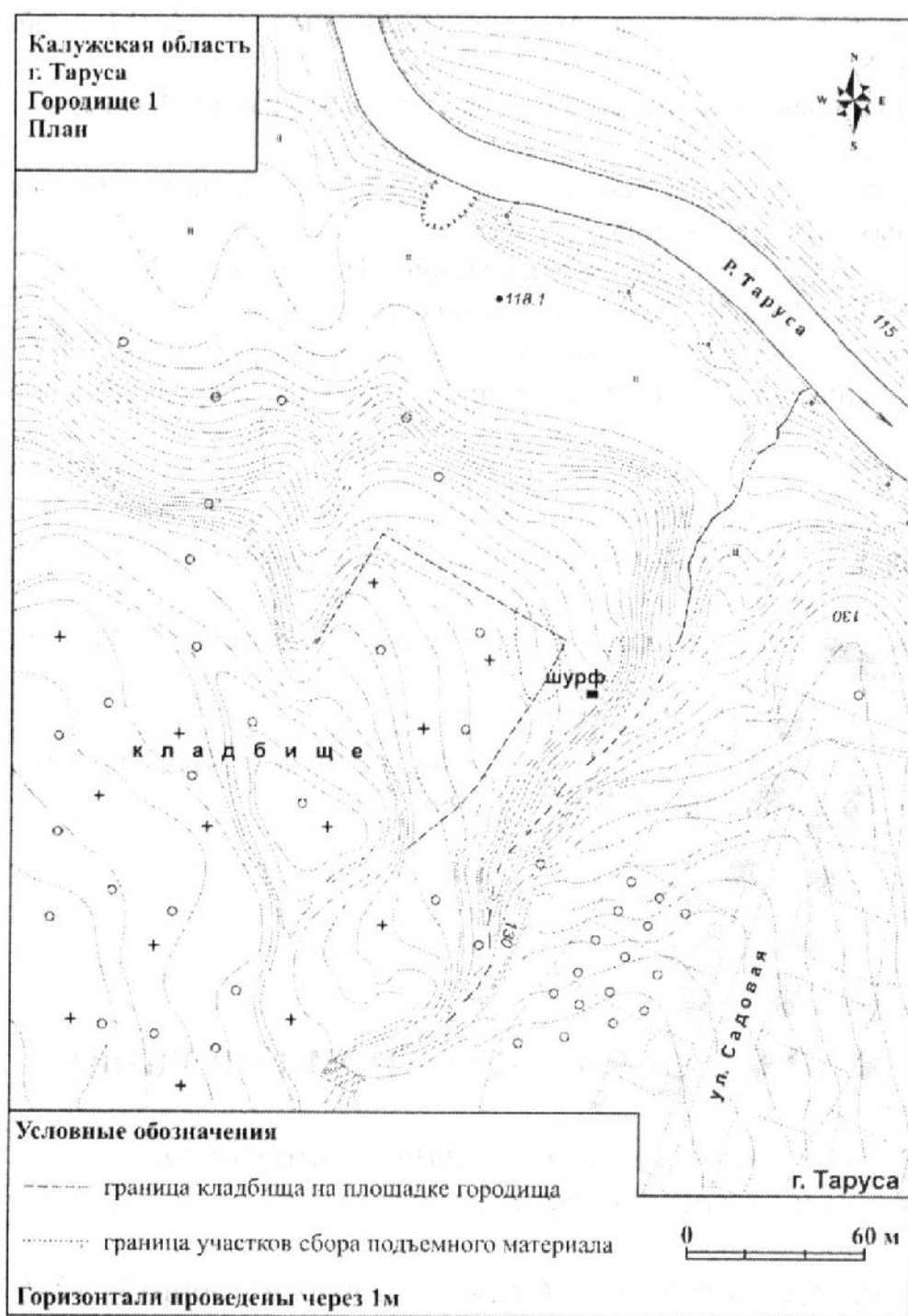


Рис. 1.

ваний была произведена шурфовка (шурф размерами 4x2 м.) в восточной части площадки городища. Целью шурфовки являлось определение степени сохранности культурного слоя и возможности его дальнейшего исследования археологическими методами.

Местом для постановки шурфа был выбран присклонный участок в восточной части площадки городища. Поверхность памятника в этом месте нарушена многочисленными современными неглубокими ямами (местные жители снимают дерновый слой и берут здесь «чернозём» для оформления могил). Шурф ориентирован перпендикулярно склону городища, по оси З—В. Разбит на два участка 2x2 м. После снятия дёрна — 0,5—0,7 м. — раскопки велись по пластам 0,2 м с ручной переборкой вынутого грунта. За нулевую («0») отметку принят наиболее высокий юго-западный угол шурфа (уч.2).

В дерновом слое встречаются мелкие обломки гончарной керамики. Преимущественно это фрагменты стенок белоглиняных сосудов, иногда с неглубоким линейным или волнистым орнаментом, датируемые XV—XVI вв. Встречено несколько фрагментов круговой керамики, которые можно отнести к эпохе Древней Руси XII—нач. XIII вв. и один фрагмент стенки сосуда с чёрным лощением XVII в. Помимо этого в дерновом слое найдены четыре кремнёвых отщепов. В целом это говорит о механическом смешении разновременных материалов в результате жизнедеятельности человека на этом месте в позднем средневековье и современности.

Пласт 1 по всей площади шурфа представляет однородный пятнистый серый суглинок — следы многолетней распашки. Содержит большое число гончарной керамики домонгольского и средневекового времени, а также преимущественно мелкие обломки грубой лепной толстостенной керамики. Среди индивидуальных находок следует отметить обломок шиферного пряслица, железные кованые гвозди, цилиндрический пружинный замок, железный

Городище относится к прибрежно-овражному типу. Расположено в 0,8 км к западу от устья р. Тарусы, на обширном мысу 2-ой надпойменной террасы её правого берега, в 0,2 км к северу от ул. Р. Люксембург (быв. Кладбищенской). Мыс подпрямоугольной формы имеет небольшой наклон к северу, в сторону поймы реки. В западной части прослеживаются следы сильно заплывшего рва, в южной — остатки вала. С восточной стороны ограничен узким глубоким оврагом, за которым располагался посад, тянувшийся к Оке [5. С.21—33] (рис. 1). Размеры по оси С—Ю ок. 110 м, по оси З—В — 80—85 м. Поверхность площадки до начала 1980-х гг. подвергалась многолетней распашке. В настоящее время большая её часть занята кладбищем, уничтожившим (сnivelировавшим) основную часть земляных укреплений.

Длительное время исследования памятника проводилось только путём сбора подъёмного материала [2. С.82,83] и наблюдениями за нарушениями слоя при рытье могил. В 2007 году в целях выяснения сохранности культурных напласто-

нож с широким плоским черенком, сохранившим заклёпки от рукоятки, фрагмент кости домашнего животного со следами обработки ножом.

В западной части шурфа (кв.2) на глубине 0,2 м от современной поверхности пахотный слой заканчивается. Подстилает его светлая палево-серая глина с вкраплениями небольших кремнёвых конкреций и плитками известняка — материк.

При снятии второго пласта отмечено равномерное падение материкового горизонта к востоку. В восточной части кв.2 и на всей площади кв.1 продолжается мешаный слой — серый суглинок. Лишь в нижней части пласта 1 у северного и южного бортов шурфа отмечены небольшие участки непо потревоженного культурного слоя — рыхлого, сильно гумусированного суглинка чёрного цвета. В восточной части кв.2 и западной части кв.1 прослеживается материковая глина.

Керамика, как и выше, преимущественно гончарная XII—XIII вв. и более поздняя, в том числе белоглиняная, которую можно отнести к XIV—XV вв.

Встречены фрагменты лепной неорнаментированной посуды с гладкой поверхностью и обломки раннегончарной керамики с примесью дресвы и шамота в тесте, с линейным орнаментом, которую можно отнести к XI в. Индивидуальных находок две: железный нож древнерусского типа и железный двушипный наконечник стрелы с плоским черешком. В этом же пласте найдены металлические шлаки.

Разборка третьего пласта велась методом зачистки по уровню падения материка. Культурный слой в 3-м пласте — рыхлый суглинок чёрного цвета — содержал малое количество находок керамики. Среди них есть довольно крупные фрагменты лепной тонкостенной профилированной посуды, в том числе с чёрным лощением. Некоторые фрагменты гончарной керамики с линейным орнаментом следует датировать второй половиной XI в. Отмечу находку нескольких фрагментов лепной керамики, по внешним признакам близкой роменской. Интересен венчик толстостенного лепного сосуда с орнаментом в виде защипов по краю.

В С-В углу кв.1 в предматериковом горизонте на глубине 1,45—1,46 м зафиксирована прослойка мелких древесных угольков, уходящая в восточную стенку шурфа.

Следует отметить, что во всех горизонтах культурного слоя были найдены кремнёвые отщепы и осколки, явно свидетельствующие о существовании здесь в каменном веке стоянки.

Таким образом, предварительная шурфовка на 1-ом Тарусском городище показала, что под пахотным слоем сохранились участки непо потревоженного культурного слоя (рис. 2), содержащие материалы как древнерусского времени (XI—XIII вв.), так и более древние — раннесредневековые, относящиеся, наиболее вероятно, к мощинской культуре (III—V вв. н.э.), а также эпохи каменного века.

В целом же коллекция индивидуальных находок с городища довольно представительна. И пусть большая её часть получена не в результате целенаправленных археологических раскопок, а в процессе наблюдений, значимость этих материалов позволяет делать вполне аргументированные выводы о хронологии и характере заселения данного места.

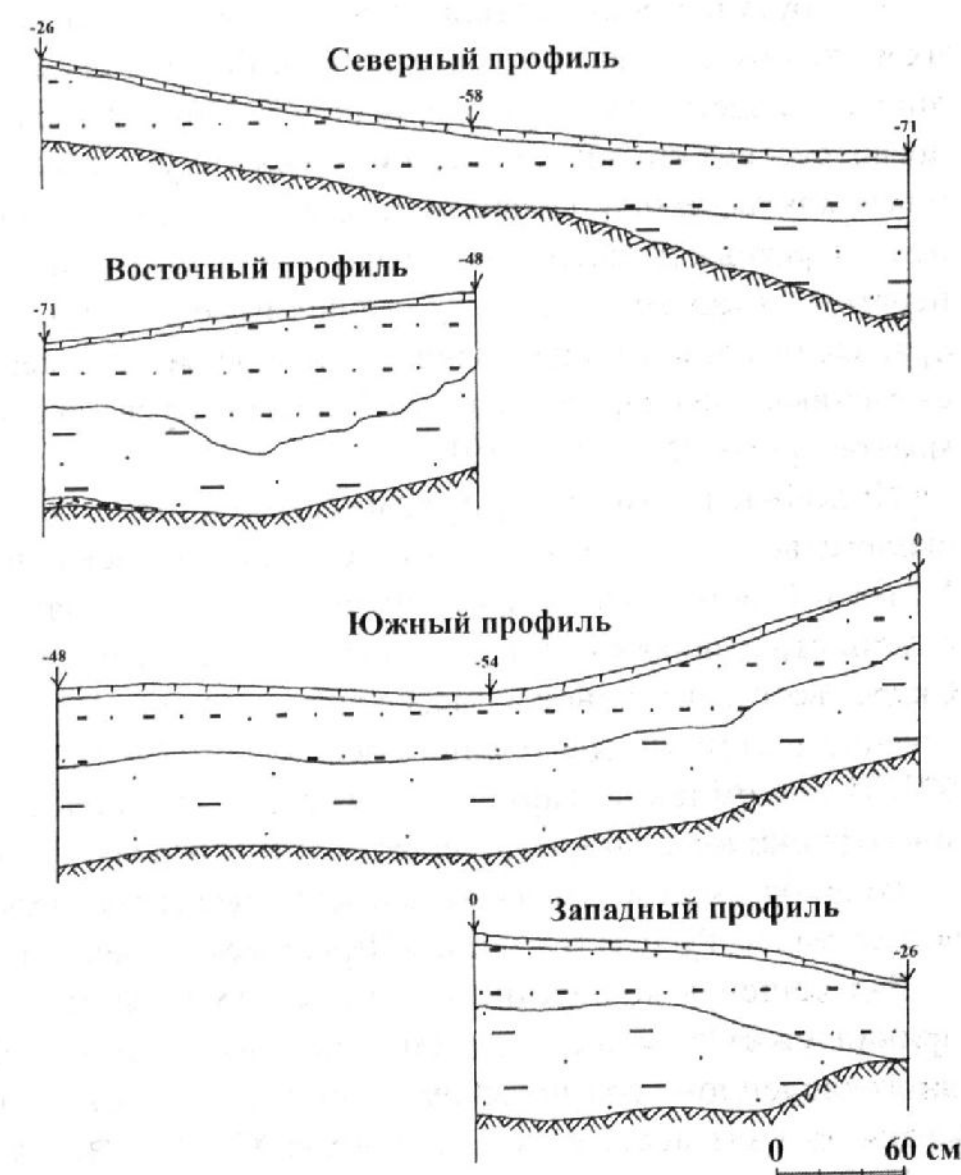


Рис. 2. Г. Таруса, городище 1, шурф, профили стенок.

Я не буду подробно останавливаться на описании материалов с памятника. Значительная их часть опубликована и достаточно детально описана [6. С.212,213; 7. С.7—12]. Отметим лишь, что здесь представлены основные типы изделий, известные по находкам на других древнерусских крупных поселениях и в культурных слоях городов XI—XIII вв. Это железные ножи, ключи, замки, калачевидные и овальные кресала, наконечники стрел, светец и т. д.; разнообразные женские украшения: височные кольца, витые и пластинчатые браслеты и перстни, подвески-лунницы, бубенчики; детали поясного набора, в том числе лировидные пряжки, поясные кольца и накладки и проч., изготовленные из серебра, бронзы, оловянисто-свинцовых сплавов; стеклянные браслеты, бусы, шиферные пряслица, костяной гребень и многое другое [8. С. 55—59].

Подобный комплекс предметов и керамики, в том числе лепной роменской, свидетельствует о том, что первое славянское поселение на этом мысу возникло не позднее XI века. Однако нельзя аргументировано утверждать, что и город, как некая социально-административная единица, резиденция светской и духовной власти, возник в то же время. Скорее всего, его становление, как и многих других древнерусских городов, происходило в течение достаточно длительного периода [9. См. гл.2; 10. С.17—22; 11. С.52—64; 12. С.61—67]. И оформление Тарусы как городского (волостного) центра, с присущей городу многофункциональностью, вероятно, относится ко времени не ранее конца XII—начала XIII вв. В период, как отмечается многими исследователями, характеризующийся градообразовательными процессами на Руси. В том числе в Черниговских землях и в Поочье [13. С.57].

Ряд вещей в коллекции (ножи, фрагменты энколпиона, нательных крестов и др.) принадлежит к более позднему времени — XIV—XVII вв. То же можно сказать и о многочисленном керамическом материале. Т. е., отчётливо прослеживается непрерывность жизни на этом месте вплоть до начала XVIII столетия.

Небольшая коллекция лепной профилированной посуды, в том числе с лощёной поверхностью, датируется эпохой раннего средневековья III—V вв. н.э. С данной керамикой связаны некоторые предметы: железный двушипный наконечник стрелы, ножи с «горбатой» спинкой, обломок глиняного чёрнолощёного биконического пряслица с широким каналом.

Наличие этих материалов, несомненно, свидетельствует о существовании здесь поселения, оставленного племенами древних балтов, носителями мощинской культуры. Говорить о характере этого поселения (городище или селище) на сегодняшний день, на мой взгляд, преждевременно.

В эпоху каменного века на мысу, где впоследствии возникло городище, существовала стоянка. Здесь найдено значительное количество предметов из кремня, преимущественно мелового, черного, серого и жёлтого цвета. Все они залегают в переотложенном состоянии. Незначительное число изделий со вторичной обработкой, типологически чётких форм нуклеусов, отсутствие культуроопределяющих форм и типов орудий не даёт возможности чёткой датировки стоянки. Однако наиболее вероятно её отнесение к мезолитической эпохе.

Подводя итоги исследованиям последних лет на Тарусском 1-ом городище можно сказать, что сохранившийся культурный слой позволяет продолжить его исследования археологическими раскопками. Это, в свою очередь, даёт возможность более объективно изучить историю формирования исторического ядра города, причины, давшие толчок к его развитию в XII—нач.XIII вв и трансформацию в столицу удельного княжества к 1240-м гг.

Литература

1. Джованни дель Плано Карпини. История Монголов, именуемых нами татарами. М., 1957.
2. Фролов А.С. О времени возникновения города Таруса//Археология и история юго-востока Руси. Курск, 1991.
3. Полное собрание древнерусских летописей. Т XXIII. Ермолинская летопись. СПб., 1910.
4. Фролов А.С. О локализации детинца древней Тарусы//Кремль России. Тез.докл. Всерос. симпозиума. М.,1999.
5. Фролов. А.С. Фрагменты. Очерки истории Тарусы. М.,2006.
6. Археологическая карта России. Калужская область. М., 2006.
7. Прошкин О.Л., Фролов А.С. Коллекция древнерусских находок из Тарусского района Калужской области// Таруса в исследованиях краеведов. Калуга, 2000.
8. Фролов А.С., Прошкин О.Л. Новые археологические находки с городища 1 в г.Тарусе// Вопросы

археологии, истории культуры и природы Верхнего Поочья. Материалы XII Всероссийской науч. конф. Калуга, 2008.

9. Куза А.В. Древнерусские городища X—XIII вв. М., 1996.

10. Рабинович М.Г. Очерки этнографии русского феодального города. М., 1978.

11. Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1956.

12. Юшко А.А. Московская земля IX—XIV веков. М., 1991.

13. Археология СССР. Город, замок, село. М., 1985.

ПОСТРОЙКА 4/XXVIII ГОРОДИЩА СУПРУТЫ¹

А.В. Григорьев, музей-заповедник «Куликово поле»

Городище у с. Супруты Щёкинского района Тульской области давно привлекает внимание археологов. На сегодняшний день большая часть его площадки изучена раскопками. В процессе многолетних исследований был получен уникальный материал, выделяющий памятник из большинства синхронных славянских поселений. При этом лишь небольшая часть результатов работ была введена в научный оборот². В настоящее время ведётся подготовка к, по возможности, полному изданию городища. В рамках этой подготовки были обработаны материалы постройки, явившейся темой предлагаемого исследования.

Постройка 4/XXVIII³ располагалась в юго-западной, привальной части площадки городища. Этот участок был хорошо стратифицирован, что позволило объективно выделить пять строительных периодов славянского этапа жизни поселения⁴. Постройка относится к последнему периоду жизни посёлка и перекрывала предшествующие сооружения (рис. 1). От неё сохранился подпрямоугольный котлован, вытянутый по линии СЗ—ЮВ. Восточный угол сооружения выходил за пределы раскопа в раскоп VI (1967 г.), где он зафиксирован не был. Размеры котлована 5, 60 на более чем 6, 50 м, глубина 0,40—0,50 м. Отметим, что столь значительные размеры не характерны ни для рассматриваемого, ни для синхронных памятников данного региона⁵. Вся северо-западная часть постройки была занята котлованом подквадратной формы размерами 3,50 x 4,00 м и глубиной до 1,30 м от уровня пола внешнего котлована (до 1,70 м от верха заполнения).

В заполнении выделялось два основных слоя. Верхний, слой «а», залегал по всей площади постройки на всю глубину внешнего котлована. Над внутренним котлованом его мощность увеличивалась. Слой состоял из серого гумусированного суглинка с многочисленными включениями мелких и средних известняковых камней, углей и пачины. Повышенная концентрация обожжённых камней и пачины отмечалась у северного угла постройки, что, вероятно указывает на место расположения отопительного сооружения. Слой «б», мощностью до 0,40 м, фиксировался только в пределах внутреннего котлована. Он состоял из тёмного однородного гумусированного суглинка.

Жилище можно реконструировать как прямоугольную срубную постройку с погребом. Судя по углям из заполнения, в качестве строительного материала использовался клён.

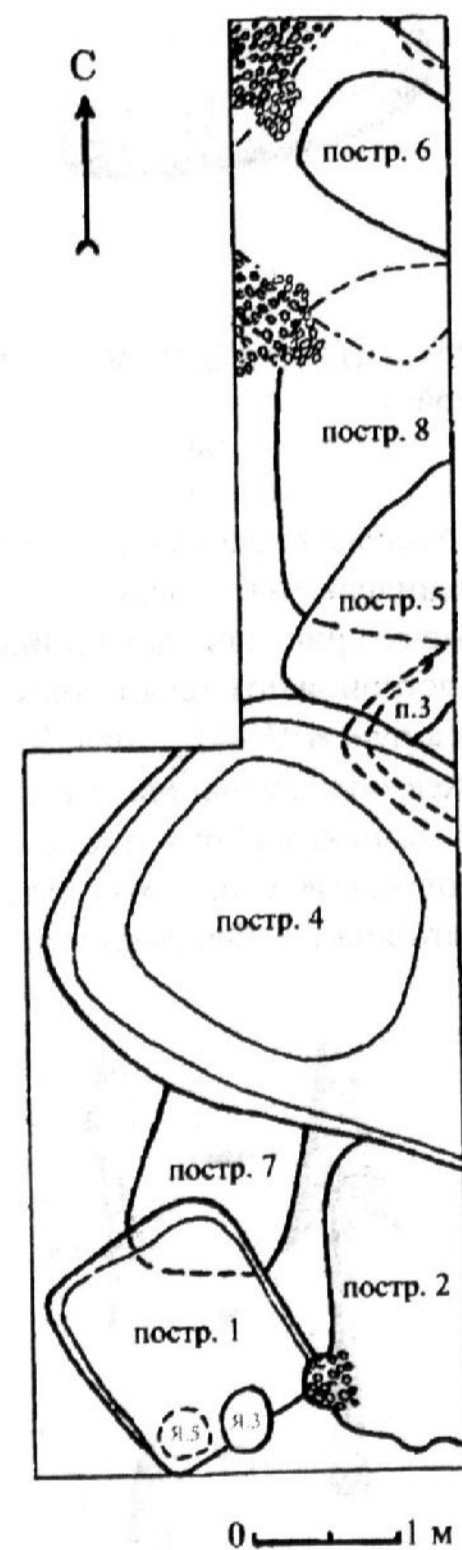


Рис. 1. Городище Супруты. Схема расположения построек славянского времени в раскопе XXVIII.

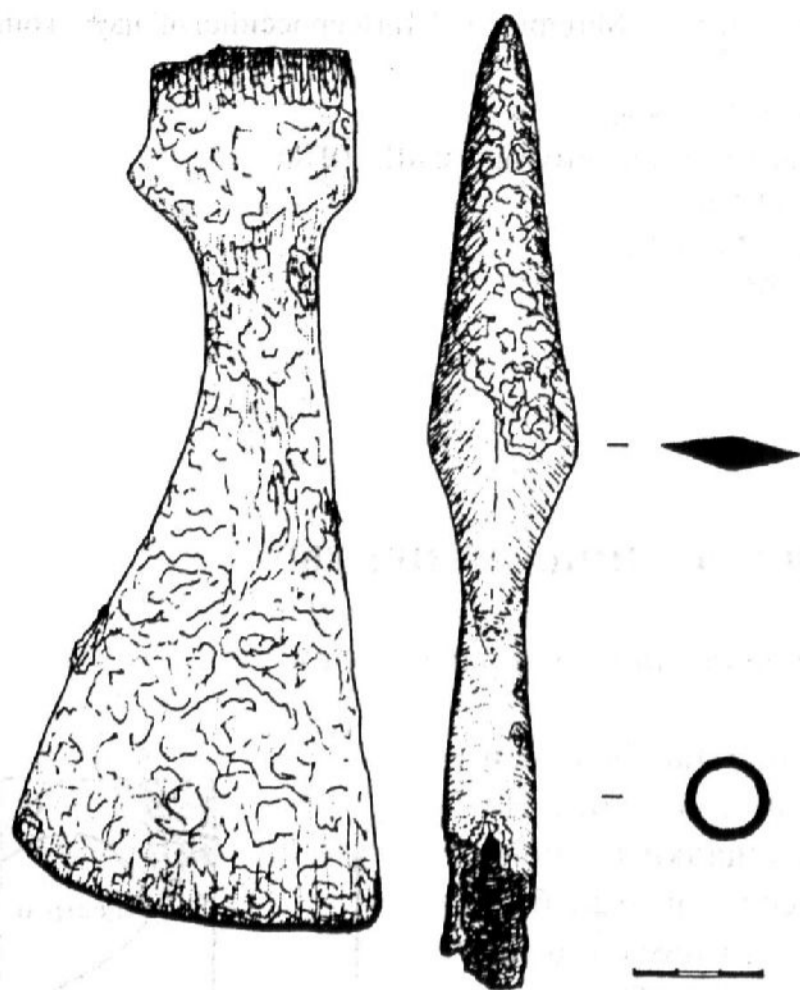


Рис. 2. Постройка XXVIII/4. Топор и наконечник копья.

роменских поселений, в частности городища Новотроицкого¹⁰. Два наконечника и, возможно, один фрагмент, относятся к так называемым ланцетовидным (тип 62 по А.Ф.Медведеву) и характерны для «дружинных» древностей кон. IX—нач. XI в. Совокупность типов стрел из постройки позволяет достаточно точно определить время их возможного сосуществования как рубеж IX—X—нач. X в. Помимо наконечников стрел с луком связаны и находки двух железных колчанных петель (рис. 5:1, 2).

Конская сбруя представлена удилами (рис. 5:6) и фрагментом кнутовища плети. Кольчатые удила относятся к типу IV по А.Н.Кирпичникову и имеют очень широкую датировку¹¹. Фрагмент кнутовища относится к типу I по А.Н.Кирпичникову и наиболее

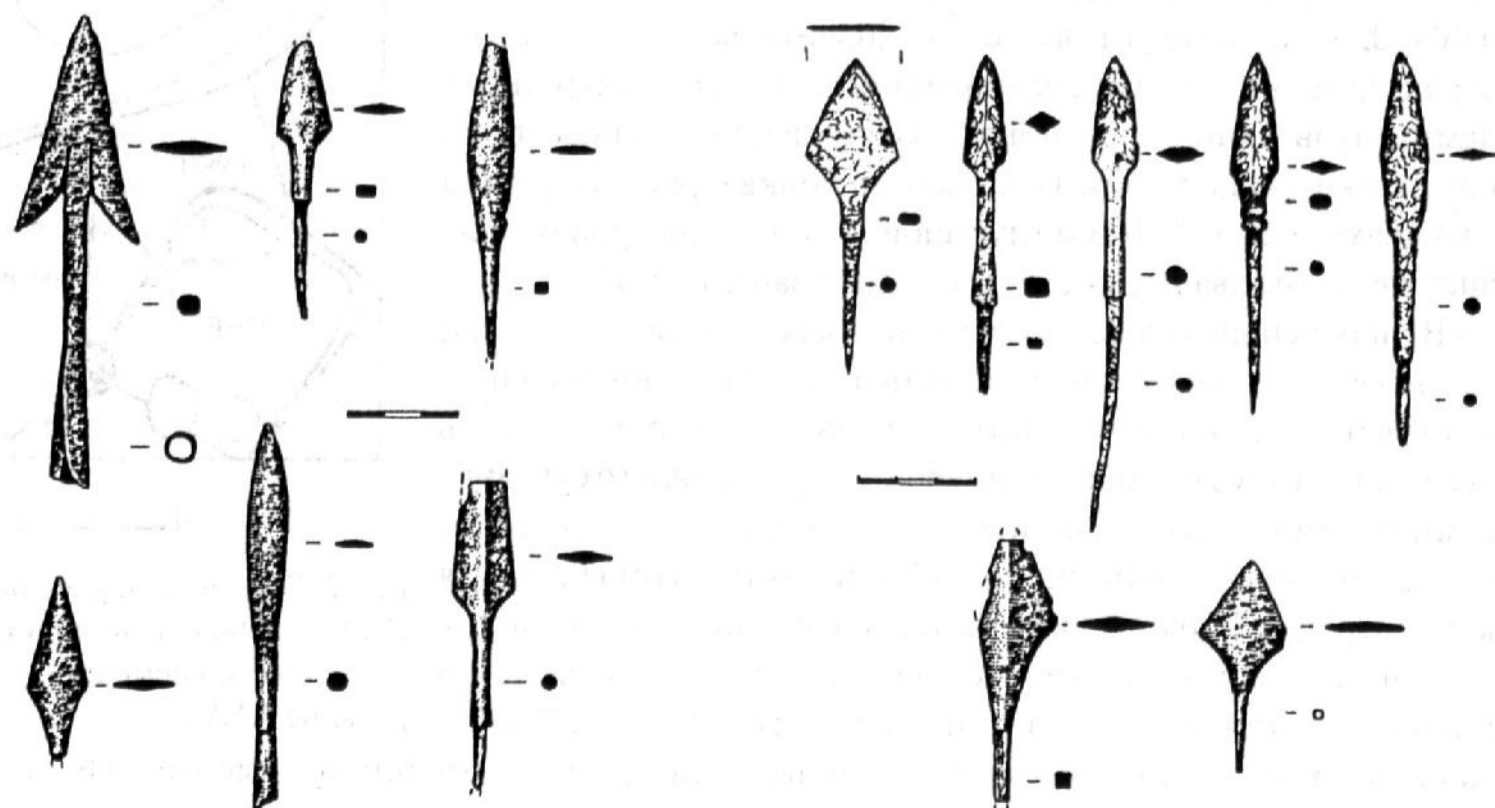


Рис. 3. Постройка XXVIII/4. Наконечники стрел.

Рис. 4. Постройка XXVIII/4. Наконечники стрел.

Большая часть материала содержалась в верхнем заполнении постройки. Здесь же находились разрозненные человеческие кости, в том числе фрагменты мужского черепа. Находки представлены большим количеством предметов вооружения, деталей конской сбруи и бытовыми предметами (всего 65 находок), из коих следует особо отметить следующие. Топор типа VIII по А.Н.Кирпичникову (рис. 2) характерен для памятника⁶. Подобные универсальные узколезвийные топоры широко распространены на финно-угорских и славянских памятниках последней четв. I тыс. н.э., в материалах Супрут этот тип топоров является ведущим⁷. Наконечник копья (рис. 2) относится к ранним вариантам Типа IIIA и датируется IX—X вв.⁸ Наконечники стрел представлены 16 экземплярами. Большая их часть принадлежит к обычным для славянских памятников типам (рис. 3, 4). Согласно работе А.Ф.Медведева это типы 2, 29, 38 вид 1, 42, 44 и 829. Многочисленные аналогии им имеются в материалах

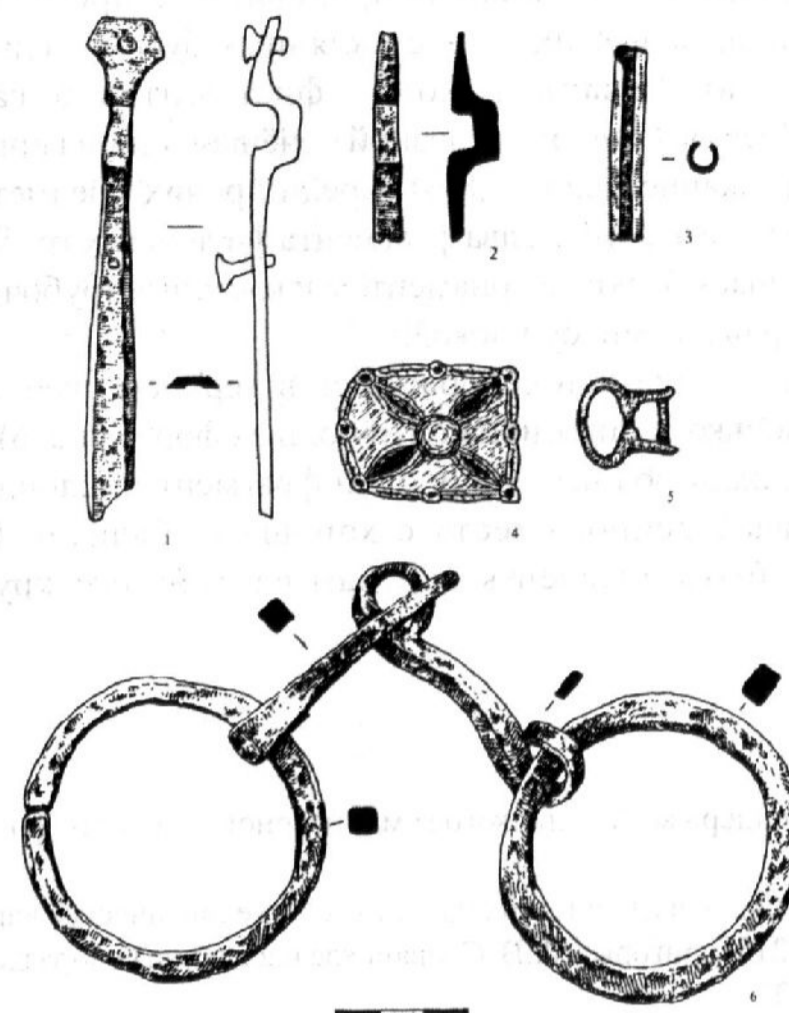


Рис. 5. Постройка XXVIII/4. 1, 2 — колчанные петли; 3 — фитильная трубка; 4 — наконечник ремня; 5 — пряжка; 6 — удила. 1—3, 6 — железо; 3, 4 — бронза.

характерен для IX—X вв. Автор связывал его с финно-угорской традицией¹².

К снаряжению воина могут быть отнесены и детали поясного набора. В комплексе постройки их не много (рис. 5:4, 5). Небольшая бронзовая литая овальнорамчатая пряжка находит множество аналогий в салтовском материале IX в. По типологии С.А.Плетнёвой она относится к типу 313. Наконечник ремня не находит прямых аналогий, необычен и состав металла. Предмет изготовлен из сплава, в основе которого лежит медь, но доля серебра достигает 15,6%. В начищенном виде он должен был выглядеть как серебряный. Характерной деталью орнамента наконечника является выпуклый бордюр, «составленный из чередующихся овальных и круглых звеньев». Аналогичный орнаментальный приём чрезвычайно характерен для бляшек, наконечников и пряжек венгерских типов, в частности, материалов Больше-Тиганского могильника, датируемых временем не позже IX в. (по мнению Е.А.Халиковой—сер. IX в.)¹⁴.

Украшения в заполнении постройки



Рис. 6. Постройка XXVIII/4. Керамика.

практически отсутствовали, за исключением бронзовой спиралевидной пронизки, фрагментированной крупной трапециевидной подвески, двух стеклянных бусин и одной хрустальной. С торговой деятельностью связаны находки фрагментов богато орнаментированной с внешней стороны чашечки от весов, железной бочёнковидной гири с медной обтяжкой и медного бруска (содержание меди 94,8%). Среди прочих предметов следует отметить ладейную заклёпку, шарнирные ножницы, два фрагмента фитильных трубок, ножи, а также костяные предметы — игральные «бабки» с орнаментом и костяные трубочки. Некоторые из последних могли служить горлышками бурдюков.

Подавляющее большинство фрагментов керамики содержалось в верхнем слое. Из фрагментов керамики удалось собрать несколько полных или почти полных форм (рис. 6). В большинстве своём сосуды лепные, роменского облика. Лишь один фрагмент придонной части сосуда изготовлен на круге из качественного теста с хорошим обжигом. По морфологическим признакам он может быть отнесён к сосудам салтовского круга древностей.

¹ Исследования проведены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 08-01-00448а).

² Достаточно полную историографию можно найти в следующих изданиях: Археологическая карта России. Тульская область. Ч. 2. М., 2002. С. 214—217; Григорьев А.В. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I—начале II тыс. н.э. Тула, 2005.

³ Нумерация постройки обозначает — постройка 4/раскоп XXVIII.

⁴ Григорьев А.В. О возможности внутренней периодизации Супрутского городища/Стародавній Іскоростень і слов'янські гради. Т. 1. Коростень, 2008. С. 95—99.

⁵ Григорьев А.В. Жилые постройки начального этапа славянской колонизации бассейна р. Упы // Куликово поле: Исторический ландшафт. Природа. Археология. История. Т. I. Тула, 2003. С. 319—343.

⁶ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 2 // САИ. Вып. Е 1—36. М.-Л., 1966. С. 39, 40.

⁷ Григорьев А.В. 2005. С. 76. Рис. 29.

⁸ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 2 // САИ. Вып. Е 1—36. М.-Л., 1966. С. 13, Табл. VIII—4.

⁹ Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие VIII—XIV вв. // САИ. Вып. Е 1—36. М., 1966. С. 56, 64—67, 81, Табл. 1230, 31, 1326, 302, 35, 38, 83.

¹⁰ Ляпушкин И.И. Городище Новотроицкое. МИА № 74. М.-Л., 1958. Табл. ХСIII—19.

¹¹ Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. САИ вып. Е1—36. Л., 1973. С. 16, 17.

¹² Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. САИ вып. Е1—36. Л., 1973. С. 72, 73. Табл. XXIII.

¹³ Плетнёва С.А. На славяно-хазарском пограничье: Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989. С. 77.

¹⁴ Халикова Е.А. Больше-Тиганский могильник // СА 1976. № 2. С. 171.

ФРАГМЕНТЫ РУССКОЙ МЕТАЛЛОПЛАСТИКИ ИЗ ТАРУССКИХ НАХОДОК

*В. Г. Пуцко, заслуженный работник культуры РФ, н.с.,
Калужский областной художественный музей*

Памятники древнерусского художественного литья не столь многочисленны, как это может представляться на первый взгляд, и их находки заслуживают внимания, даже если они относятся к известным и распространенным разновидностям изделий. Каждый экземпляр в той или иной степени оригинален, поскольку несет отпечаток индивидуальной манеры мастера, обычно обрабатывавшего отлитый предмет резцом. Порой встречаются и раритетные варианты изделий, прежде всего, крестов-энколпионов XIII—XV вв., менее известных, чем более древние, на сегодняшний день образцово каталогизированные.

Таруса — древний город, как известно, с 1245 г. принадлежавший местным удельным князьям, владевшим им до конца XV в. Это город с большим историческим прошлым³.

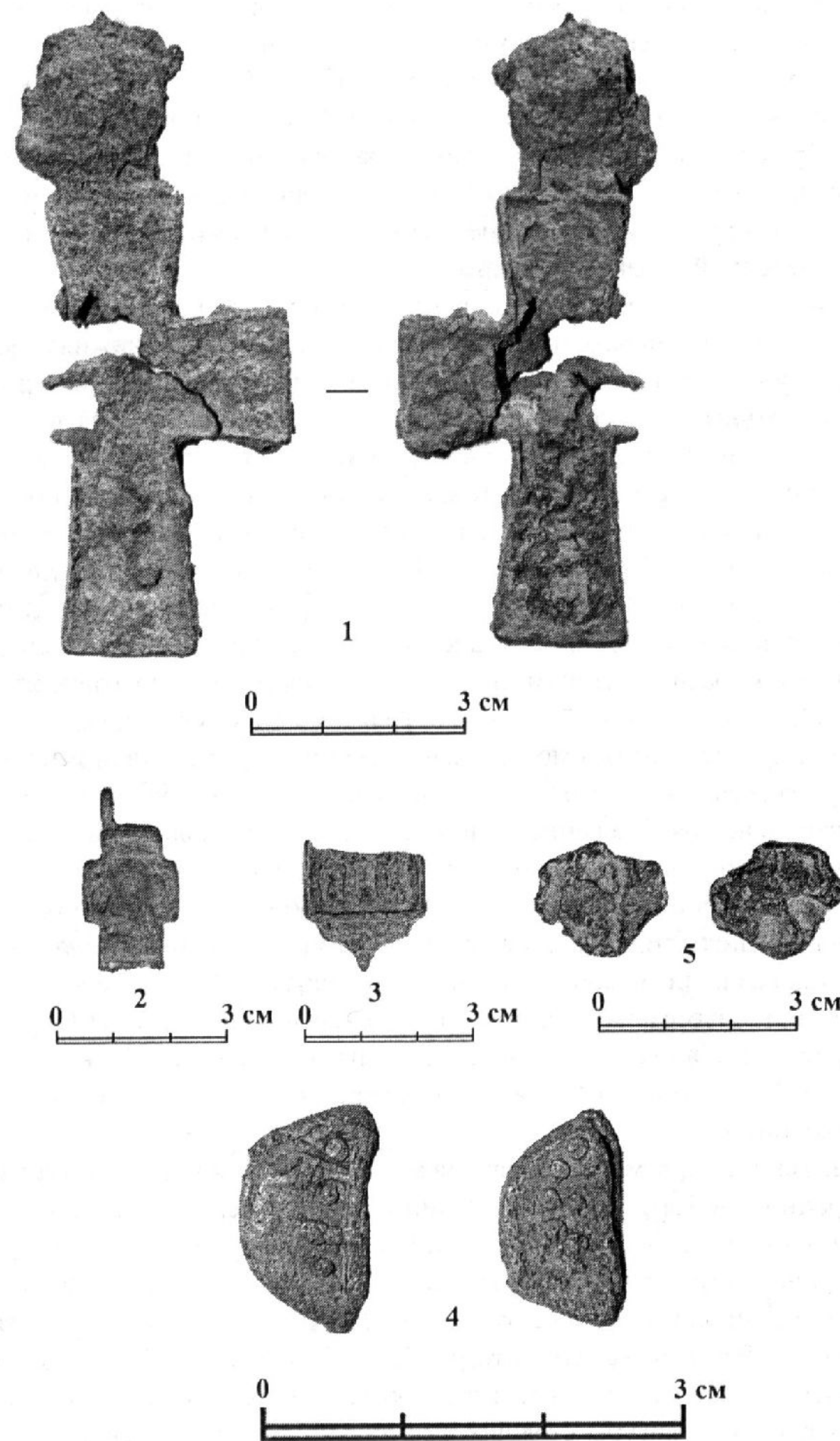


Рис. 1. Крест-энколпион из находок в Тарусе 2007 г. (1) и тарусские находки 2008 г. (2—5).

Исторический культурный слой Тарусы содержит разнообразные изделия средневекового художественного ремесла. Некоторые из них уже введены в научный оборот. В их числе фрагмент верхней створки московского креста-энколпиона XV в. и нижняя оконечность нательного креста XV—XVI вв⁵.

В 2007 г. в отвале строительного котлована в центре Тарусы, на углу ул. Декабристов и пл. Ленина, примерно в 100—120-ти м к северу от Петропавловского собора, А. С. Фроловым обнаружен сильно разрушенный бронзовый крест-энколпион с утраченной левой оконечностью поперечной перекладины, в сущности в виде двух соединяемых больших фрагментов (рис. 1:1). Сильно загрязненные, покрытые окислами, они прочно спаяли части обеих правильно сложенных створок вместе с заметно уплощенным оглавием. Хорошо просматриваемое пространство возле средокрестья внутри изделия не позволяет считать его псевдоэнколпионом, тип которого известен, на рубеже XV—XVI вв. До проведения консервации находки приходится

быть осторожным в ее определении как произведения художественного ремесла, и высказываемые здесь наблюдения являются предварительными.

Крест-энколпион, реконструируемый размер которого 7,5x4,2x0,7 см, четырехконечный, с прямыми несколько расширяющимися концами; плоскость обеих створок украшена рельефными изображениями, лишь частично сохранившимися в сильно окисленном виде, позволяющем судить главным образом об общей иконографической схеме. На верхней створке представлено крупное изображение Распятия с фигурами предстоящих, вписанными в оконечности поперечной перекладины креста-энколпиона.

Нижняя створка в рукавах креста имеет круглые медальоны с погрудными изображениями святых, а в центре между ними находилась крупная фигура в рост: ее нижняя часть отчетливо просматривается, обращая на себя внимание свисающим справа краем верхней одежды, тогда как хитон доходит до ступней ног. Сам тип креста-энколпиона и его пропорции представляются несколько архаизированными, но это обстоятельство не может вводить в заблуждение относительно времени изготовления. Как известно, второй половиной XV—XVI в. принято датировать известный в различных вариантах наперсный крест с сильно обвисшей фигурой распятого Христа, с фигурой архангела Михаила и погрудными образами святителей, не заключенными в медальоны, на оборотной стороне⁶. Возможно, что описываемое изделие в какой-то мере синхронное упомянутому, о чем свидетельствует прежде всего характер и расположение изогнутых в коленях ног Христа, равно как и положение левой руки, изображение которой буквально касается фигуры предстоящего Иоанна Богослова либо иного апостола: этот мотив именно в указанное время проникает в московскую металлопластику⁷, встречается также в деревянной и каменной резьбе⁸. Более дискуссионным оказывается центральное изображение на нижней створке, поскольку нижняя часть фигуры не соответствует иконографии архангела Михаила, равно как и Иоанна Предтечи, прослеживаемой по образцам литья XV—XVI вв. Подобная деталь отличает изображения в рост Богоматери Одигитрии, прослеживаемые на крестах-энколпионах более раннего времени, точно также среди медальонов с бюстами святых⁹. Весьма вероятно, что это еще один пример имитационных вариантов, ориентированных на ранние схемы. Образцы подобной ремесленной продукции, в частности, происходят из Воротынского¹¹. Показательно, что она датируется концом XV—началом XVI в., когда, скорее всего, и был выполнен найденный в Тарусе крест-энколпион.

Другие, более мелкие фрагменты образцов металлопластики происходят из подъемного материала, собранного в Тарусе в 2008 г. Один из них — верхняя часть верхней створки четырехконечного с перекрестиями на концах, и прямоугольником в средокрестии, новгородского происхождения XIV в.¹²: размером 3,2 x 1,7 x 0,3 см, с рельефной полуфигурой архангела Михаила, с мерилем и зеркалом (рис. 1:2). Подобный фрагмент представлен находкой на городище Корнике¹³. Второй фрагмент, размером 2,2 x 2,1 x 0,1 см (рис. 1:3) представляет обломок нижней части бронзового четырехконечного наперсного креста, получившего распространение в XVI в.¹⁴; частично сохранились фигуры стоящих фронтально в рост трех святителей, полностью сохранившихся на аналогичном обломке из Воротынского¹⁵. Из сопутствующих отмеченным тарусских находок можно отметить товарную пломбу (рис. 1:4) и обломок плакетки с рельефным изображением животного, возможно, льва (рис. 1:5), размером 1,4x2,0 см. Наиболее вероятно, функциональное назначение изделия — служить матрицей для тиснения на басме.

Несколько позже, в том же 2008 г., в Тарусе на углу пл.Ленина и ул. Декабристов, во дворе музыкальной школы, в котловане под строительство жилого дома были собраны дополнительно более полутора десятка фрагментов литых крестов. Некоторые из них без особого труда соединяются в части изделий, другие остаются обломками; впрочем, типологически известный характер этих находок позволяет говорить о преобладании распространенной ремесленной продукции московского круга, характерной для XV—XVI вв.

Наиболее интересен фрагмент нижней створки креста-энколпиона квадрифолийного типа, размером 3,1 x 3,3 x 0,5 см (рис. 2:1), с изображением в средокрестии погрудно Николая Чудотворца, с расположенными по вертикали рельефными славянскими буквами сопроводительной надписи; в медальонах на оконечностях были поясные изображения святых, несколько вытянутых пропорций. Насколько можно судить по описываемому обломку, экземпляр отличался качественным литьем, не свойственным переливкам. Этот тип креста-энколпиона

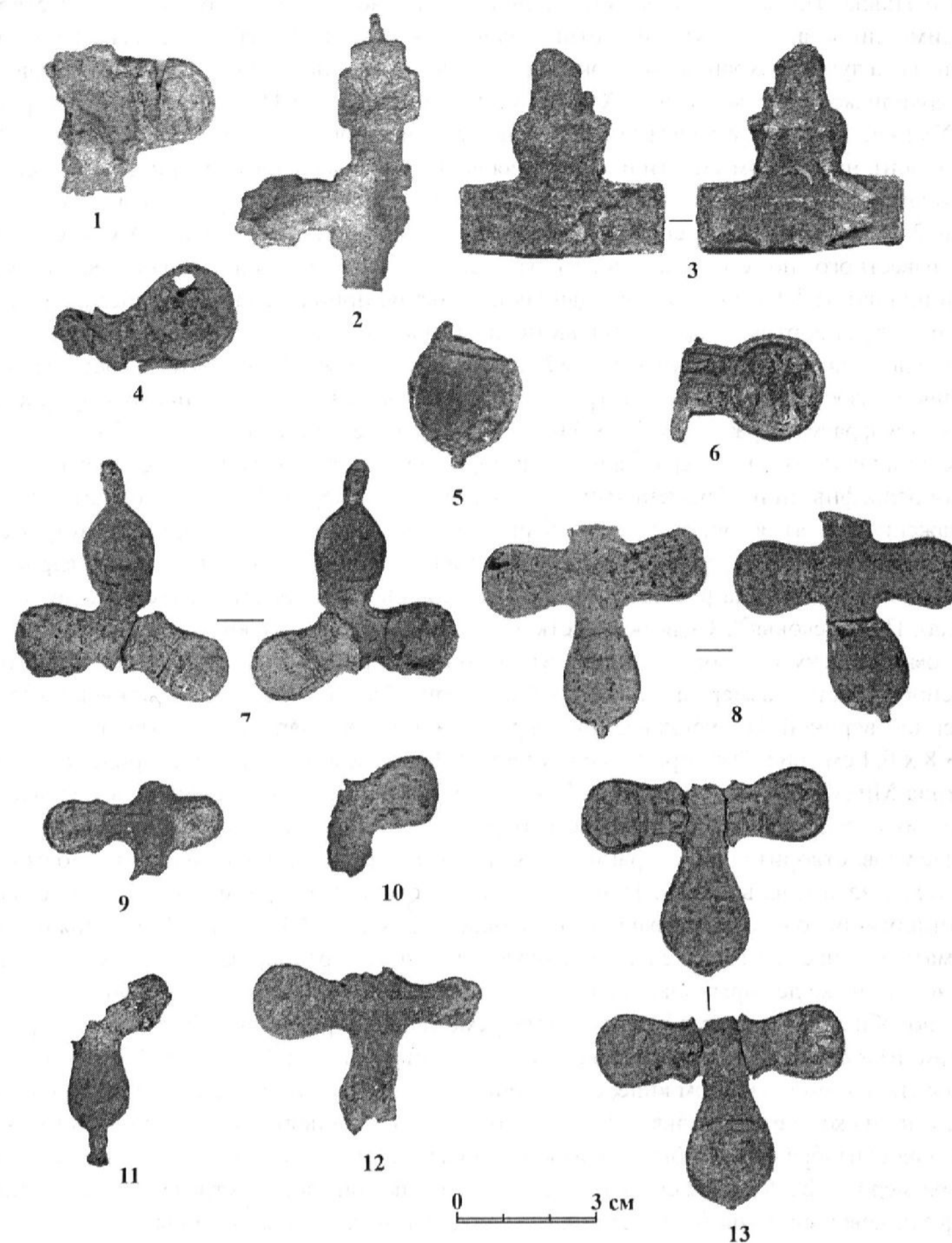


Рис. 2. Фрагменты крестов-энколпионов (1—6) и наперсных крестов (7—13) из тарусских находок 2008 г.

появился в XIV в. и получил распространение в течение следующего столетия, причем в основном в произведениях высокого художественного уровня. Ареал распространения — преимущественно Центральная Русь, хотя отдельные экземпляры встречены на Украине и в Беларуси. На лицевой створке в средокрестии помещали Распятие¹⁶.

Сильно оплавленная фрагментарно сохранившаяся верхняя створка, размером в 6,0 x 3,7 x 0,4 см, с изображением Распятия в средокрестии (рис.2:2), соответствует типологии изделия с крестовидными медальонами на окончаниях ветвей, с рельефными изображениями. На оборотной стороне в центре обычно ростовое изображение архангела Михаила¹⁷. Время бытования подобных изделий — XIV—XV вв.

Обнаружена также верхняя часть четырехконечного с прямыми углами креста-энколпиона с рельефными изображениями, размером 4,8 x 4,3 x 0,4 см (рис. 2:3). На лицевой стороне представлено Распятие с погрудными изображениями предстоящих и фигурами апостолов

Петра и Павла. На сильно коррозированной, частично сохранившейся нижней створке различимы лишь архитектурный мотив и фигура в арке. Иконографическая схема более различима на лучше сохранившихся экземплярах: в центре Спас на престоле, ниже — фигуры в рост архиерея Стефана и свят. Афанасия Александрийского. Изделие принято датировать XV—XVI вв., иногда его рассматривают как имеющее новгородское происхождение¹⁸.

Фрагмент, на котором уместились верхняя часть фигуры распятого Христа и медальон с погрудными изображениями Иоанна Богослова и Лонгина Сотника, размером 1,9 x 3,8 x 0,3 см (рис. 2:4), принадлежал верхней створке креста-энколпиона рубежа XV—XVI вв., более известного по его многочисленным воспроизведениям в наперсных крестах XVI — первой половины XVII вв.¹⁹ Однако данная находка не принадлежит к их числу, как о том свидетельствует бортик медальона, свойственный энколпионам. Не исключено, что от именно этого изделия нижний медальон, размером 2,7 x 2,4 x 0,3 см, с двумя фронтально представленными погрудными изображениями святых (рис. 2:5). Почти аналогичным уже описанному (рис. 2:4) оказывается фрагмент размером 2,5 x 3,0 x 0,5 см более четкого рельефа (рис. 2:6).

Следующая находка — верхняя часть деформированного в пожаре наперсного креста с литыми рельефными изображениями с обеих сторон, размером 4,7 x 4,8 x 0,3 см (рис. 2:7). Изображение Распятого сопровождается парными погрудными предстоящими и двух ангелов вверху; на оборотной стороне в центре представлен Илья Пророк. Это один из вариантов изделий, получающих на рубеже XV—XVI вв. широкое распространение прежде всего в пределах Подмосковья²⁰. Судя по нечеткому рельефу, скорее можно говорить о литье по глиняному оттиску готового изделия. Аналогичный пример дает находка подобного же наперсного креста, размером 4,5 x 4,8 x 0,2 см (рис. 2:8), с отломанной нижней частью и утраченной верхней. Полусплавленный фрагмент третьего наперстного креста, размером 2,0 x 3,8 x 0,4 см (рис. 2:9), принадлежит типу с Распятием на лицевой стороне и фигурой архангела Михаила — на оборотной. Эти изображения, как и находящиеся в медальоне с обеих сторон, опознаваемы, хотя и нечеткого рельефа. О первоначальном виде можно судить по более удовлетворительно сохранившемуся экземпляру²¹. Не исключено, что это изделие не выходит за пределы XV в. Почти идентичен и крест, сохранившийся в виде очень деформированного в пожаре фрагмента, размером 2,0 x 2,7 x 0,3 см (рис. 2:10). Можно было бы думать, что частью того же изделия является фрагмент размером 3,5 x 2,2 x 0,2 см (рис. 2:11), но, столь же деформированный, он не складывается с предыдущим: речь может идти лишь о подобных экземплярах весьма схожей ремесленной продукции. От пожара пострадало еще одно изделие этой типологической серии: крест размером 3,4 x 4,7 x 0,2 см (рис. 2:12) дошел в сильно оплавленном виде, с утраченной верхней частью и как бы обрезанными по контуру двумя концами, и только на одном сохранился медальон с сильно заплывшим (как и центральное) изображением; были ли изображения на оборотной стороне, неясно. Последний крест, размером 4,2 x 5,2 x 0,2 см (рис. 2:13), разломан на три части, с утраченной верхней. Его рельеф с лицевой стороны более четкий, а с оборотной — как бы сглаженный.

Этот краткий обзор новых тарусских находок в будущем может дополнить более широкое освещение материалов, характеризующих культурное наследие Тарусы. Образцов металлопластики сравнительно немного, не отличаются они и разнообразием. Однако до недавнего времени ведь не было известно почти ничего! Этот материал уже говорит кое о чем.

Примечания

¹Корзухина Г. Ф., Пескова А. А. Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI—XIII вв., СПб., 2003.

²Малинин Д. Калуга. Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии. Калуга, 1912. С. 215—216.

³Фролов А. С. Таруса — история тысячелетий. М., 2001.

⁴Фролов А. С., Прошкин О. Л. Новые археологические находки с городища I в г. Тарусе // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Материалы ХП Всероссийской науч. конф. 3—5 апреля 2007 г. Калуга, 2008. С. 55—59.

⁵Там же. С. 57. Рис. 1:10, 11.

⁶Станюкович А. К., Осипов И. Н., Соловьев И. М. Тысячелетие креста. М., 2003. С. 74—77.

⁷Там же. С. 80—81.

⁸Плешанова И. И. Работы кирилловских резчиков в собрании Государственного Русского музея //

Древнерусские искусство. Художественные памятники русского Севера. М., 1989. С. 233, 234; Пуцко В. Г. Белокаменные резные кресты XV—XVI вв. в Поволжье // Сообщения Ростовского музея. Вып. XI. Ростов, 2000. С. 66—71. Рис. 1, 5, 6, 12.

⁹Корзухина Г. Ф., Пескова А. А. Древнерусские энколпионы. Табл. 50—53.

¹⁰Пуцко В. Г. Имитационные варианты крестов-энколпионов в русской металлопластике XIII—XV вв. // Тверской археологический сборник. Вып. 6. Т. П. Тверь, 2007. С. 233—241.

¹¹Пуцко В. Г. Раритетная меднолитая иконка великомученика Никиты // Верхнее Подонье: Природа, Археология. История. Т. 2. Тула, 2004. С. 78—84.

¹²Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. Художественный металл XI—XV века. М., 1996. С. 402—403.

¹³Гриценко Т. А., Пуцко В. Г. Русская металлопластика с Куликова поля // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия. Тула, 2000. С. 211. Илл. на с. 219. №13.

¹⁴Станюкович А. К., Осипов И. Н., Соловьев Н. М. Тысячелетие креста. С. 80—81.

¹⁵Никольская Т. Н. Воротынский // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 123. Рис. 4:1.

¹⁶Станюкович А. К., Осипов И. Н., Соловьев Н. М. Тысячелетие креста. С. 58—63.

¹⁷Там же. С. 52—55; Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. С. 402—403.

¹⁸Николаева Т. В. Произведения мелкой пластики XIII—XVII веков в собрании Загорского музея. Каталог. Загорск, 1960. С. 119. № 18; Станюкович В. К., Осипов И. Н., Соловьев Н. М. Тысячелетие креста. С. 68—69.

¹⁹Там же. С. 86—87.

²⁰Шемаханская М. С. Результаты химико-технологического анализа комплекса меднолитых энколпионов и крестов с могильника в урочище «Погост» на Афанасьевом поле в Радонеже // РА. 2000. № 1. С. 69. Рис. 5; Алексеев А. В. Голицинский клад произведений русского средневекового художественного литья (предварительное сообщение) // Ставрографический сборник. Кн. 3. М., 2005. С. 231—237; Шполянская Д. В. Комплекс предметов личного благочестия с селища XIV—XVI веков Рождество I (предварительное сообщение) // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 4. М., 2008. С. 268—272.

²¹Там же. С. 267. Рис. 2:1.

ДВУСТОРОННИЙ ШТАМП ДЛЯ ТИСНЕНИЯ НА КОЖЕ ИЗ СРЕДНЕВЕКОВОГО ЛЮБУТСКА

*В.Г. Пуцко, заслуженный работник культуры РФ, н.с.,
Калужский областной художественный музей*

Интерес к историческому прошлому летописного Любутска исследователей конца XIX в. засвидетельствован публикацией обширной статьи, учитывающей доступные тогда источники¹. Позже город привлек к себе внимание в связи с событиями 1430-х гг., вызвавшими изменение русско-литовской границы². В последние годы Любутск, на протяжении XIV—XVI вв. игравший роль форпоста в борьбе за территорию между Московским и Литовским княжествами, стал объектом систематических археологических исследований, позволивших обнаружить немало разнообразных материалов³. Их дополняют случайные находки, к числу которых принадлежит также предмет, о котором пойдет речь.

Меднолитая плакетка размером 2,1 x 2,4 см и толщиной 0,7 см с обеих сторон имеет сюжетные композиции, немногочисленные фигуры которых заметно схематизированы. Схема их расположения, позы, жесты (рис. 1) не оставляют ни малейшего сомнения в том, что воспроизведены евангельские Воскрешение Лазаря и Вход Христа в Иерусалим как упрощенные реплики их развитой иконографической формулы⁴. Первая из упомянутых композиций представлена «в негативе», в зеркальном отражении, обычном для штампов, предполагающих правильное изображение на оттиске. Врезанное выгравированное воспроизведение, таким образом, вполне отвечает функциональному назначению изделия. Между тем второй сюжет перенесен на металлическую плоскость в соответствии с иконографическим образцом, без учета характера оттиска. Ошибка ли это ремесленника или следование иному, более редкому варианту? Думается, что скорее последнее: Вход в

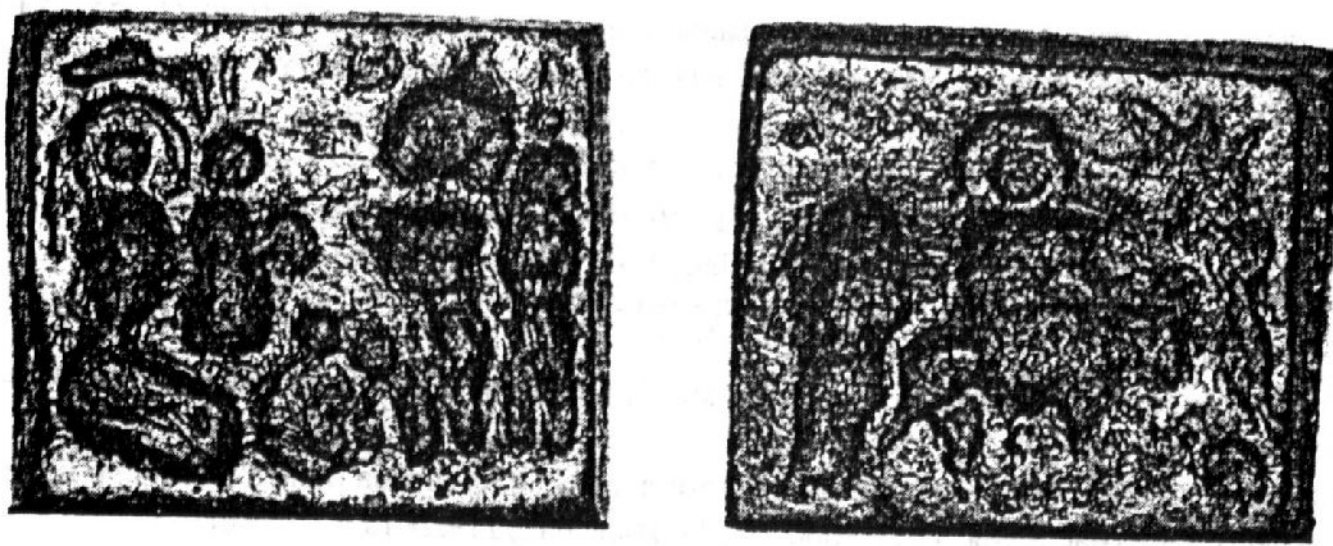


Рис. 1. Штемпель с изображениями Воскрешения Лазаря и Входа в Иерусалим, из Любутска. Конец XIV в. Бронза, литье. Москва, частное собрание.

Иерусалим с направленным влево движением известен, но встречается крайне редко, скажем, на мозаике последней трети XI в. церкви Успения Богородицы в Дафни или на тетраптихе XIV в. в монастыре св. Екатерины на Синае (рис. 2). Палеологовский период в истории византийского искусства, следовательно, и здесь позволяет говорить об устойчивости некоторых ранних вариаций и об их проникновении на русскую почву. Описываемая миниатюрная плакетка из Любутска не имеет четко обозначенных сопроводительных надписей, и, таким образом, при ее датировании не приходится рассчитывать на помощь эпиграфических данных. Остается внимательнее присмотреться к иным признакам, характеризующим ремесленную продукцию определенной эпохи.

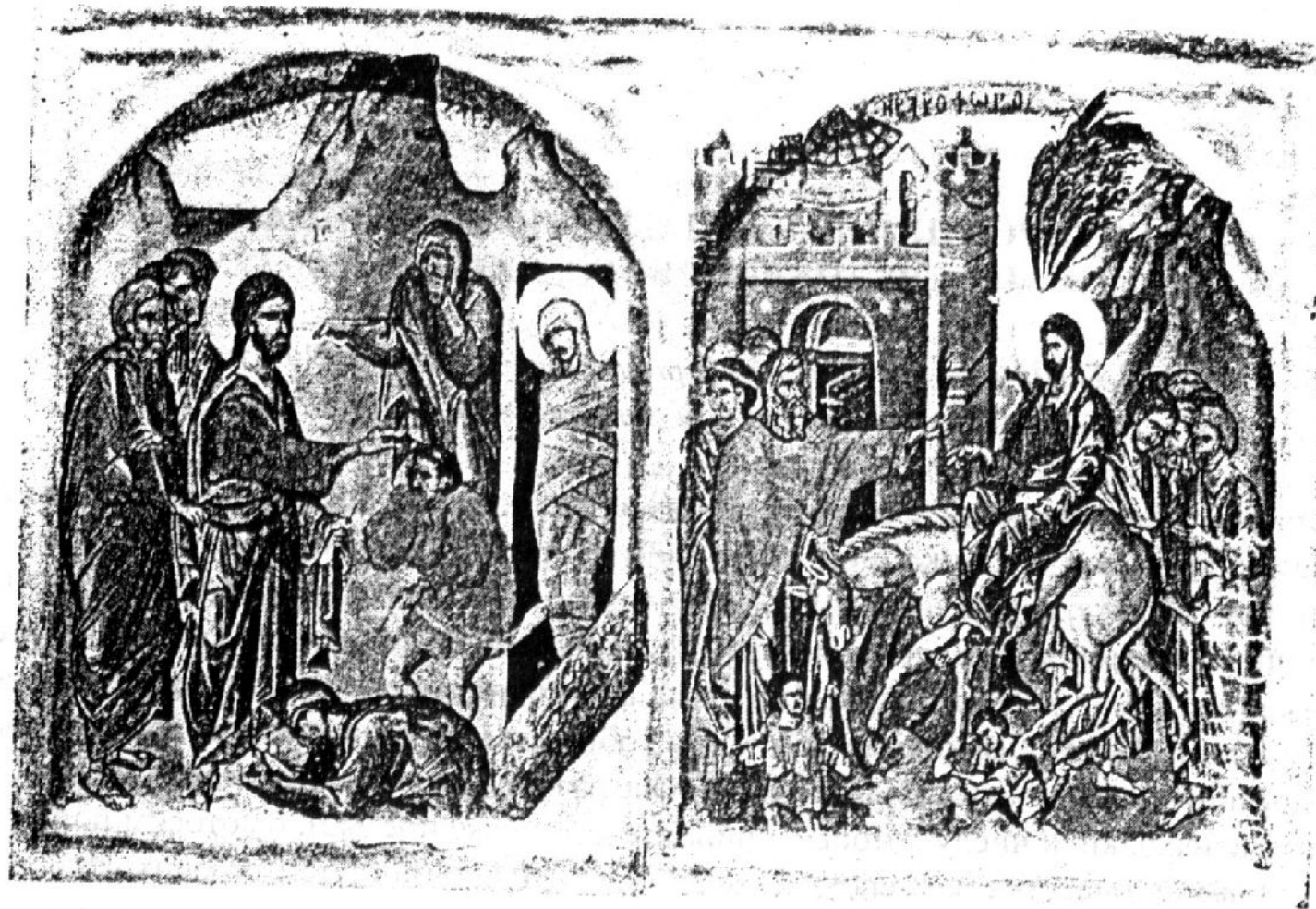


Рис. 2. Воскрешение Лазаря и Вход в Иерусалим на византийской иконе-тетраптихе. Вторая половина XIV в. Синай, монастырь св. Екатерины.

Схематизированные, огрубленные изображения действительно трудно соотносить с полноценными проявлениями художественного стиля: скорее более уместно говорить о фольклоризации, свойственной художественному ремеслу. Его в сущности постоянными признаками оказываются предельная упрощенность композиции и ее плотная компановка, при которой фигуры кажутся масштабными, если не подчеркнута тяжеловесными: для них



Рис. 3. Бронзовые литые штемпели: 1 — из Любутска; 2 — из Клещина; 3 — из Бронниц; 4 — из с. Заворово близ Тарусы; 5 — из Рязани.

явно мало пространства. Говоря иными словами, это результаты примитивного творчества, явно не предназначенного для обладателей тонкого эстетического вкуса. По-видимому, довольствовались тем, что оттиски штампа воспроизводили хорошо узнаваемые евангельские композиции, пусть и в весьма обобщенной форме. При столь малых размерах все оказывалось вполне приемлемым.

Любутская находка (рис. 3:1) не является единичной, и уже на сегодняшний день она может быть сопоставлена с четырьмя иными, обнаруженными на русских землях; из их числа две оказались двусторонними, а иные две — односторонними. К двусторонним относятся меднолитые штемпели с одинаковыми сюжетами, Сретением и Крещением (Богоявлением) воспроизведенными, однако с заметными иконографическими отличиями. Один из них (рис. 3:2), размером 2,2 x 2,9 x 0,6 см, найден в Клещине Ярославской области. Фигуры стройные, с маленькими головами, нимбы вокруг которых очерчены широкой линией; ангел с небольшими крыльями. Резчик обладал довольно оригинальной манерой резьбы, на удивление оставлявшей сравнительно много свободного пространства возле фигур. В художественном строе выполненных им композиций есть даже своего рода эlegantность. Иное впечатление производит штемпель, обнаруженный в мае 2006 г. неподалеку от Бронниц Московской области⁵ (рис. 3:3) размером 2,6 x 3,2 x 0,5 см с заключенными в обрамления композициями с как бы распластанными фигурами, маленькие головы которых имеют почти яйцевидную форму, а очерченные вокруг них узкие нимбы даже не сразу можно заметить. Поразительно, что в композиции Сретения у Младенца Христа, принятого Симеоном, он вообще отсутствует, тогда как в предыдущем случае он, напротив, явно выделяется крестчатым обозначением. Перед нами явно образцы продукции различных ремесленных мастерских и, соответственно, разных индивидуальных манер.

Два штемпеля являются односторонними, отличающимися также по своим пропорциям и по характеру украшающих их композиций, имеющих ярко выраженный «центрический» характер, не позволяющий безоговорочно поставить эти изделия в один ряд с предыдущими. Но в то же время невозможно их решительно отделить лишь по отмеченным вполне формальным причинам. На одном из этих штемпелей (рис. 3:4) размером 2,5 x 2,5 x 0,2 см, выполненном из белой бронзы, представлено Крещение с расположенной сверху крупной сопроводительной надписью с эпиграфическими признаками конца XIV в.: *кщение*, — разумеется, «в негативе». Еще обращает на себя внимание помещение фигур Христа и Иоанна Предтечи в арочное обрамление, возможно, условно обозначающее Иордан, вокруг



Рис. 4. Бронзовые литые штемпели: 1 — из Бронниц; 2 — из Клещина; 3 — из с. Заворово близ Тарусы; 4 — из Любутска; 5 — из Грудка над Бугом; 6 — из Полоцка; 7 — из Рязани.

которого пять как бы сидящих фигур, которые вряд ли можно трактовать как ангельские, именно по причине их положения, а также из-за отсутствия крыльев. Эта группа сидящих имеет свою иконографическую параллель в изображении апостолов, представленных в Сошествии Святого Духа, где в центре композиции тоже есть арка со стоящим в ней Космосом или же «народами»⁶. Трудно объяснить, почему именно на данном штемпеле, найденном в с. Заворово Тарусского района Калужской области в недавнее время, механически совмещены элементы двух различных сюжетных композиций. Истолковывать это соединением общим для них сходжением Святого Духа, засвидетельствованным текстами Евангелия и Деяний святых апостолов, конечно, правомерно. Но, во-первых, здесь нет изображения нисходящего Святого Духа, а, во-вторых, это является необычным для утвердившейся иконографической схемы, первоначально сочетавшей Вознесение и Пятидесятницу. Штемпель, найденный в Рязани на территории кремля (рис. 3:5), размером 1,5 x 1,3 x 1,7 см, по своей форме приближается к усеченной пирамиде и заметно напоминает монетный чекан. На широкой плоскости изделия изображено Воскресение — Сошествие во ад, с фронтально представленной фигурой Христа, держащего в одной руке большой восьмиконечный крест с едва намеченной нижней перекладиной, а другой изводящий Адама. Симметрично последнему изображен еще один праведник (Моисей?), а выше над Адамом —



Рис. 5. Кожаный параман из погребения в церкви Спаса-на-Бору в Московском Кремле. Конец XIV в.

погрудное изображение, крайне схематичное. Несмотря на ярко выраженную архаизацию композиции, она может оказаться современной предыдущей.

К уже упомянутым пяти штемпелям можно присоединить еще два, обнаруженные за пределами России. Один из них, хранящийся ныне в Историческом музее в Саноке, (инв. № МН(А)3057), размером 2,2 x 2,55 x 0,4 см, найден в Грудке над Бугом⁷ (рис. 4:5). Он односторонний и имеет композицию Воскрешения Лазаря, по своей схеме и даже по техническим приемам выполнения очень напоминающую отмеченную на происходящем из Любутска (рис. 4:4). Это сходство не исключает возможность обоих изделий в одной

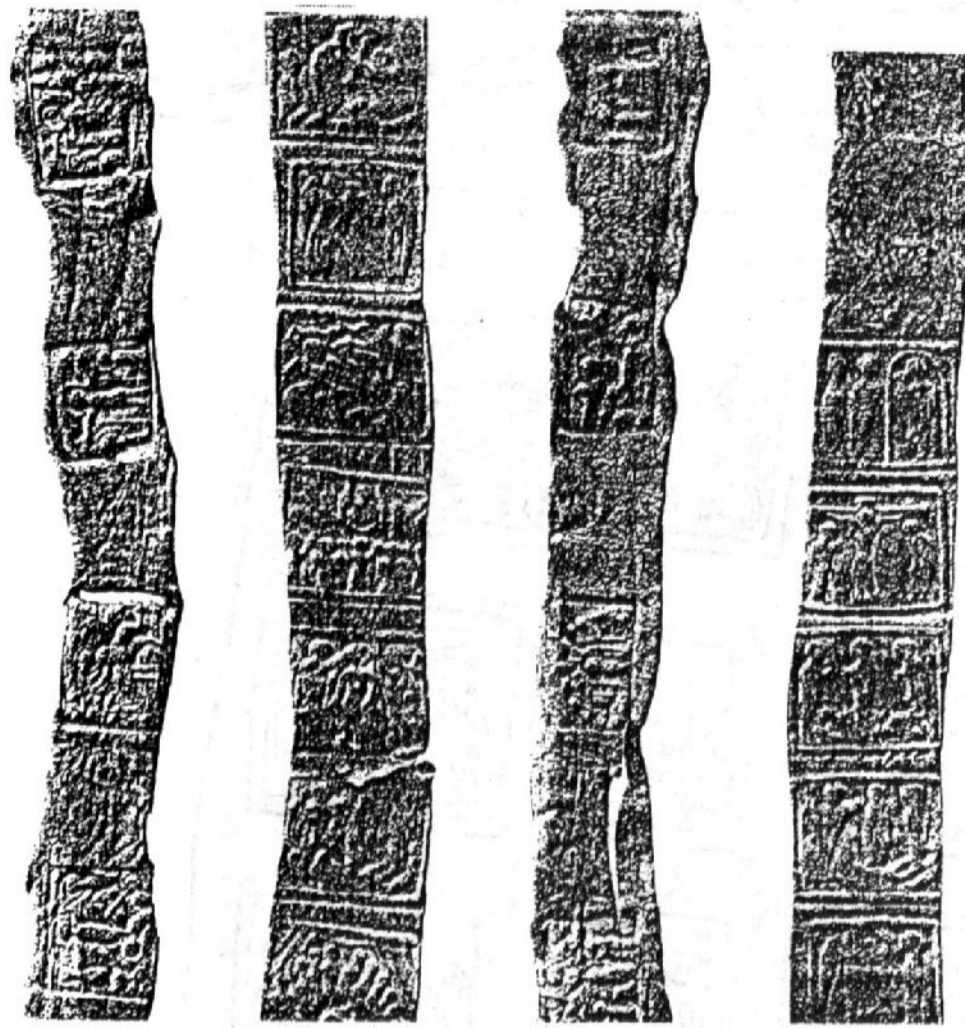


Рис. 6. Кожаные ремни из монашеских погребений в Смоленске.

совсем понятна в деталях.

Не приходится сомневаться в том, что фиксируемый ныне набор штемпелей (рис. 4:1—7), при всей их вариативности, представляет лишь незначительную часть бывших в обиходе у средневековых русских ремесленников, обязанных единой культурно-исторической традиции. Со временем он может быть пополнен как за счет находок, так и в процессе внимательного просмотра музейных фондов, особенно столичных коллекций. Трудно представить, что в них не окажется подобных изделий, несмотря на то, что ряд сделанных запросов не дал положительных результатов: вещи могут быть иначе определенными в учетной документации. На сплошной же просмотр экспонатов нужно немало времени, и, прежде всего, доступ к коллекциям.

Определить назначение рассматриваемых меднолитых штемпелей практически не трудно, поскольку довольно хорошо известны их оттиски на кожаных изделиях, служивших принадлежностью монашеской схимы. Особо примечателен кожаный нарамник (параман), обнаруженный в 1838 г. в белокаменном саркофаге с женским погребением под каменным

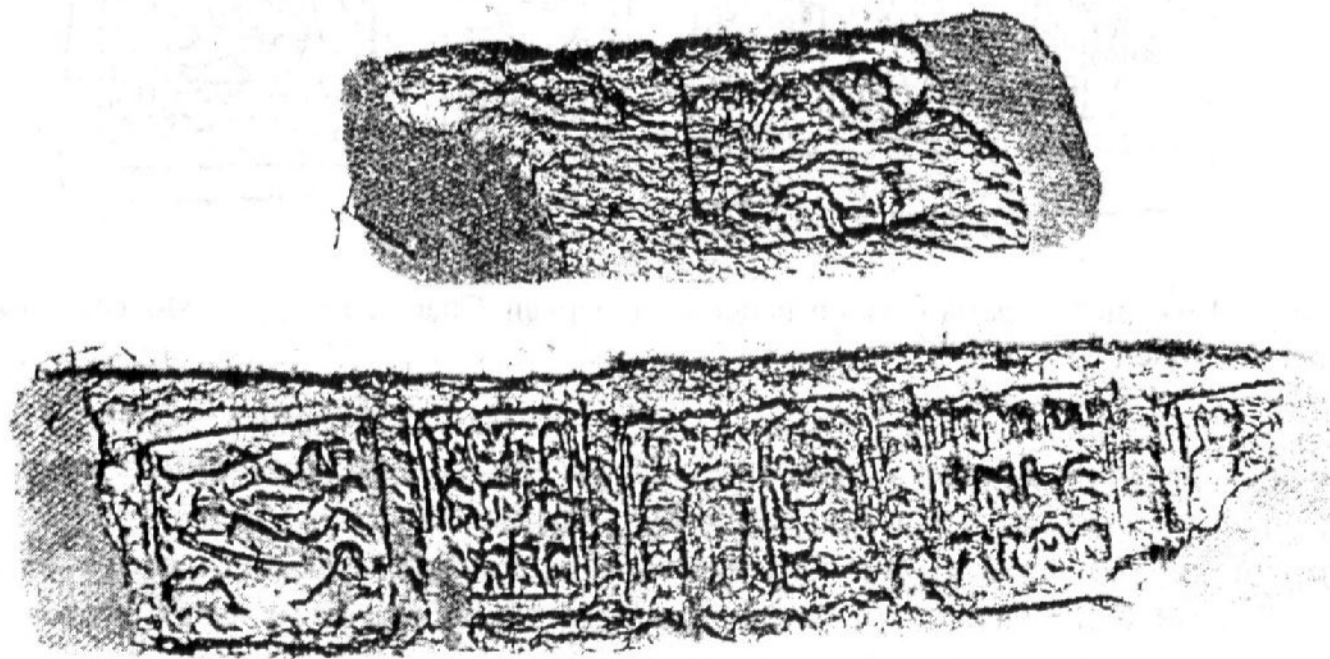


Рис. 7. Фрагменты кожаных ремней из погребений в Ближних пещерах Киево-Печерской лавры.

ремесленной мастерской, локализовать которую пока невозможно, поскольку нет для этого надежных аргументов. То, что одно из них оказалось в Любутске, а другое в пределах Польши, обязано миграции ремесленников, и, по-видимому, речь скорее всего должна идти о XIV в., а не более раннего времени (XII—XIII вв.), к которому принято относить последнюю находку⁸. Последний из учтенных, седьмой штемпель, с изображением Крещения (рис. 4:6) обнаружен в 1987—88 гг. во время спасательных работ в Полоцке, на усадьбе ювелиров⁹. Характерной особенностью изделия является наличие с оборотной стороны следов крепления на деревянной основе. Композиция асимметрична и не



Рис. 8. Фрагменты кожаных ремней из погребений в Ближних пещерах Киево-Печерской лавры.

полом церкви Спаса-на-Бору в Московском Кремле¹⁰. Его плоскость заполнена оттиснутыми в шесть рядов композициями праздничного цикла, каждой из которых соответствует расположенное слева от нее клеймо с трехстрочной сопроводительной надписью, с эпиграфическими признаками второй половины XIV в. (рис. 5). Хронологическая последовательность сюжетов, от Благовещения до Успения, прослеживается по вертикали, двумя колонками. Попутно можно заметить, что в ряде случаев можно отметить идентичность иконографии в этих оттисках и в найденных штемпелях, и здесь наиболее показателен пример Сретения на бронницкой находке (рис. 3:3). Погребение с кожаным параманом скорее всего скончавшейся в 1399 г. великой княгини Марии — дочери тверского князя Александра Михайловича и третьей жены великого князя Симеона Гордого, «в черницах» Фетинии, из мастерской которой в 1389 г. вышла великолепная шитая пелена с изображением Спаса Нерукотворного с предстоящими¹¹.

Значительно больше известны украшенные подобными же оттисками сюжетных композиций кожаные пояса, также являвшиеся принадлежностью схимы. Два их образца найдены в Смоленске возле сооруженной около 1596 г. крепостной стены, на месте старого монастырского кладбища¹² (рис. 6). Изображения на них настолько близки упомянутому, что на первый взгляд воспринимаются как выполненные с применением тех же самых штемпелей, и лишь в ряде случаев (например, в Вознесении) при более внимательном изучении заметны отличия в деталях. Подобные же пояса происходят из погребений в соборе московского Вознесенского монастыря в Кремле и в жилом слое в Твери¹³. Обнаруженные в захоронении 1226 г. в Юрьевом монастыре близ Новгорода тоже украшены изображениями праздников, архангелов и херувимов в круглых медальонах, впрочем типологически отличающимися от приведенных выше¹⁴. Особый интерес и особую сложность в изучении представляют находки в Ближних пещерах Киево-Печерской лавры, наиболее ранние из которых датируют XII—XIII вв.¹⁵ Не дискутируя здесь это определение, можно пока ограничиться указанием на типологическое сходство с материалами из московских и смоленской находок (рис. 7, 8). Те же самые иконографические схемы и такие же сопроводительные текстовые клейма, по крайней мере, указывают на одну эпоху и свидетельствуют об общей традиции, явно обязанной одному и тому же источнику. При этом вряд ли можно говорить о продукции одной мастерской. Известны еще находки и из раскопок средневекового монастырского кладбища у Зверинецких пещер в Киеве¹⁶, а также из иных мест¹⁷. На этом широком историческом фоне становится более понятным и художественный контекст найденных штемпелей, которые с определенной долей условности можно отнести к московскому кругу второй половины XIV в.

В данном случае непосредственной задачей является атрибуция находки из средневекового Любутска, и для ее решения, казалось бы, можно ограничиться определением типологии, стилистических признаков и времени изготовления. Однако установление

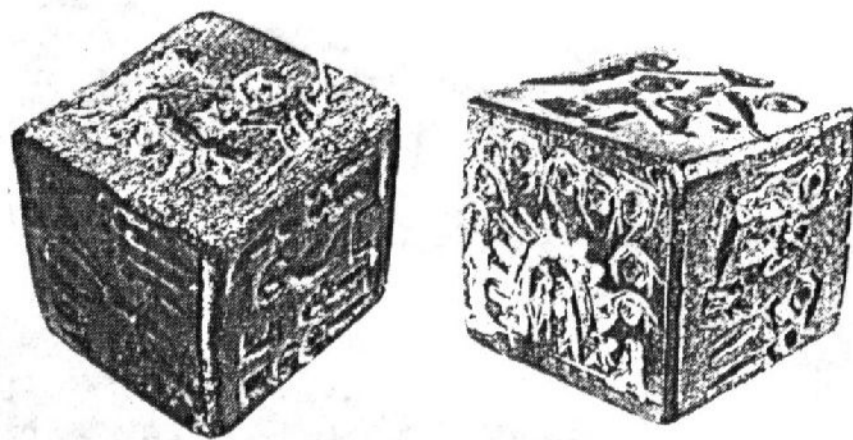


Рис. 9. Костяной кубик-штемпель с изображением праздников, найденный в Минске в 1986 г.

критериев неизбежно заставляет касаться более общих вопросов, учитывать широкий круг находок, в том числе и еще не получивших исчерпывающего научного освещения. При таком условии любой предлагаемый вывод носит характер предварительного, и главное здесь — избежать явных противоречий, обычно возникающих при обращении к раритетным вещам. Летописная история Любутска берет свое начало с 1372 г., а по миру 1406 г. город перешел к Москве и стал уделом Владимира Андреевича Храброго, но с 1473 г. снова во владении Литвы. Указанными датами, думается, принципиально ограничивается хронологический период бытования здесь металлического штампея, резко отличающегося от имевшего аналогичное назначение костлявого кубика, украшенного праздничными композициями, обнаруженного при археологических раскопках в Минске в 1986 г.¹⁸ (рис. 9). В последнем случае схематизм изображений достигает крайнего предела, переходя в карикатурность, явно неуместную в сакральном искусстве. Схематичность изображений на металлических штампеях более умеренная.

Обсуждаемый материал представляет ту часть средневекового художественного ремесла, которая чаще привлекает внимание археологов, чем историков искусства. Распыленность материала тоже не способствует его целенаправленному изучению. Возникший интерес к погребальному обряду затронул и художественное тиснение на коже. Результаты его исследования пока еще впереди.

Примечания

¹Кашкаров В. Село Любуцкое // Известия Калужской ученой архивной комиссии. 1898. № 5—6. С. 3—9.

²Петрунь Ф. Східня межа Великого князівства Литовського в 30-х роках XV сторіччя // Ювілейний збірник на пошану академика М.С. Грушевського. Т. I. Київ, 1928. С. 165—168.

³Болдин И.В., Массалитина Г.А., Пуцко В.Г., Хомутова О.Ю. Летописный Любутск: письменная история и археологические факты // Труды регионального конкурса научных проектов в области гуманитарных наук. Вып. 5. Калуга, 2004. С. 10—27.

⁴См.: Покровский Н. Евангелие в памятниках иконографии, преимущественно византийских и русских. СПб., 1892. С. 249—266; Janocha M. Ukraińskie i białoruskie ikony święteczne w dawnej Rzeczypospolitej. Problem kanonu. Warszawa, 2001. S. 321—338. II. 152—170.

⁵Пуцко В.Г. Меднолитой штемпель для тиснения на коже из Подмосквья // Древности и старина: поиски — находки — открытия. 2006. № 3(8). С. 8—10.

⁶См.: Грабар А. Иконографическая схема на Петдесетница // Грабар А. Избранные сочинения. Т. I. София, 1982. С. 207—220. Табл. 98—110.

⁷Пуцко В. Знахідка в Грудку над Бугом і середньовічні чернечі пояси // Церковний календар. 2009 рік. Видання Перемишсько-Новосанцівської єпархії. Сянік, 2009. С. 75—87.

⁸Cerkiew — wielka tajemnica: Sztuka cerkiewna od XI wieku do 1917 roku ze zbiorów polskich. Katalog wystawy. Gniezno, 2001. S. 106. II. 24. Nr. I.58.

⁹Тарасов С.В. Средневековые полоцкие ювелиры // Дьнеслово. Збірка праць на пошану дійсного члена Національної академії наук України П.П. Толочка з нагоди його 70-річчя. Київ, 2008. С. 175. Рис. 2:5.

¹⁰Клюев В., прот., Панова Т.Д. Святитель Стефан, епископ Пермский и история некрополя Спасо-Преображенского собора Московского Кремля. М., 2006. С. 74—77.

¹¹Маясова Н.А. Древнерусское шитье. М., 1971. С. 10—11. Табл. 5, 6. Симеон Гордый умер в 1346 г. во время эпидемии чумы.

¹²Петров Н.И. Альбом достопримечательностей Церковно-археологического музея при Киевской Духовной Академии. Вып. 3. Киев., 1913. С. 16. Табл. II.

¹³Панова Т.Д. Некрополь Вознесенского монастыря // Глаголы жизни. 1992. № 2. С. 80—82; она же. Данные археологии об атрибутике русского монашества периода средневековья // Церковная археология. Вып. 4. СПб., 1998. С. 232—236.

¹⁴Каргер М.К. Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде (1933—1935) // Советская археология. Т. VIII. М.-Л., 1946. С. 206—210. Рис. 29, 39.

¹⁵Бобровський Т., Воронцова О. Середньовічні чернечі шкіряні вироби з тисненими зображеннями (попередні повідомлення) // Культурна спадщина Києва: дослідження та охорона історичного середовища. Науково-інформаційний збірник. Київ, 2003; она же. Киевские пещеры. Путеводитель. Киев, 2005.

¹⁶Антонович В.Б. Археологическая карта Киевской губернии. М., 1895. С. 39—40.

¹⁷Щуцкий М.М. «Скит Пречистыя» у пещеры преп. Феодосия Печерского в Церковщине. Киев, 1911.

¹⁸Штыхаў Г.В. Выраб старабеларускай дробнай пластыкі // Помнікі мастацкай культуры Беларусі. Новыя даследаванні. Зборнік артыкулаў. Мінск, 1989. С. 172—174.

НЕКОТОРЫЕ НОВЫЕ НАХОДКИ МОНЕТ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ В КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ*

А.В.Пачкалов, к.и.н., г. Москва

1. При исследованиях И.В.Болдиным Любутского городища и Любутского I селища (Ферзиковский район Калужской области) в 2008 г. была обнаружена серия серебряных монет Золотой Орды и несколько русских монет (русские монеты в публикации специально не рассматриваются). Сведения о предыдущих нумизматических находках уже отражены в публикации (Пачкалов А.В., 2008, с. 43—45). Сборы 2008 г.: Любутское городище: Узбек: Сарай г.(?) — 1; Джанибек: Сарай ал-Джедид г.(?) — 1; Токтамыш: Орда ал-Муаззам 791 г.х. — 1; подражание монете Джанибеке чекана Сарая ал-Джедид(?) — 1; неопределенные — 1.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда Герды Хенкель.

Любутское I селище: Токта: Сарай ал-Махруса 710 г.х. (1310—1311 гг.) — 1; Джанибек: Сарай ал-Джедид 1340-е гг. — 1; неопределенные — 2. Представленные новые находки добавляют информацию о монетном обращении на Любутском и городище и Любутском I селище в XIV в. Например, ранее здесь не были отмечены находки монет хана Токты.

2. Окрестности г.Тарусы, точное место находки неизвестно. При неуказанных обстоятельствах была обнаружена серебряная монета Джалал ад-Дина (1411—1412 гг.) без обозначения места чекана (эмиссия монетного двора «Орда»?) (см. сайт ZENO, № 28522). Очевидно, хранится в частной коллекции. Находка золотоордынской монеты начала XV в. является достаточно редкой для территории древнерусских земель. Например, для территории рязанских земель отмечается прекращение «поступления новых ордынских монет ... уже в конце правления Тохтамыша: монет его преемников здесь нет совсем» (Волков, 2005. С. 29). В 1950 г. у с. Хвалово в Калужской области был найден клад из 613 серебряных джучидских монет XIV—XV вв. (последние монеты относились ко времени правления хана Чекре — 1414—1416 гг.) (Мец, 1953. С. 115. № 12; Федоров-Давыдов, 1960. С. 172. № 215), однако эта находка является скорее исключением. Информации о других находках ордынских монет XV в. в Калужской области у меня не имеется.

3. Анонимный пул Сарая ал-Джедид с цветочным орнаментом (1350—1360-е гг.) был найден в 2008 г. на городище I в г.Тарусе при обследовании разрушений культурного слоя на месте действующего кладбища (информация о находке получена от О.Прошкина, которому автор приносит признательность). Находки джучидских пулов по сравнению с серебряными монетами достаточно редки в древнерусских землях. Подобный же пул (с цветочным орнаментом) был случайно найден в 1997 г. на поле у с.Поречье (окрестности г.Звенигорода Московской области) (не опубликован, хранится в Звенигородском историко-архитектурном и художественном музее, КП 9844). Ранее под Тарусой встречались подражания серебряным монетам Золотой Орды (в публикациях отмечаются находки в 2001 г. на селище подражаний монетам хана Токтамыша, поступившие в частную коллекцию) (Волков, 2005. С. 27—28).

4. В 2001 г. В.А.Ткаченко был опубликован «клад медных монет», найденный в 1987 г. около пос. Резвань Калужской области. По информации В.А.Ткаченко, часть монет была в виде комка, в составе клада был 121 экз.: «в течение короткого времени комплекс разошелся по рукам коллекционеров и частично продан в Москву. К настоящему времени удалось просмотреть 9 монет в частных собраниях» (Ткаченко, 2001. С. 103). Сообщалось также о находках вместе с монетами человеческих костей (по предположению В.А.Ткаченко, возможно монеты были связаны с погребением). Из 9 пулов, по данным В.А.Ткаченко, удалось определить 7 экз.: «медное пуло Узбека ... с изображением двуглавого орла ... 726 г.х.» — 1 (монета определена ошибочно; пулы с двуглавым орлом чеканились в период правления не Узбека, а Джанибека; в 726 г.х. в Сарае чеканились пулы с изображением сокола — *А.П.*); анонимные: Сарай 737 г.х. — 1; Сарай ал-Джедид 752 г.х. — 2; Хызр: Сарай ал-Джедид 762 г.х. — 2; Гюлистан — 1 (тип монеты Гюлистана не ясен — *А.П.*). К спекшимся монетам прилипли кусочки кожи (Ткаченко В.А., 2001, с. 104). Представленная информация вызывает интерес. Во-первых, находки кладов медных монет более редки, чем находки кладов серебряных монет; во-вторых, очень немногочисленны клады с медными монетами Золотой Орды на территории древнерусских земель; в-третьих, данный клад охватывает монеты широкого хронологического диапазона (как минимум от 1320 или 1330-х до 1360-х гг. включительно). Для кладов пулов Золотой Орды последнее нехарактерно, обычно клад пулов состоит из монет одного или нескольких смежных по времени типов. Учитывая, что клад был найден не при археологических исследованиях, а случайно; учитывая, что монеты клада были проданы разным коллекционерам, возникают сомнения, что это действительно кладовый комплекс с территории Калужской области. На мой взгляд, к этой информации следует относиться с осторожностью. Не исключено, что «клад» может представлять себя совокупность отдельных типичных находок монет с поволжских городищ Золотой Орды, представленных в качестве клада для повышения рыночной стоимости.

Литература

- Волков И.В. Новая группа русских подражательных монет конца XIV в. // Нумизматика. 2005. Март. № 7.
Мец Н.Д. Клады монет, зарегистрированные ГИМ за 1905-1952 гг. // Краткие сообщения о докладах и

- полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. Вып. 52. М.-Л., 1953.
Пачкалов А.В. Новые находки джучидских монет в Калужской области // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Сб. матер. XII Всерос. науч. конф. Калуга, 3—5 апреля 2007. Калуга, 2008.
Ткаченко В.А. Клад золотоордынских медных пул с берегов Угры // Природа и история Поугорья (краеведческие очерки). Вып. 2. Калуга, 2001.
Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. I. М., 1960.

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЦЕНТРОВ ВОЛОСТЕЙ И СТАНОВ МОЖАЙСКОГО КНЯЖЕСТВА XIV—XV вв.

Б.Е. Янишевский, к.и.н., Институт археологии РАН

Локализация на местности населенных пунктов, упомянутых в средневековых письменных документах, часто является непростой задачей. Наиболее ранними письменными документами Московской Руси являются духовные и договорные грамоты Московских и удельных князей, наиболее древние из которых относятся к концу 20-х гг. XIV в. В наиболее ранних грамотах упоминаются наравне как центры княжеств, так и села, без обозначения статуса населенного пункта.

Но не всегда бывает понятно, что представлял собой тот или иной пункт, например, духовной грамоты. Рассмотрим это на примере Можайского княжества.

В первой духовной грамоте кн. Ивана Калиты по отношению к Можайску написано просто: «*Можайск*» без каких либо добавлений. Во второй — уже «*со всеми волостями*». Далее в завещаниях князей Симеона Ивановича и Ивана Ивановича вместе с Можайском, кроме волостей, передавались по наследству и разные доходы фискального характера. Территориальная и типологическая расшифровка владений кн. Андрея Дмитриевича дана только в завещании его отца — великого кн. Дмитрия Ивановича: «*Можайск со всеми волостями и ... с селы... и с отъездными волостями*». Здесь же перечислены и сами волости и отъездные волости¹ и в них еще два села. Таким образом, в завещании вел. кн. Дмитрия Донского очерчена граница Можайского княжества, которая устанавливается по волостям, а также определяется некая территориальная единица — волость, которая противопоставляется селу. Граница Можайского княжества времени великого кн. Дмитрия Донского, на основании топонимов из его завещания, мной очерчена ранее (Археология Верхнего Поволжья, 2006. С. 402—412).

В таблице 1 перечислены Можайские волости из завещания кн. Дмитрия Ивановича и параллельно из Писцовой книги Можайского уезда 1626—1627 годов.

Как видно из таблицы 1, в XVII в. станами назывались, в основном, «старые» волости XIV в., а волостями названы «новые» территориальные образования, возникшие, вероятно, после ликвидации Можайского княжества. Всего в XVII в. сохранилось восемь названий волостей конца XIV в.

По археологическим данным на территории Можайского княжества имеется ряд пунктов, которые могут быть интерпретированы как центры волостей XIV в. Рассмотрим эти пункты. Порядок рассмотрения — с севера на юг, с запада на восток.

¹«*А се даю сыну своему, князю Андрею, Можайск со всеми волостями... А волости Можайские: Исмея, Числов, Боянь, Берестовь, Поротва, Колоча, Тушковь, Вышнее, Глиньское, Пневичи с Загорьем, Болонескъ. А Коржань и Мошин Холмъ придал есмь к Можайску...*» (ДДГ, с. 33—34). Кроме того, кн. Андрею давались некие отъездные волости: «*Верея, Рудь, Гордошевичи, Гремичи, Заберега, Сушов, да село Ретинское, да Ивановское Васильевич(а) в Гремичах. А Колуга и Роца сыну же моему, князю Андрею*» (ДДГ, с. 34).

Таблица 1. Можайское княжество в границах конца XIV в. и обследованные центры волостей.

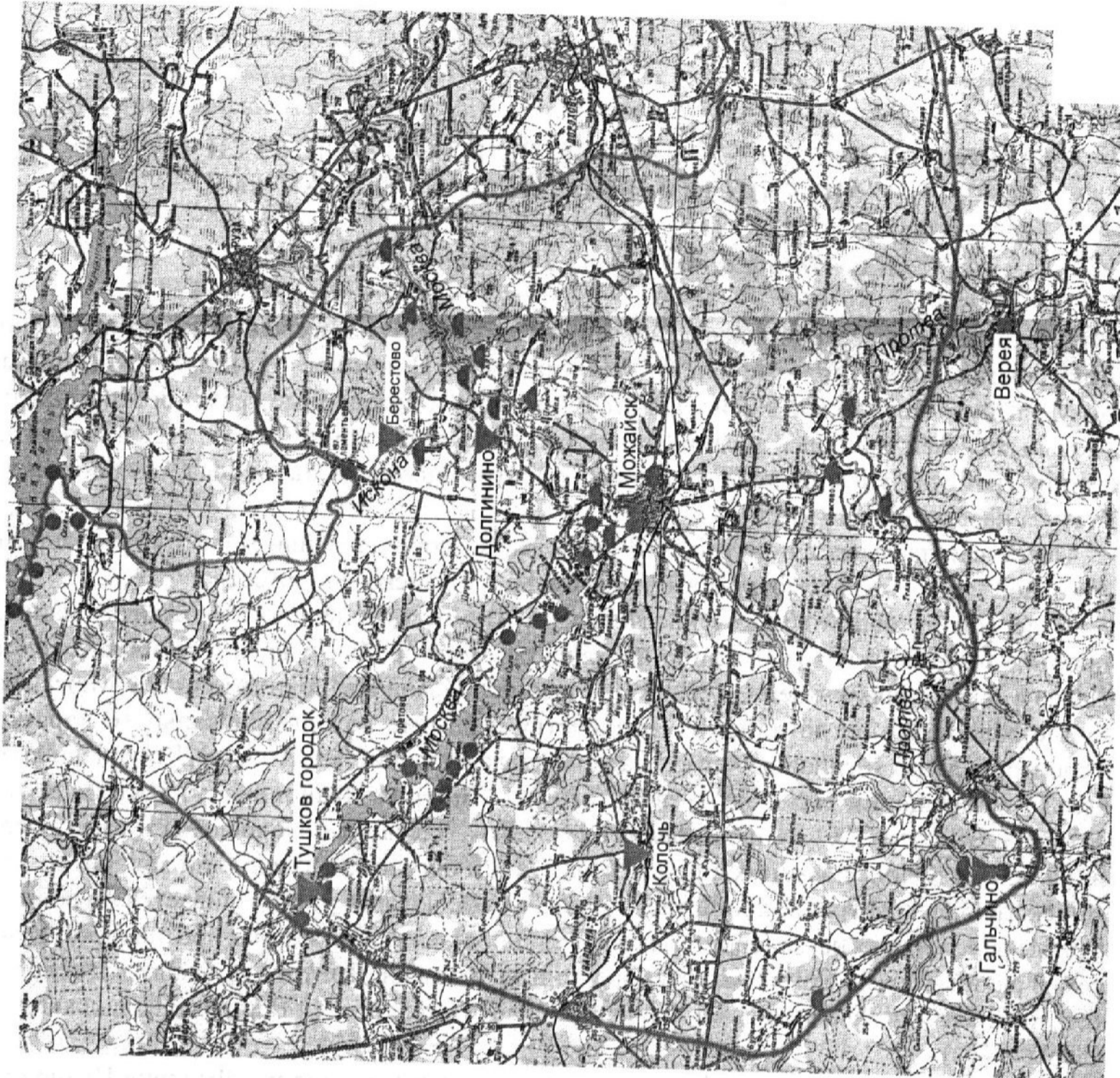
Грамота кн. Дм. Донского		Можайский у. XVII в.		Можайский у. XVII в.	
волости:		волости:		станы:	
1	<i>Берестов</i>	1	Алешинская	1	<i>Боян (и Ископ)</i>
2	<i>Болонск</i>	2	Бельская	2	<i>Берестов (и Ископ)</i>
3	<i>Боянь</i>	3	Будаевская	3	<i>Болонский</i>
4	Вышнее Глиньско	4	Гореевская	4	Брагин Холм
5	<i>Загорье</i>	5	Горетовская	5	Ворский
6	Исмея	6	Замошская	6	Воскресенский
7	<i>Колоча</i>	7	Златоустовская	7	Дунинский
8	Коржань	8	Клушинская	8	Дягилев
9	<i>Пневичи</i>	9	Корочаровская	9	<i>Загорье (и Тешинов)</i>
10	<i>Протва</i>	10	Кузовская	10	Зарецкий
11	Тушков	11	Турьевская	11	Зубатый
12	<i>Ископская слободка</i>	12	Тягожская	12	Ильинский
		13	Шабоновская	13	<i>Колоцкий</i>
		14	Шебаршинская	14	Михайловский
				15	Могиленский
				16	Оленский
				17	Отвоцкий и Сукроменский
				18	Передельный
				19	<i>Пневицкий</i>
				20	Подрельный
				21	<i>Протовский (Поротовский)</i>
				22	Ренинский
				23	Старковский
				24	Тарусицкий
				25	Тубцовский
				26	Утецкий

Примечание: курсивом даны названия, которые повторяются в и в XIV, и в XVII веках.

Тушков

Западная граница Можайского княжества определяется по распространению памятников археологии XII—XIII вв. в верхнем течении рек Москвы и Протвы. На р.Москва эти памятники распространяются только чуть выше впадения р.Лусянки и «тянут» к Тушкову городку, который, скорее всего, являлся центром волости Тушков духовной грамоты кн. Дмитрия Донского (ДДГ. С. 34). Тушков городок расположен у одноименной деревни на высоком правом берегу реки Москвы при впадении небольшого ручья, в 26 км выше по течению от города Можайска по прямой. Москва-река в этом месте делала крутой изгиб, так что с вала открывался вид на 10 км вверх и вниз по течению реки. Сейчас пойма реки Москвы в этом месте затоплена Можайским водохранилищем и русло становится видно только в конце лета.

В писцовой книге 1626/1627 годов Тушков городок назван погостом «*Тушково городище*»; также упомянуто, что на площадке городища находилась ранее «*церковь Рождества Пречистые Богородицы*» (Дионисий, 1892. С. 293—295; Холмогоровы, 1901. С. 224). В 1653 г. погост уже не существовал и превратился в «*пустошь, что был погост Тушков*» (Дионисий, 1892. С. 204).



- ▲ - центры волостей, описанные в статье
- - городища со слоем 12-13 вв.
- ▲ - крупные курганные могильники
- - селища 12-13 вв.
- граница можайского княжества в конце 14 в.

0 2 4 6 км



План городища Тушков городок (по: Рабинович, 1959) и его посада с указанием места могилища (съемка М.И. Гоняного 2007 г.)

В конце XVIII в. памятник описывался так: «подле дороги Тушковой на высоте берега Москвы-реки есть старинное земляное городище именуется Тушково, которого окружают валы и до ныне еще не испортились. Внутренность его длиной двадцать, поперег осьмнадцать сажен» (РГАДА. Ф. 1355. Оп.1. Д.773. Ч.1. Л.107). Позднесредневековые сведения позволяют выяснить степень естественного разрушения площадки. В пересчете на современные меры длины размеры площадки городища в XVIII веке составляли 43 x 38 м. Видимо, измерена площадка была не в самом широком месте (у обрыва ширина площадки составляет около 60 м), но измерить «поперег» можно только в одном месте. Так, по результатам современных измерений радиуса площадки он составляет 28 м, то есть за 200 лет обрушилось 10 м культурного слоя. Сейчас от площадки городища остался участок внутри вала шириной не более 10 м, а также сам вал высотой до 8 м.

В 1929 г. А.В. Арциховский произвел небольшие раскопки на Тушковом городке. Во время раскопок были найдены фрагменты лепной керамики, 2 монеты — Владимира Андреевича и Семена Андреевича XV в. (Арх. ИИМК. Ф.2. Оп. 1. 1929. № 277; Арциховский, 1995. С. 97). В 1950-е годы М.Г. Рабинович производил масштабные раскопки на городище (исследовано более 600 кв. м). В результате раскопок выявлены два периода насыпки вала XII—XIII вв. и XIV в. На городище найдены металлообрабатывающие мастерские (медь и железо), которые указывают на существование ремесла в объеме, превышающем потребности маленького городка. То есть эти мастерские обслуживали округу, занимались производством на продажу. Продукция ремесленников, а также привозные стеклянные вещи (браслеты, бусы, перстни) показывают, что Тушков городок был важным торговым центром. Некоторые изготовленные здесь ключи были украшены серебряной насечкой (Рабинович, 1959. С. 276).

Городище окружали вал и ров. В валу не прослежены никакие конструкции. Первоначальный вал датирован XII—XIII вв., так как культурный слой этого времени успел накопиться на его внутреннем склоне. В конце XIV в.² два укрепления были реконструированы, ров расширен, а вал надстроен с помощью ступеней из клетей-городен высотой 1 м, забитых землей. И в слоях XII—XIII вв., и в слое XIV—XVI вв. нередки находки предметов воинского снаряжения. Однако в слоях XIV—XVI вв. таких предметов становится больше; кроме того, появились находки, связанные с досугом (игральная шашка, книжные застёжки). Это, а также находка небольшого сканого золотого украшения среднеазиатской или византийской работы XIV в. (Рабинович, 1957; Жилина, 2001), показывает, что Тушков городок был важным пунктом не только в структуре Можайского княжества, но и в оборонительной системе всего Московского княжества. По берегу реки мимо городка проходила дорога, отмеченная еще в XVIII в. («подле дороги Тушковой» — РГАДА. Ф. 1355. Оп.1. Д.773. Ч.1. Л. 107). На погосте Тушково на месте церкви Бориса и Глеба, располагавшейся северной окраине деревни Тушков городок (место кладбища заметно и сейчас), найдены надгробные плиты, самая молодая плита — 1510 г. (Рабинович, 1959. С. 286). Видимо, в это время и запустело городище, надобность в котором после присоединения Смоленска к Москве в 1514 г. отпала. А посад превратился сначала в погост, а после «смутного времени» — просто в деревню Тушков городок.

Городок окружает посад, располагающийся на 100 м к югу (частично на территории деревни) и на 200 м к востоку, вплоть до левого берега ручья Ламинаговского (Ломинка). Следы поселения в виде культурного слоя заметны и на правом берегу ручья. Южная часть посада занята постройками современной деревни. Посад обследовался Р.Л. Розенфельдом в 1974 г., автором в 1997 и 2005 гг., а также М.И. Гоняным в 2007 г. На посаде собраны фрагменты керамики курганного типа (XII—XIII вв.), кресты-тельники с криновидными концами и др. находки XII и XIII вв.³ Около ручья Ламинаговского (Ломинка), на его правом

² Вал датирован находкой в его строительном горизонте монеты с надписью «Тухтамыш хан да длится...», стало быть эта монета была отчеканена не ранее 1382 и не позднее 1395 гг. (Рабинович, 1959, с.281).

³ Шурфовка, произведенная автором в 2005 г. к западу и юго-западу от городища, показала лишь следы хозяйственного освоения территории в виде отдельных мелких фрагментов керамики при отсутствии культурного слоя (Архив Министерства культуры Московской области).

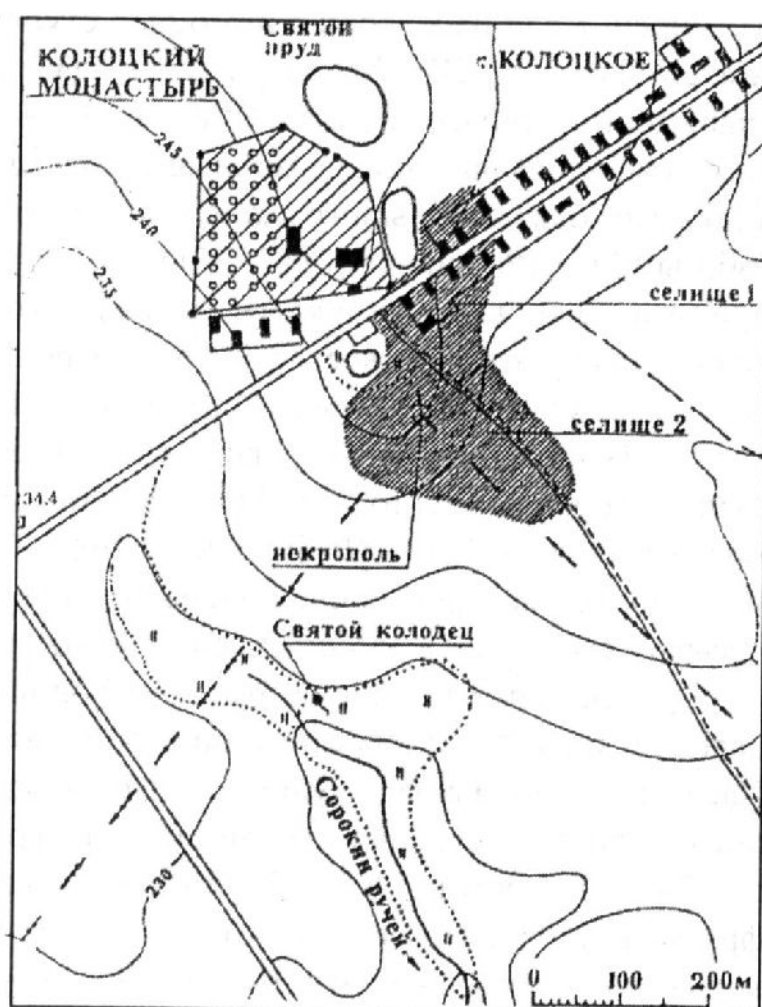
берегу еще в 1950-х гг. располагался курганный могильник XII—XIII вв. (АКР. Московская область, 1995. Ч.2. С. 95. № 1035). Вниз по реке Москве в 2,5 км от Тушкова городка расположено селище Антоново-1 (Маловка) в культурном слое которого найдена керамика лепная раннего железного века, «серая» и «красная грубая» XIII—XV вв.⁴ Далее вниз по течению реки памятники этого времени найдены только через 6 км. Вверх по течению Москвы-реки при сплошных разведках также одно селище XII—XIII вв. (Мышкино-2), расположенное в 1,5 км от Тушкова городка. Выше селища Мышкино по течению реки Москвы памятников XII—XIV вв. не выявлено. Нет их и по течению впадающей в реку Москву у Тушкова городка единственной реки Лусянки.

Таким образом, по археологическим разведкам и раскопкам можно определить размеры территории волости Тушков с XII до XVI в. Памятники располагаются только вдоль русла Москвы-реки. Если принять, что берега реки Москвы были освоены равномерно и величина территории, занятой хозяйственной зоной, не превышает 5 км в обе стороны от берега — величину дневной доступности для хозяйственных зон (Афанасьев, 1993. С. 118—119), то размер территории группы памятников около 20 кв. км. Этот размер примем за величину волости Тушков. Она состояла из двух селищ и городища с посадом, превышающим 2 га, двух курганных могильников XI—XIII вв. Первые поселения и могильники на территории волости Тушков возникли еще в XI в., а объединение их в волость, платящую дань Смоленскому князю, могло произойти не ранее времени строительства первого вала Тушкова городка, который был построен, по мнению М.Г. Рабиновича, не позднее конца XII в. Рассматривая пример Можайска, первые укрепления которого были построены в то же время, можно предположить одновременность процессов образования волостных центров в данном микрорегионе.

Колочь

Практически все можайские волости, упомянутые в грамоте кн. Дмитрия Донского являются пограничными с другими княжествами. Памятники XII—XIII вв. в описанном регионе располагаются по рекам — Протве, Москве-реке, Исконе, Рузе. Междуречья освоены еще не были. Этот процесс начался позже. Одной из «внутренних» волостей Можайского княжества была Колочь. Локализация волости традиционно производилась по топониму — на реке Колочь, правом притоке р.Москвы (Готье, 1907. С. 574). Колоцкий стан известен и по писцовым книгам XVII в. Однако территория стана в XVII в. уже выходила за пределы бассейна Колочи. Например, в этом стане числилось с.Ильинское на левом берегу р.Москвы (Холмогоровы, 1901. С. 51, 52).

Археологические исследования на территории Колоцкой волости и стана производились С.З.Черновым в 1991 г. (Чернов, 1995. С. 102—113). Им был собран подъемный материал на территории предполагаемого центра волости — современного с. Колоцкого и Колоцкого монастыря, возникшего около 1413 г., а также в их окрестностях.



План расположения памятников археологии в районе волостного центра Колочь и Колоцкого монастыря (по: Чернов С.З., 1995.)

На территории нынешнего с. Колочь, в его юго-западной части, а также к югу от села на нынешнем поле, выявлены два селища, общей площадью около 90 тыс. кв. м. На поверхности селищ, а также в шурфах найдена керамика серая, красная грубая и красная гладкая XIV—XVI вв., а также керамика более позднего времени. Судя по такой большой площади, эти селища могут быть соотнесены с центром волости Колочь духовной грамоты вел. кн. Дмитрия Ивановича. Также на территории селища Колоцкое-2 обнаружены следы грунтового могильника с валунными надгробиями, которые могут быть датированы XIV—XV вв. На территории Колоцкого монастыря археологических раскопок не производилось.

Поротва

Можайская волость с таким названием упомянута в духовной грамоте вел. кн. Дмитрия Ивановича 1389 г. Местоположение волости грубо определяется по топониму. Можайское течение реки Протвы по той же грамоте устанавливается от верховьев до города Вереи, но несколько выше последнего, так как Верея уже относится к «отменным местам Рязанским». На этом участке реки известно шесть курганных могильников XII—XIII вв.⁵ и четыре селища того же времени⁶. По курганным могильникам в верховьях реки Протвы можно установить границы волости Протва: волость располагалась от д. Панино до устья р.Мжут, поскольку выше Панино нет курганов, а от устья р.Мжут ниже по течению Протвы имеется значительный перерыв в расположении курганных могильников. Расположенные в этом разрыве селища XIV—XVII вв. Золотково и Мерчалово⁷ возникли несколько позднее и, вероятнее всего, уже относятся к Вереиской волости.

Южная граница волости и Можайского княжества проходила по границе Смоленских и Черниговских земель (наследником Черниговского здесь стало Рязанское княжество). На правом берегу Протвы (она на этом участке течет в восточном направлении), возможно, был небольшой отступ к югу — до р. Берега (левый приток Протвы). На правом берегу этой реки вел. кн. Семен Иванович купил у кн. Ивана Новосильского волость Заберег (ДДГ. С.12, 14). Новосильское княжество являлось наследником части земель великого княжества Черниговского, и волость Заберег принадлежала Черниговским князьям еще со времен похода Святослава Ольговича (Горский, 2004. С. 149). Стало быть, волость Заберег не принадлежала Можайскому княжеству периода его вхождения в Смоленское княжество, поэтому границу волости Поротва можно провести по левому берегу реки Береги⁸. Далее к востоку южная граница пересекала реку Протву с северной стороны от г. Вереи. Верея — самый северный пункт в числе «отменных мест Рязанских» (то есть, приобретенных в результате обмена), упомянутых впервые в духовной грамоте великого князя Ивана Ивановича и конкретизированных в договоре кн. Дмитрия Донского с кн. Олегом Рязанским 1381 г. (ДДГ. С. 15, 18, 29; Горский, 2004. С. 126, 127).

Учитывая факт, что «отменные места Рязанские» попали к Москве не ранее времени правления вел. кн. Ивана Ивановича, то вел. кн. Семен Иванович не мог находиться в Вышгороде во время похода 1352 г., если Вышгород — это городище ниже Вереи по течению реки Протвы⁹. Но на реке Протве выше города Вереи есть еще одно городище, укрепления которого как раз датируются XIV в. Это городище Гальчино. При раскопках на этом городище

⁵ Панино (АКР. Московская... Ч. 2. 1995. № 1022), Бартенево (АКР. Московская обл. Ч. 2. 1995. № 983), Власово (АКР. Московская обл. Ч.2. № 990), Коровино 2 (АКР. Московская обл. Ч.2. № 1008). Курганный могильник Бартенево и Коровино исследовался А.В. Арциховским (Архив ИА. № 19511), Власово — А.П. Богдановым и А.В. Арциховским. Курганы XII—XIII вв. на р.Береге у впадения ее в р.Протву известны с конца XIX в. У д. Жизлово они сохранились до сих пор.

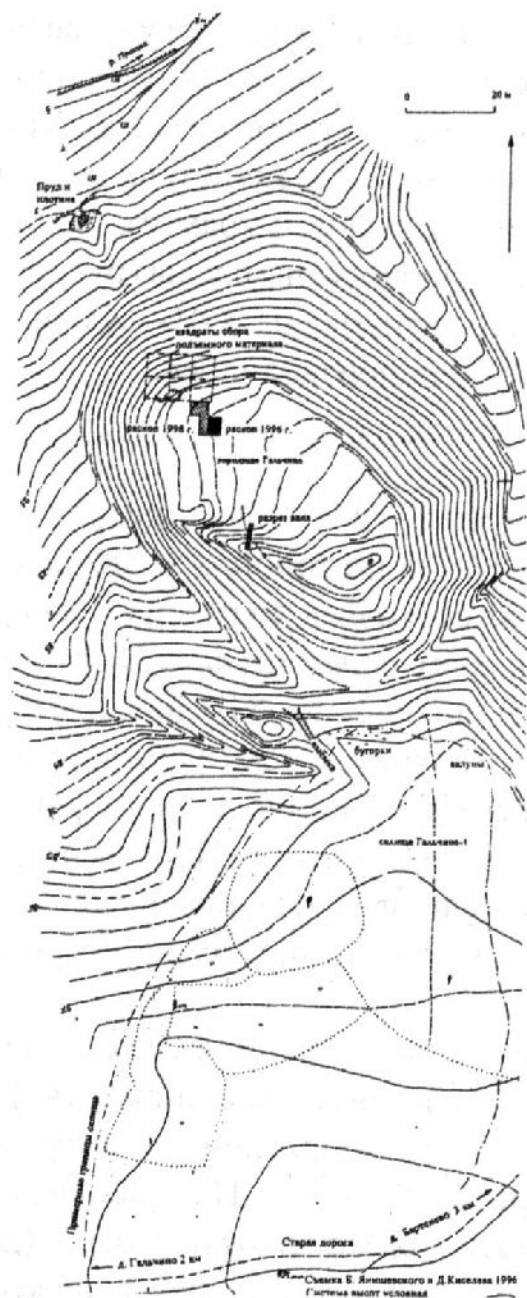
⁶ Селище Купрово (АКР. Московская обл. Ч.2. № 1015), Гальчино 2 (Арх. ИА. № 22497), Борисово (Архив ИА. № 19511), Власово (Архив ИА. № 7358).

⁷ АКР. Московская обл. Ч.2. № 1050, 1060.

⁸ Из памятников XIV—XV вв. на ее левом (можайском) берегу известно только селище на территории нынешнего села Губино, которое принадлежало Троицкому монастырю.

⁹ АКР. Московская область. Ч.2. 1995. С. 101. № 1042.

⁴ Датировка и названия типов керамики по: Московская керамика. Новые данные по хронологии. М., 1991.



План и находки 12-13 вв. из раскопок на городище Гальчино. По: Кренке, Янишевский, 2000. Илл. 12, 13

были найдены предметы дорогого воинского снаряжения — кольчужные кольца, наконечник копья-сулицы, шпоры, в том числе и с медным колесиком (Кренке, Янишевский, 2000. С. 598—664). От этого городища до истоков реки Малая Воря (притока Вори, впадающей в реку Угру) всего 18 км. Дороги, отмеченные на карте в XIX в. в этом направлении есть, в том числе и через упомянутую р. Берегу. Расположение городища Гальчино в довольно глухом месте в верховьях Протвы можно объяснить только необходимостью контроля над дорогой Протва — Угра. Тем более, что в рассказе о походе вел. кн. Семена Ивановича говорится о его выходе на Угру и даже об устройстве там лагеря (Флоря, 1982. С. 60—62). В XIII в. на этой дороге «и Михаиле Ярославичъ («Хоробрит») московский уьень бысть от Литвы на Поротве» (ПСРЛ, 1925. С. 38). После его гибели активно использоваться этот путь стал только в XIV в., после присоединения Можайского княжества к Московскому.

Около городища Гальчино на р.Протве сосредоточено несколько памятников археологии и более раннего времени: селище, которое можно назвать посадом (Гальчино 1), селище Гальчино 2 и курганный могильник Бартенево. Все эти памятники возникли еще в XII веке. Неукрепленный мыс самого большого селища — Гальчино 1, имевшего площадь около 1 га, позже, в XIV в., был укреплен валом и рвом. При раскопках 1996 и 1998 г. (Кренке, Янишевский, 2000. С. 598—620) на городище Гальчино было исследовано жилище, в подпечной яме которого найдена керамика курганная и серая XII—XIII вв., а также лепная неопределенная¹⁰. Из вещевых находок в той же яме нужно отметить два 7-лопастных височных кольца XII в. (с колечками при дужке и без них), бронзовый плетеный и литой пластинчатый браслет, бронзовый решетчатый перстень, не выходящие по датировке из пределов XII—XIII вв. Исследовано и другое жилище с глинобитной печью, датированное XIV—XV вв. Исследования вала показали, что он был насыпан в два приема, причем между

первой и второй генерацией вала прошло немного времени. Поверх первой насыпи были вдоль оси вала помещены еловые бревна, а поверхность второй насыпи была обмазана глиной (сохранился слой глиняной обмазки), что придает этому валу сходство с валом Тушкова городка. Сходна и датировка — под нижней насыпью вала Гальчинского городища найдена серая и красноглиняная грубая керамика, последняя категория бытовала до 1-й четверти XV в. Но отсутствие в керамическом комплексе тонкостенной красноглиняной и краснолощеной керамики не позволяет датировать его позже конца XIV в. Также объединяет эти два городища предметы вооружения всадников и воинов — шпоры, кольчуги, копья, стрелы. Все сказанное заставляет считать эти два укрепления на соседних реках частью системы укреплений западной оборонительной линии Московского государства против литовской агрессии.

В 2009 г. впервые были проведены раскопки на Борисовом городке, расположенном в 12 км выше г. Вереи по течению р. Протвы. Под слоями XVII в. найден черный горелый слой XII—XIII вв., в котором найдены керамика, крест XII—XIII вв., фрагменты семилопастного височного кольца XII в., железные стрелы XII—XIV вв. Однако слоев XV в. на этом памятнике не выявлено, что может объясняться запустением поселения в московское время. Были ли укрепления на Борисове городке в древнерусское время, пока сказать трудно.

Искона

Искона — единственный в Можайской округе волостной центр, упомянутый в источниках XII века. Тут собиралась княжеская дань в пользу кн. Ростислава Смоленского, с этой дани и платилась церковная десятина в пользу смоленского епископа, зафиксированная в Уставной грамоте (Памятники русского права, 1953. С. 39—42). Как «Исконская слободка» он описан и в завещании великого кн. Дмитрия Донского (ДДГ. С. 35). Некоторые авторы (Готье, 1907. С. 574; Юшко, 1991) помещают эту волость (и ее центр) в верховья р.Исконы (левый приток р.Москвы) по местоположению стана Искона и Боян XVI—XVII в. Стан Боян (или «Искона и Боян») действительно локализуется в верховьях р.Исконы (ДДГ. С. 400). Однако ранняя волость Искона не обязательно должна с ним территориально совпадать. В верховьях реки Исконы до сих пор не найдены археологические памятники старше XVI в. Однако в ее устье сосредоточены селища, курганные могильники и даже одно городище, датирующиеся XI—XIII вв. Число курганных насыпей в районе устья Исконы достигает 180. Эти могильники располагаются плотной группой — между крайними наиболее крупными курганными могильниками в этом микрорегионе расстояние по течению реки Москвы всего 6 км. А по течению самой реки Исконы есть только два могильника — из одной и четырех насыпей. Таким образом, только группа памятников в устье Исконы может претендовать на то, чтобы составить ядро волости Искона. Долгининское городище, расположенное на левом берегу р.Искона в 2-х км от устья могло быть волостным центром; к сожалению, оно сейчас уже полностью разрушено. К пяти большим курганным могильникам выявлено пока только три селища. Из пяти три могильника исследовались раскопками¹¹. В погребениях найден инвентарь XI—XIII вв., а также керамика XI—XII вв.

Из наиболее ранних предметов, найденных в могильнике Красный стан 1, располагающемся недалеко от устья Исконы: золотостеклянные бусы XI—XII вв.¹², а также керамика с отпечатком зубчатого колесика XI—нач. XII в. (АКР. Московская область. Ч.2. 1995. № 1010); в могильнике Красный стан 2 — золотостеклянные бусы XI—XII вв. в погребальном инвентаре, а также погребение по обряду трупосожжения, традиционно датируемое XI в. (АКР. Московская область. Ч.2. 1995. № 1011); в могильнике Б.Тесово 2 (Шишимровский) — пятилопастное височное кольцо, лировидная пряжка, привеска-ложечка и золотостеклянные бочонковидные бусы XI—XII вв. Т.В. Равдина датировала керамику из этого могильника началом XII в. (Равдина, 1991. С. 66; АКР. Московская область. Ч.2. 1995. № 985).

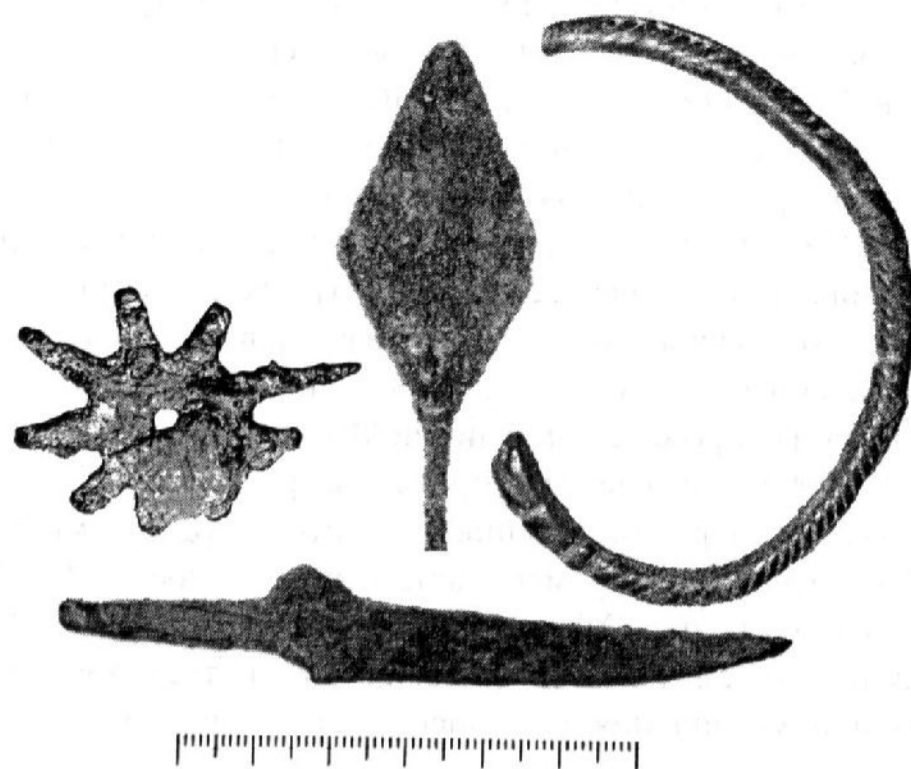
¹⁰ Лепная керамика составляла 11 % от всей керамики из раскопа 1.

¹¹ Раскопки проводились на курганных могильниках Красный стан 1 и 2, Большое Тесово 2 (Шишимрово) (см. АКР. Московская область. Ч. 2. №№ 985, 1010, 1011).

¹² Датировка бус произведена по: Щапова Ю.Л. 1956. Стеклобисусы древнего Новгорода // МИА 55.

Берестов

Волость с таким названием упомянута в завещании вел. кн. Дмитрия Ивановича среди можайских (ДДГ. С. 35). Сельцо Берестово отмечено на карте Рузского уезда Генерального межевания конца XVIII в. на правом берегу р. Исконы в 10 км выше её устья (Кусов, 2004. Карта Рузского уезда). В Разъезжей грамоте 1504 г. на левобережье р. Исконы населенные пункты числятся в Зарецком стане Можайского уезда. Писцовые книги на Можайский уезд XVI в. не сохранились. По Дозорным книгам 1626 г. между устьем р. Исконы и селцом Берестово располагалось с. Абрамово, числившееся в стане Исох и Берестов (Холмогоровы, 1901. С. 150; Кусов, 2004. Карта Рузского уезда).



Находки с селища Берестово.

Рядом с селцом Берестово в 2008 г. мной производились разведочные раскопки. В процессе этих разведок найдена керамика XII—XV вв., монеты XV—XVI вв., обломок ложновитой гривны и железные ножи XII—XIII вв. Размеры селища Берестово оцениваются в 2 га.

В районе между устьем р. Исконы и с. Клементьевским (13 км от устья) выявлено 3 селища и два курганных могильника XII—XIII вв., три селища XIV—XV вв. (Янишевский, 2003, с. 602—606, 609). Таким образом, эта территория была освоена и в домонгольское время, и в период Московского княжества.

Таким образом, археологическими исследованиями было охвачено и локализовано пять волостей из 12-ти перечисленных в завещании великого кн. Дмитрия Донского. В этих волостях практически точно выявлено 4 центра волостей. В волости Искона (Исконская слободка завещания кн. Дмитрия Ивановича) предполагаемый центр — Долгининское городище — разрушено.

В четырех случаях из пяти, кроме слоев XIV—XV вв., культурный слой содержит и слои домонгольского времени, что указывает на раннее формирование некоторых волостных центров. В их число входит и центр волости Искона (упомянутой еще в 1136 г.) — Долгининское городище — также имело напластования XII в.

Сокращения

АКР — Археологическая карта России.

ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.

ИИМК — Институт истории материальной культуры РАН.

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

Источники и литература

РГАДА-1355. Оп. 1. № 773. Ч. 1. Экономические примечания к планам Генерального межевания 1800 г. Арх. ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. 1929. № 277. Арциховский А. В. Дневник раскопок на правом берегу Москвы-реки (Тушков городок) в 1929 г.

Арциховский А. В. Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальской и Смоленских землях // Антология советской археологии (1930-е гг.). Т. 2. М., 1995.

Афанасьев Г. Е. Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения Среднего Дона. М., 1993.

Горский А. А. Московские «примыслы» конца XIII—XV в. // Средневековая Русь. Вып. 5. М., 2004.

Готье Ю. Г. Замосковский край в XVII в. М., 1907.

Дионисий, архимандрит. Можайские акты. М., 1892.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М., 1950.

Жилина Н. В. Шапка Мономаха. Историко-культурное и технологическое исследование. М., 2001.

Кренке Н. А., Янишевский Б. Е. Городище Гальчино на р. Протве // Макариевские чтения. Вып. VII. Можайск, 2000.

Кусов В. С. Земли Московской губернии в XVIII веке. Карты уездов. Описание землевладений. 2004.

Московская керамика. Новые данные по хронологии. М., 1991.

Памятники русского права. Т. 2. М., 1953.

ПСРЛ. Новгородская четвертая летопись. 1925.

Рабинович М. Г. Золотое украшение из Тушкова городка // Краткие сообщения института истории материальной культуры. Вып. 68. М., 1957.

Рабинович М. Г. Крепость и город Тушков // Советская археология. XXIX—XXX. М., 1959.

Равдина Т. В. Керамика из датированных погребений в курганах Подмосковья // Московская керамика: Новые данные по хронологии. М., 1991.

Флоря Б. Н. Борьба Московских князей за Смоленские и Черниговские земли во второй половине XIV в. // Проблемы исторической географии России. Вып. 1. Формирование государственной территории России. М., 1982.

Холмогоров В., Холмогоров Г. Исторические материалы о церквях и селах XVI—XVIII ст. Вып. X. Можайская десятина. М., 1901.

Чернов С. З. Археологическое исследование Колоцкого монастыря и села Колоцкое в Можайском районе // Макариевские чтения. Вып. III. Ч. 1. Можайск, 1995.

Юшко А. А. Московская земля IX—XIV вв. М., 1991.

Янишевский Б. Е. Археологические памятники верхнего Москворечья (Можайский район) по исследованиям 1996—2001 гг. // Макариевские чтения. Вып. X. Можайск, 2003. С. 593—610.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СЛЕДЫ ПОЛЬСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ (первая четверть XVII в.)

Г. К. Патрик, н. с., Институт археологии РАН

В 2007—08 гг. в Смоленске были найдены очень интересные фрагменты изразцов. Первый из них принадлежит к типу поливных изразцов с лицевой пластиной в виде прямоугольника разм. 23 x 20 см. Он покрыт поливой зеленого цвета. Рисунок выпуклый, оттиснутый в форме. По краю пластины проходит отчетливая рамка шириной 0,6—0,7 см. На внутренней стороне имеется коробчатая румпа. Глина красно-жгущаяся, хорошо промешанная.

На лицевой стороне изображена следующая композиция: в углах помещены четыре ангела (лицо и крылья), центральную часть занимает монограмма из букв I, H, S, увенчанная крестом, а под ней находится сердце с трезубцем. Монограмма окружена круговой надписью «GENU : FLECTATUR : INNOMINE : IESU : OMNE», шириной 1,6—2,0 см. Все слова надписи отделены друг от друга с помощью двух ромбиков. Расстояние

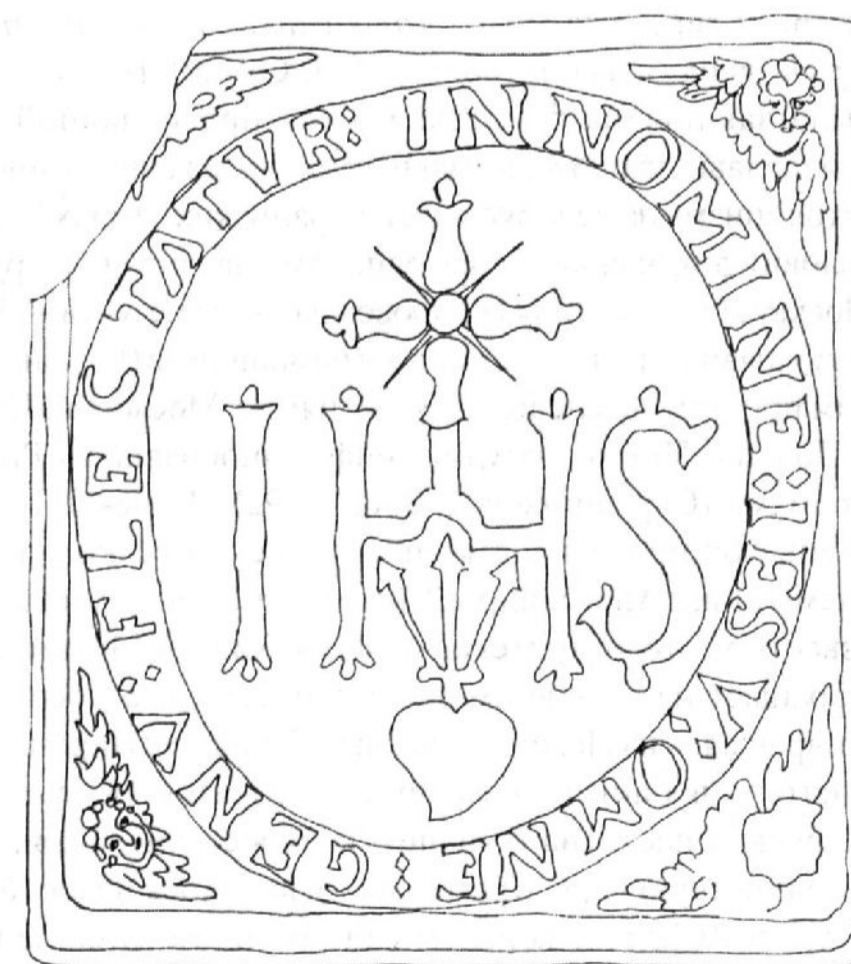


Рис. 1. Реконструкция лицевой части изразца с латинской монограммой и надписью.

между словами варьируется от 1,0 до 2,0 см. Таким образом, весь облик изразца указывает на его религиозное содержание (рис. 1).

Прежде всего мое внимание привлекла латинская фраза, которая в переводе звучит следующим образом «КОЛЕНИ ПРЕКЛОНИМ ВО ИМЯ ГОСПОДА ВМЕСТЕ». Чтобы понять значение этой фразы, мне пришлось проконсультироваться в московском католическом храме Святого Людовика. Оказалось, эти слова являются очень древним девизом и написаны во всех католических храмах. Эта фраза является одним из элементов католического храма и отчасти символизирует его.

Доступная мне европейская литература, посвященная изразцам, содержит довольно много примеров применения изразцов именно в интерьерах соборов и официальных зданий, на которых изображены отдельные святые и сцены из Святого писания, но я нигде не встретила хотя бы отдаленных аналогий нашему изразцу из Смоленска (Ambrosiane, 1910; Voit Pall und Holl Imre, 1963; Strauss, 1966; Tautavicius, 1969; Holcik, 1978; Dambrowska, 1987). Приведенные этими авторами надписи немногочисленны и носят несколько иной характер.

Размещенная в центре изразца монограмма уже встречалась на изразце из Полоцка, хотя там она была помещена над букетом цветов, стоящим между двух колонн, которые образуют алтарную нишу (Розенфельдт, 1969. Рис. 2,1). Р.Л. Розенфельдт интерпретировал монограмму как имя Христа: буквы I и S, несомненно, означают имя Иисуса, а между ними находится крест (там же. С.182). Изразец из Полоцка также покрыт зеленой поливой и датируется 1-й пол.—сер. XVII в. Присутствие в этой монограмме имени Христа не подлежит сомнению, но Р.Л. Розенфельдт, ничего не говорит о букве H, стоящей в центре. Считать ее просто орнаментальной «подставкой» для креста, простым связующим элементом, не несущим смысловой нагрузки, вряд ли возможно. В многочисленных публикациях изразцов, на которых имеются буквы, даны расшифровки слов, скрытых за каждой литерой. Знакомство с историей католицизма подсказало мне другой вариант прочтения этой монограммы. Но прежде необходимо вспомнить исторические реалии смоленской жизни XVII в., в свете которых станет понятен скрытый текст.

В начале XVII в. Смоленск и Москва подверглись польской интервенции, идейным вдохновителем которой был польский король Сигизмунд III Ваза (1566—1632 гг.), активный приверженец католицизма и сторонник контрреформации. Современники называли его «Филиппом II Севера». На рубеже XVI—XVII вв. насаждение Сигизмундом воинствующего католицизма в Речи Посполитой получило поддержку мощных и влиятельных группировок дворянства, которые «отказались от традиционных воззрений междворянской веротерпимости» (История ... Т. 3. С. 429). В 1596 г. под прямым давлением правительства была заключена брестская Уния православной и католической церковью, ставившая православную церковь в зависимое положение. Уния должна была содействовать упрочению католицизма на белорусских и украинских землях Речи Посполитой и создать благоприятные условия для экспансии католицизма на восток, на русские земли. С первых дней похода на Москву Лжедмитрия I сопровождали два иезуита — Николай Чижовский и Андрей Лавицкий, выполнявшие роль советников и помощников (Пирлинг, 1902. С.100; Скрынников, 1988а. С.280). Рим пристально следил за событиями в Московии. Известно имя доверенного лица Ватикана в Польше Петра Арсудия, информировавшего Рим даже о секретных переговорах под Кромами (Скрынников, 1988б. С.192). Епископ Рангони, папский нунций в Кракове, был очень хорошо осведомлен о польско-русских делах. Более того, он отправил своего племянника Александра Рангони с посланцами Папы Павла V в Москву. Из документов известно, что иезуитская миссия была в Москве в нач. 1606 г. (Пирлинг, 1902. С. 62). Обращает на себя внимание и тот факт, что посол Папы Климента VIII Франциск Коста, возвращаясь из Персии, пребывал в Калуге (Пирлинг, 1902 г. С. 66). Для историков очевидна многолетняя активность Ордена иезуитов на территории Московии, что вполне логично: Московия населена большим количеством людей, которых надо привести в правильную католическую веру. Кроме того, часть московских бояр из Тушинского лагеря заключили 4 февраля 1610 г. с королем Сигизмундом III соглашение о порядке передачи московского трона польскому королевичу Владиславу Жигимонтовичу (Сигизмундовичу) (Скрынников, 1988 б. С.463). Таким образом, документы свидетельствуют, что в бурных событиях начала XVII в. постоянно участвуют представители Ордена иезуитов.

Знакомство с историей ордена Иезуитов и подсказало мне другое прочтение этой монограммы: IHS=IESUS HOMINUM SALVATOR—Иисус людей спаситель. Эти слова были написаны Игнатием Лойолой на алтаре подземной часовни Монмартра 15 августа 1534 г. и стали девизом для всех его сторонников (Андреев, 2002. С.281).

Изображенные под монограммой сердце и трезубец также входят в эмблему ордена иезуитов. Подчиненное положение сердца по отношению к церкви говорит о том, что необходимо служить церкви всем сердцем. И последний элемент — трезубец. Он символизирует три обязательные для иезуита качества: послушание, целомудрие и нестяжательство.

Кроме рассмотренного выше изразца в том же раскопе есть еще два примыкающих к нему по стилю экземпляра: один только с монограммой, но без круговой надписи (рис. 2), второй — с растительным орнаментальным элементом в виде буквы X, по бокам которого изображены два двойных креста, аналогичные кресту на первом изразце (рис. 3). Еще один изразец с монограммой опубликован Н.И. Зданович и О.А. Трусовым. Он найден в г. Мстиславле и датирован концом XVII в. (Зданович, Трусау, 1993. С.81. Рис. 141). Отсутствие прорисовки не дает возможности понять, что расположено вокруг монограммы — деградированная надпись или черточки в виде лучей. В углах вместо изображения ангелов отгиснуты буквы: в левом верхнем углу R, в левом нижнем — S. Другие углы, к сожалению, отбиты. Также не указан и цвет поливы. Авторы уверенно связывают фрагменты этих изразцов с присутствием ордена иезуитов на территории Белоруссии и упоминают, что они были найдены «...в Полоцке, Смоленске, Мстиславле, Минске и других городах» (там же. С.81).

Когда же такой изразец мог появиться в Смоленске? С 1514 г. до 1611 г. Смоленск входил в Московское государство и присутствие там иезуитской миссии нигде не упомянуто. Следовательно, только после захвата Смоленска 3 июня 1611 г. войсками Сигизмунда III и до возвращения его под власть московского правительства в 1667 г. здесь могли присутствовать католики. Эти временные рамки могут быть сужены, так как мы знаем, что наибольшая активность Ордена имела место при жизни короля Сигизмунда III (умер в 1632 г.). Его сын король Владислав IV не мог продолжать политику отца. Поэтому возьму на себя смелость предположить, что печь, облицованная этими изразцами, была сложена через несколько лет после взятия Смоленска, когда здесь создавалась иезуитская миссия. Изготовление таких изразцов не требует много времени. Заключенный в них набор символов вполне позволяет сделать из любого помещения

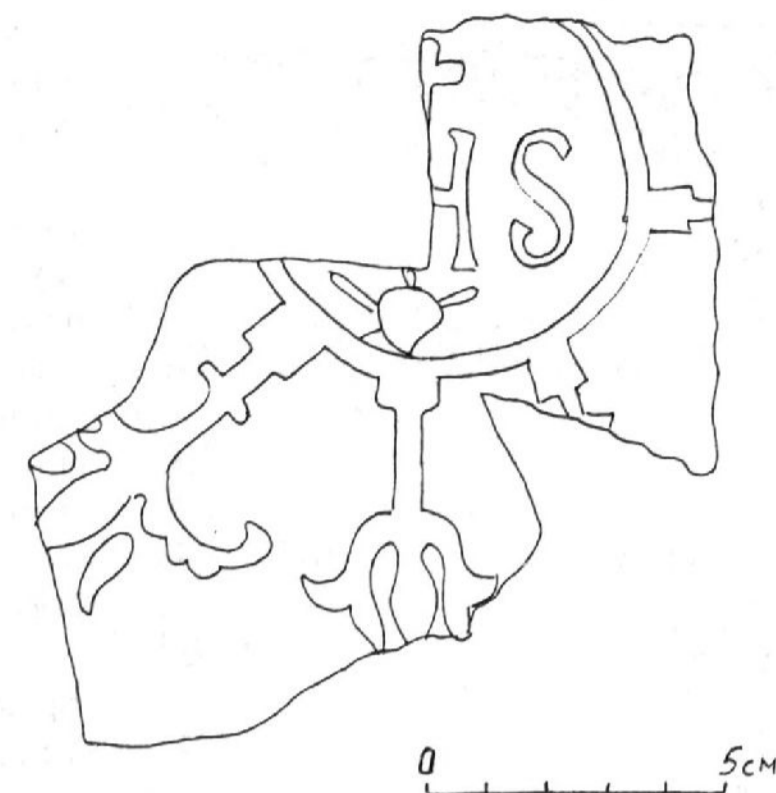


Рис. 2. Фрагменты второго вида изразцов с монограммой.

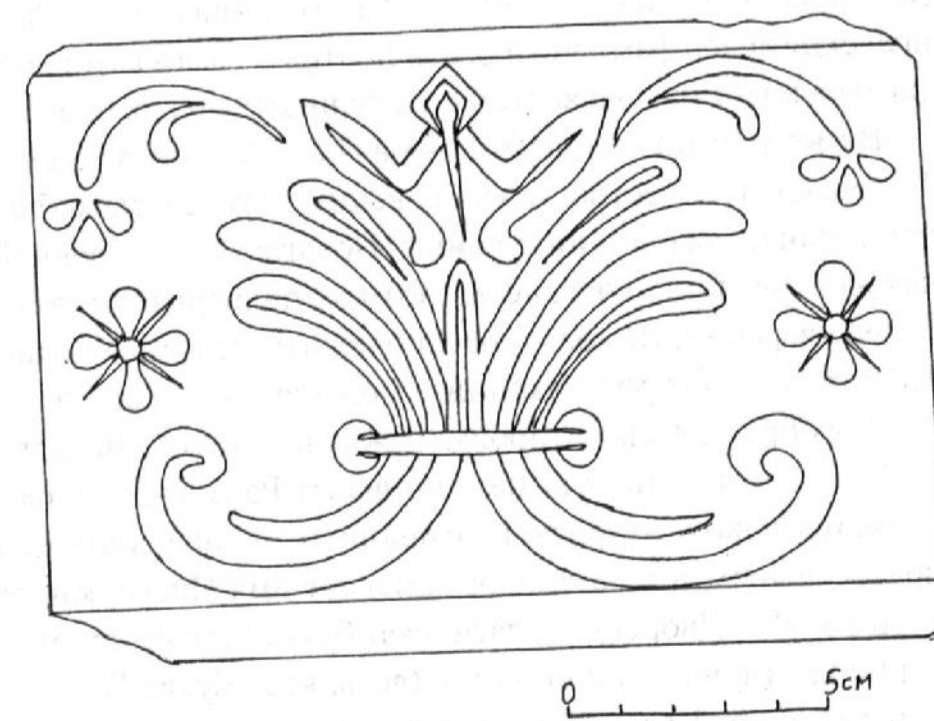


Рис. 3. Декоративный изразец с католическим крестом в орнаменте.

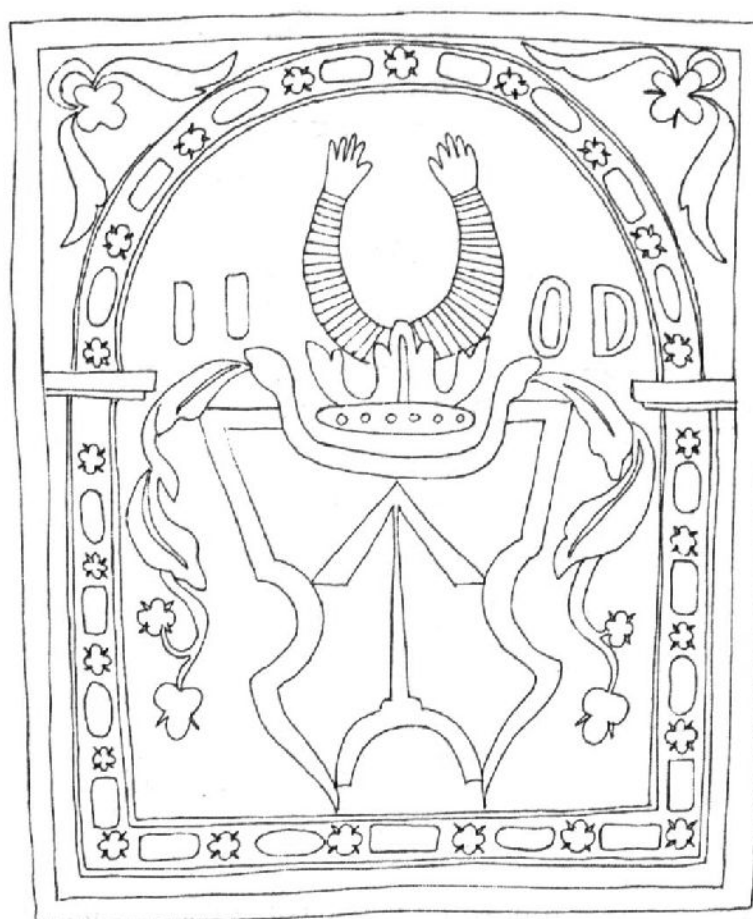


Рис. 4. Реконструкция гербового изразца Радзивиллов.

временный католический храм или создать ясную религиозную доминанту в светском помещении.

Второй изразец, привлекая наше внимание, принадлежит к немногочисленной группе гербовых изразцов. Это плоский рельефный изразец разм. 28 x 21 см, покрытый такой же зеленой поливой, как и предыдущий. На его поверхности изображен щит со знаком «Огоньчик или Повала». Над щитом находится корона, над которой помещены две воздетые к небу женские руки. В верхних углах оттиснуты четыре буквы «I : I» и «O : D» (рис. 4). Облик этого гербового изразца весьма лаконичен и традиционен. В книге А. Б. Лакиера именно такой герб размещен в табл. XXIV № 21. Владельцами этого герба были Радзивиллы (Лакиер, 1990. С. 282).

Княжеский род Радзивиллов владел обширными землями на территории княжества Литовского, в состав которого входили земли Белоруссии. Представители этого рода до второй половины XVI в. были

кальвинистами. Под влиянием книг знаменитого виленского иезуита Петра Скарги Юрий Радзивилл (1556—1600 гг.) стал католиком, получил сан краковского епископа, а с 1584 г. кардинала. В 1592 г. он стал папским нунцием в Польше. Ю. Радзивилл был одним из ближайших соратников короля Сигизмунда III в деле распространения католицизма и преследовании кальвинистов. Еще один представитель этой фамилии — Альбрехт Станислав Радзивилл (1565—1656 гг.) был активным борцом против православия, участником войны 1632—1634 гг., а также историком и автором мемуаров. Христофор Радзивилл (умер 1640 г.) также участник Смоленской войны 1632—1634 гг. и заключения Поляновского мира. Его сын Януш Радзивилл (1612—1655) возглавлял литовские войска, подавлявшие восстание в Белоруссии в 1648—1649 гг. Таким образом, мы видим, что в этот период несколько представителей фамилии Радзивиллов принимают активное участие в событиях как политических, так и религиозных на восточной границе Речи Посполитой.

Во второй половине XVI—начале XVII вв. между Польшей, в состав которой входило Литовское княжество, и Московским государством были очень напряженные отношения и регулярные пограничные войны. Полагаю, что в главной пограничной московской крепости, каковой был Смоленск, не могло быть подворья литовских магнатов Радзивиллов. С большой долей уверенности можно предположить, что смоленский изразец относится к периоду 1611—1667 гг., когда город находился под властью Польши.

Для определения датировки важно восстановить надпись, состоящую из начальных букв (I : O : D). Среди этих букв нет инициалов Радзивиллов, т.к. нет главной буквы R. Значит, надпись является какой-то фразой, имеющей религиозное содержание. Буква I очень часто и у православных, и у католиков заменяет имя Иисус, как это было в девизе иезуитов. Согласно словарю И. Х. Дворецкого латинская буква I также заменяет слово «imperator», буква O — слово «optimus» (лучший) и «omnes» (весь, все), буква D — «deus» (бог) и «dominus» (повелитель) (Дворецкий, 1999). Итак, можно предположить, что эта фраза звучит следующим образом: ИИСУС ПОВЕЛИТЕЛЬ ВСЕХ ПОВЕЛИТЕЛЕЙ или, говоря современным языком, Иисус выше всех земных владык. Такой девиз в сочетании с гербом Радзивиллов мог появиться как знак того, что Радзивиллы были активными участниками распространения католицизма на смоленских землях. Таким образом, время появления этого изразца в Смоленске — 1611—1650 гг.

Итак, рассмотренные нами смоленские изразцы могли быть сделаны при восстановлении города в 1613—1615 гг. или после войны 1632—1634 гг. Трудно сказать, были ли они

изготовлены на месте или привезены из соседних белорусских земель, где находились владения Радзивиллов. Ответ на этот вопрос могут дать только дальнейшие изыскания. На мой взгляд, эти изразцы были сделаны если и не в Смоленске, то не очень далеко от него.

Литература

- Андреев А. Монашеские ордена. М., 2002.
 История Европы. Т. 3. 1993.
 Дворецкий А. Х. Латинско-русский словарь. М., 2000.
 Зданович Н. И., Трусау А. А. Белорусская паливаная кераміка стст. Мн., 1993.
 Лакиер А. Б. Русская геральдика. М., 1990.
 Пирлинг П. О. Из смутного времени. СПб., 1902.
 Розенфельдт Р. Л. Белорусские изразцы // Древности Восточной Европы. М., 1969.
 Скрынников Р. Г. Лихолетье. Москва в XVI—XVII веках. М., 1988а.
 Скрынников Р. Г. Россия в начале XVII в. «Смута». М., 1988б.
 Androsiane S. Zur Typologie der alteren Kacheln. Stockholm, 1910.
 Dabrowska M. Kafle I piece kafflowe w Polsce do konca XVIII wieku. Wroclaw, 1987.
 Holcik S. Sredoveke kachliarstvo. Brno, 1978.
 Strauss K. Die Kachtlkunst des 15. und 16. Jahrhunderts in Deutschland, Osterreich und der Sweiz. Strasbourg, 1966.
 Tautavicius A. Vilnaus pilles kokliai (XVI—XVII a.). Vilnius, 1969.
 Voit, Pall und Holl, Imre. Alte ungarische Ofenkacheln. Budapest, 1963.

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ДЕТИНЦА ОРЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ. ИССЛЕДОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

А. С. Минаков, к. и. н., Орловский государственный университет

Основание города Орла было тесно связано с необходимостью военно-административного и хозяйственного освоения юго-восточной окраины Московского государства. В XVI в. по отношению к этому региону перед государством стояли задачи оборонительного свойства. Сюда, через этот район, в центр страны совершали регулярные разорительные набеги татары. Из-за этого некогда населенные земли в верховьях Оки превратились в «Дикое поле», опасное для проживания, но благоприятное для «хозяев степи» — кочевых народов. Поэтому южное порубежье укрепляется оборонительными линиями — засечными чертами. Одновременно шло сооружение опорных пунктов, крепостей, одной из которых стал Орел, первое упоминание о котором в летописных источниках относится к 1566 г.

Первые строения новой крепости были сооружены на низком мысу, образованном слияниями Оки и ее притока Орлика. Сведения о внешнем виде Орловской крепости, характере и назначении ее построек восстанавливаются «только на основании отрывочных сведений в более поздних источниках»¹. Информацию, которая рисует нам по большей части гипотетический образ древнего Орла, могут дополнить и уточнить результаты археологических исследований.

Первые раскопки исторической части Орла были проведены еще в досоветское время. В 1902 г. раскопки места, где находилась Орловская крепость, у слияния Оки и Орлика, провел член Орловской губернской ученой архивной комиссии (ОГУАК) Ф. Ф. Похвалинский². Им были найдены остатки кирпичного фундамента сооружения неизвестного назначения. Планы с привязкой к местности и чертежи раскопок Ф. Ф. Похвалинского не сохранились. Поэтому, возможно, им были найдены остатки построек как воеводского двора, приказной избы или других административных зданий, так и самого крупного сооружения крепости — собора Рождества Богородицы. На очередном заседании ОГУАК было решено возобновить раскопки в следующем году, но из-за недостатка финансирования они так и не состоялись.

Потребовалось свыше 80 лет, чтобы археологи вновь пришли на это место. В 1988 г. раскопки орловского детинца под руководством Л. Н. Красницкого вели студенты исторического факультета Орловского государственного педагогического института. С целью обнаружения

местонахождения рва и вала крепости было заложено 5 шурфов общей площадью 200 кв.м. В результате раскопок удалось установить, что основание вала составляло около 20 м., а его высота более 3 м. В верхней части вала были обнаружены массовые остатки деревянной крошки, являющиеся предположительно остатками крепостной стены. Раскопки дали множество находок. В основном были обнаружены фрагменты гончарной керамики XVI—XVIII вв., железные гвозди, обувные железные подковы, глиняные курительные трубки, рыболовное грузило, фрагмент глиняного жирового светильника и глиняной поливной ароматницы. Были найдены и предметы более раннего времени. Это шиферное пряслице, костяной гребень и костяная заготовка для свирели, предположительно относящиеся к XII—XIII в.

В июле 2006 г. на детинце крепости под руководством автора этих строк и С.Д. Краснощековой, при содействии Орловского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, велись раскопки и охранные работы. В раскопках также принимал участие Л.Н.Красницкий. Был заложен шурф 10 на 2 м. на участке, где согласно плану крепости располагался собор Рождества Богородицы. Мощностный культурный слой в этом месте достигал 3 м., при наибольшей его насыщенности в 30 см. Среди находок преобладали фрагменты керамики XVII—XX вв., кованые гвозди, монеты XVIII—XX вв., а также бронзовое украшение конской упряжи, витой кованый светец, медная пуговица. Раскопками обнаружены предположительно остатки каменного фундамента, сферического в плане³.

Наконец, в июне—июле 2008 г. на детинце крепости раскопки проводились усилиями Орловского государственного университета и Орловского краеведческого музея, также под началом автора этих строк и С.Д. Краснощековой. Главной целью раскопок было уточнение местонахождения остатков рва и вала орловской крепости. Во время раскопок было заложено два раскопа 10 на 2 м. и глубиной 3 м. В одном из них был найден предположительно фундамент самой высокой башни крепости, въездной Караульной. Среди находок встречались монеты XVIII—XIX в., многочисленные печные изразцы, фрагменты керамики, стекло, поясные пряжки, кованые гвозди и др.⁴

Характер находок и их типология объясняются тем, что с конца XVIII в. территория раскопок детинца подвергалась массовой застройке. Например, здесь располагались питейные заведения, ремесленные мастерские, а также жилые постройки. Об этом говорят массовые находки столового стекла и керамики, кровельного и облицовочного материала и т.п., относящиеся к XIX—середине XX в. После сооружения на стрелке рек мемориала в честь 400-летия Орла, бетонной облицовки набережных и разбивки парка гражданские сооружения не возводились. Поэтому находки более позднего времени представляют, как правило, бытовой мусор либо случайные предметы.

Все находки, обнаруженные в результате раскопок крепости, передавались на хранение в Орловский краеведческий музей и вошли в археологический отдел его экспозиции.

Опыт археологического изучения детинца Орловской крепости можно считать лишь начальным этапом исследования самой старой части города. Дальнейшая работа открывает широкие перспективы как научного, так и научно-практического, а также научно-популярного характера. Во-первых, необходимо продолжить обследование периметра крепости на предмет поиска фундамента предполагаемых строений. Это даст возможность уточнить расположение архитектурных объектов. Во-вторых, стрелка Оки и Орлика, находящаяся сейчас в парковой зоне отдыха города, может рассматриваться как объект будущей музеефикации. Это возможно при реконструкции части стены и одной (нескольких) башен крепости. Без участия археологов это невозможно, так как необходимы соответствующие охранные работы и зачистка участков. Такая историческая реконструкция стала бы реальным шагом в деле популяризации исторических знаний и улучшения культурного облика города, дополнив его интересным, в том числе и экскурсионным объектом. Наконец, археологические работы на детинце Орловской крепости предоставят возможность дать объективный ответ на вопрос об археологическом возрасте города. Распространяющееся в среде краеведов мнение о возможном более «древнем», домонгольском возрасте города получают объективную оценку. Все даст возможность вписать новые страницы в историю Орла, правильному пониманию его роли и месте в освоении региона, участии в общегосударственных процессах.

¹ Неделин В.М. Орел изначальный. Орел, 2001. С. 46.

² Краснощекова С.Д., Красницкий Л.Н. Археология Орловской области. Орел., 2006. С. 85—86.

³ См.: Краснощекова С.Д. Отчет 2006 г. // Архив Орловского краеведческого музея.

⁴ См.: Краснощекова С.Д. Отчет 2008 г. // Архив Орловского краеведческого музея.

ЛЕГЕНДЫ И ПРЕДАНИЯ О КУДЕЯРЕ В БЕЛЁВСКОМ КРАЕ

Е.Р. Барбашов, Белёвский Дом детского творчества

На протяжении не одного столетия на просторах Центрально-Европейской части России существуют легенды о разбойнике Кудеяре и зарытых им кладках. Они, время от времени, будоражат воображение местных жителей, которые берут лопаты и в очередной раз перекапывают Кудеяровы урочища. Есть аналогичные места и в Белёвском районе.

Кто же он, разбойник Кудеяр? Существует легенда, что это сын Великого князя Василия III от его первой жены — Соломонии Сабуровой.

Соломония Сабурова — Великая княгиня, в 1526 году по причине бесплодия была пострижена в монахини под именем Софии и определена в Суздальский Покровский монастырь. В этом же году Россию вторично посетил немецкий дипломат Сигизмунд Герберштейн. В «Записках о Московитских делах» Герберштейн писал, что после пострижения Соломонии по Москве ходили слухи о рождении у неё сына Георгия [1].

В конце XIX века вышел роман писателя-историка Н. И. Костомарова «Кудеяр» [2]. Костомаров разгадал в Кудеяре царевича Георгия. Работая над образом Кудеяра, писатель наделил его чертами Белевского боярина Кудеяра Прокофьевича Тишенкова — исторического лица, совершившего невиданный в мировой истории заговор и акт предательства. В результате тщательно продуманной и блестяще осуществлённой «операции» Тишенков привёл под стены Москвы стодвадцатитысячную армию хана Девлет-Гирея. Это тема специального исследования, но, вероятнее всего, она так и останется неразгаданной загадкой: как удалось практически незаметно провести такую армию через четыре линии засек, через крепости и казачьи станицы? Всё, что мы знаем о Кудеяре Тишенкове, так это годы упоминания о нём: 1571—1578 гг. [3]. Так, с лёгкой руки Костомарова, возможно, и пошли гулять по Руси легенды о царском происхождении Кудеяра.

Писатели XIX века — И. Козлов, Н. Некрасов, Н. Лесков, В. Одоевский — использовали в своём творчестве народные легенды о великом грешнике Кудеяре-разбойнике [4].

Исследователь-фольклорист и автор книги «Русские исторические предания» (М., 1970) Соколова В. К. делает вывод: «несомненная древность образа Кудеяра, представление о нём как о таинственном и могущественном существе, органическая связь его с кладками... заставляет предполагать, что в основе это был образ стихийного божества, «хозяина земных недр». Соколова пишет: «... особенность Кудеяровых кладок не в их качестве, а в необыкновенном количестве — уж очень на большой территории он их зарыл» [5].

Гамаюнов А. И. подсчитал: если бы Кудеяр действительно приложил руку ко всем кладкам, упомянутым в легендах, то ему пришлось бы зарывать их каждый день в течение всей жизни. Гамаюнов также отмечает, что поиски кладок на этих местах велись уже в XVIII веке [6].

Автор данной статьи разделяет мнение Соколовой В. К. Сюда следует добавить, что большинство Кудеяровых мест в Белёвском районе находится около древних поселений, существующих, как минимум, со времени раннего средневековья [7]. Все Кудеяровы места, а их у нас одиннадцать, — это географические объекты, выделяющиеся на местности по каким-либо своим особым, отличительным признакам. Они вполне могли являться объектами поклонения как в языческие времена, так и в период средневекового двоеверия.

Остаётся неясным, кто же такой Кудеяр? Ясно одно: наш земляк Кудеяр Тишенков к этому Кудеяру и его кладкам никакого отношения не имеет.

Пять из одиннадцати Кудеяровых мест — на реке Бобрик около п. Бобрики. В полутора километрах западнее посёлка есть овраг Дедов, впадающий справа в р. Бобрик. В этом овраге находятся Кудеяров дуб, Кудеяров камень, Кудеяров родник и Кудеяровы конюшни. Эти урочища расположены «цепочкой» по оврагу и идут вверх по течению, как они и представлены. Легенды о каждом из этих мест подробно рассказала Капусткина Варвара Михайловна, 1904 г. р. (с. Сухочево), но об этих местах знает вся округа, жители пятнадцати населённых пунктов.

Кудеяров дуб

В Бобриковской засеке, на склоне правого берега Дедова оврага, до начала тридцатых годов XX века рос Кудеяров дуб. По рассказам старожил, дуб был в 11—12 обхватов. В начале XX века склон оврага ополз, и корни дуба обнажились. Соседний помещик Беэр свободно мог в карете проехать под нависающими корнями.

По преданию, разбойник Кудеяр спрятал свои сокровища в дупло дуба, но оно со временем затянулось, и сокровища оказались внутри дерева. Трогать этот дуб было нельзя, люди боялись причинить вред дереву. В начале «безбожной» пятилетки поступило указание убрать дерево, а так как спилить его не могли, то дуб был взорван и сожжён (Капусткина В. М.).

Кудеяров камень

Метрах в трёхстах выше по Дедову оврагу, рядом с руслом ручья, находится Кудеяров камень. Это гранитный валун размером полтора на один метр и около восьмидесяти сантиметров высотой. По легенде, под ним спрятан клад разбойника Кудеяра. Искать клад бесполезно и копать под камнем не следует. Сокровища достанутся тому, кто на утренней заре увидит на камне кукарекающего белого петуха, только тогда можно, отворотив камень, взять клад.

Около двадцати лет назад камень был ещё виден в пойме ручья, но потом быстро ушёл в землю. Нами предпринимались попытки найти камень щупами, но безрезультатно, хотя старожилы точно показывали его местонахождение. Следует заметить, что в это время ушли под землю остальные семь культовых камней нашего района, с которыми были связаны легенды и на которых до «безбожной» пятилетки лежали иконы. Простые валуны остались все на своих местах.

Кудеяров родник

Находится в двухстах метрах выше камня по Дедову оврагу, на его правом склоне; сейчас почти иссяк. Это связано с тем, что в полукилометре от него, в саду, была пробурена водозаборная скважина; она, видимо, и перехватила водоносную жилу. По преданию, около этого родника разбойник Кудеяр зарыл свои сокровища. Родник этот не считался у населения ни святым, ни целебным.

Кудеяровы конюшни

Находятся в пятидесяти метрах выше родника, на правом склоне Дедова оврага и прилегающей территории, размерами сто на пятьдесят метров. По рассказам тракториста Аниканова Петра Андреевича, 1928 г. р. (п. Бобрики), который корчевал в пятидесятые годы XX века одиночные деревья, мешавшие пахать поле, в этом месте были найдены остатки какого-то сооружения, состоявшего из толстых дубовых гнилых брёвен. По всей видимости, это могли быть какие-то укрепления Бобриковской засеки, хотя рвы и валы с частичком, шедшие по берегу Бобрика, находятся от этого места на расстоянии более одного километра. По рассказам старожил, земля на этом месте «бунела» (гудела), если на ней прыгнуть или ударить бревном. Местные легенды говорят, что это были конюшни разбойника Кудеяра и его ватаги.

Неслучайно и название оврага, в котором находятся эти места. В славянском мире слово «дед» означало предка — умершего, а позже — старого, пожилого человека. Это может служить ещё одним доказательством в пользу сакрального характера данных Кудеяровых мест. На карте к «Экономическим примечаниям, 1792» этот овраг также упоминается как Дедов [8].

В шестистах метрах от Дедова оврага, на берегах р. Бобрик, находится древнее славянское поселение, существовавшее с IX по XVIII века [9]. Автор допускает, что комплекс «Кудеяровых мест», находящийся в Дедовом овраге, может принадлежать этому поселению.

Живоносный источник Пресвятой Богородицы

В двух километрах севернее вышеназванного древнего селища, на северо-восточной окраине села Сухочево, находится святой источник, известный как Живоносный источник Пресвятой Богородицы. До начала «безбожной» пятилетки над ним стояла деревянная часовня, в которой находилась местночтимая икона «Живоносный источник». Родник пользуется большой известностью среди окрестного населения. Однако появление часовни и иконы местное население связывает с именем разбойника Кудеяра.

На кресте над колодезем висит табличка: «Этот родник был освящён одним купцом, и рядом построил он часовню в благодарность святым за спасение его юной дочери от разбойников Кудеяра. Тот не позволил делать зло купцу и его красавице дочери. Предание вешает, что Кудеяр был братом Ивана Грозного» На табличке не вся легенда. Сюда следует добавить, что купец от разбойников спрятал дочь в сундук и просил Кудеяра отдать этот сундук ему взамен на всё его состояние. (Капусткина В. М.)

Кладовая яма

В полукилометре на юго-запад от южной оконечности деревни Федящево находятся две карстовые воронки, известные среди жителей этой деревни как Кладовые ямы. По преданию, в них спрятал свои сокровища разбойник Кудеяр, положив клад в провальную пещеру (Стефанова Александра Игнатъевна, 1917 г. р.; Звонарёва Александра Ивановна, 1932 г. р., д. Федящево). Диаметр каждой из ям около тридцати метров и глубина до восьми метров. Ямы находятся в верховьях овражка на одной линии по его руслу и сообщаются друг с другом через размытую перемычку. На дне нижней ямы находится отверстие-сифон диаметром около семидесяти сантиметров, уходящих в стену ямы.

Примерно в семистах метрах юго-восточнее этих ям на поле находятся ещё две ямы, называемые жителями Федящева Артебами (Стефанова А. И.). В них тоже спрятаныклады, по одной версии — помещиков, по другой — разбойников, но с Кудеяром они не связаны. Об этих карстовых воронках упоминал в своём отчёте В. А. Городцов [10].

В двух километрах на север и на юг от Кладовых ям находятся известные науке древние и средневековые поселения славян: Федящевские городище и селища, Воронежские селища и селище в пятистах метрах (вниз по Оке) на поле Сторожевище. Около этих поселений имеются три курганные группы [11].

Культовое значение пещерам и карстовым провалам придавалось многими народами, в том числе и славянами. Кроме этого, на святилищах специально выкапывали ритуальные сухие колодцы, если рядом не было естественного провала. У индоевропейских народов есть миф о спуске героя в колодец, где он попадает в потусторонний мир и добывает там богатство и живую воду, возвращаясь потом на землю. По-видимому, у славян такие места служили для связи с потусторонним миром и для принесения жертв предкам. К примеру, ритуальные колодцы были исследованы на городище-святилище Богит [12].

Около села Животово Одоевского района, около урочища Любавка есть провальная яма. Она считается у местных жителей священной. Около неё стоял раньше деревянный крест (Романова Мария Тимофеевна, 1932 г. р., с. Челюстино).

Кудеяров курган

В восьмистах метрах восточнее южной окраины деревни Зелёная (Бельмово), в овраге Сташин, находится Кудеяров курган. Расположен он поперёк долины ручья, с левой его стороны, правой стороной курган обрывается в русло. Размеры кургана: длина десять метров, ширина около пяти, а высота около полутора метров. По рассказам старожил, вода ручья иногда уходит под землю на перекате, который находится рядом с курганом. Перекат состоит из камней красного песчаника, которые местные жители использовали для поделки точильных камней. Под самым курганом, по легенде, есть подземные ходы и пещеры, где прятались Кудеяр со своей ватагой. Здесь под курганом он и спрятал свои сокровища (Таганчикова Татьяна Ивановна, 1927 г. р.; Цуканов Иван Николаевич, 1933 г. р., д. Зелёная).

В полукилометре выше по ручью от кургана, с левой стороны, находится овраг Лисий. В нём вода уходит под землю через поноры и ямы-провалы.

В данном месте, как и в Федящево, легенды о Кудеяре связаны с подземным миром, но не всё так просто.

В пятидесяти километрах севернее деревни Зелёной, в Суворовском районе, в одном километре севернее деревни Крюковка, в двухстах метрах справа от дороги Калуга—Орёл, находится большой курган высотой пять и диаметром двадцать метров. У жителей Крюковки и соседних деревень существует легенда, что под этим курганом есть подземные ходы, идущие к роднику Азовец (1,5 км) от кургана, к церкви Николая Чудотворца в селе Николо-Гастунь и под какой-то монастырь (Захаркина Тамара Валентиновна, 1951 г. р., д. Крюковка). Под Крюковским курганом нет провалов и подземных ходов, а легенда существует.

В полукилометре от деревни Зелёная находится древний Бельмов Погост, а на противоположном от деревни берегу ручья Плотского, в его устье, автором в 2005 году обнаружено селище, датируемое археологами XII—XVII веками.

Кудеяров Столик

На противоположном от деревни Тутово, левом берегу реки Правая Рука, находится Кудеяров Столик. Это мыс в виде прямоугольной площадки с узкой (в два метра) перемычкой, соединяющей его с полем. Размеры Столика 18x15 метров и высотой около 4-х метров над поймой Руки. В центральной его части находятся две кладоискательские ямы. По легенде, бытующей у жителей деревень Тутово, Губино и Погорелое, на этом Столике разбойник Кудеяр спрятал свои клады (Свиридова Анна Сергеевна 1925 г. р. с. Погорелое; Разуваева Марина Михайловна, 1915 г. р., д. Тутово).

В шестидесятые годы XX жители села Погорелого пытались найти клады Кудеяра, выкопали яму на Столике и на глубине около одного метра нашли полуистлевшую железную кованую лопату (Разуваева М. М.).

При осмотре Кудеярова Столика керамического материала на нём и сопредельной территории не выявлено. Ближайшие поселения XI—XVIII вв. находятся в одном километре от него на реках Руке и Ручице.

Столиками в Белёвском районе называют «сухие» острова — ровные площадки в поймах рек и оврагов.

Между деревнями Беседино и Рядово, на реке Сетухе, в устье оврага Стуженого, находится урочище Столик. По преданию, на нём стояла в древности деревянная часовня (Хлуднев Николай Степанович, 1952 г. р., д. Ламоново; Антонова Анна Павловна, 1923 г. р., д. Рядово). Столик размерами 25x35 метров представляет собой остров в пойме, с трёх сторон омываемый Сетухой, а с четвёртой — её же старым руслом. Выше Столика находится священный омут Каталанец, он же и самый большой на Сетухе. Омут назван по древнерусскому посёлку Каталанов, расположенному на левом берегу Сетухи около Столика и омута (Антонова А. П.). В старину на этом омуте сооружали на Крещение ледяную часовню — Иордань (Антонова А. П.). По собранному автором подъёмному материалу с Каталановского селища археологи датировали поселение периодом XI—XVIII века (Екимов Ю. Г., Зацаринный С. В.).

Кудеяров Столик у деревни Тутово, вероятно, можно считать культовым, если брать для примера Столик на реке Сетухе у священного омута.

Кудеяров камень

Кудеяров камень, или Камень на Козельне, как привычно называют его местные жители, находится в лесу Толкижской засеки, в двадцать девятом квартале Володьковского лесничества, на склоне правого берега ручья Козельны, в семистах метрах от неё. Местные жители используют этот камень как ориентир. По легенде, разбойник Кудеяр под ним закопал клад (Елисеева Анна Петровна, 1930 г. р., с. Карманье; Тетеричев Николай Андреевич, 1929 г. р., п. Хрящ).

Камень представляет собой валун, вероятно, из железистого песчаника тёмно-коричневого цвета. Размеры его: длина 170 см, ширина 150 см, высота над землёй 95 см. Следует заметить, что в радиусе трёх километров больше нет никаких камней, так говорят старожилы пяти соседних деревень.

В 1974 году лесничий Катышев Николай Фёдорович с лесниками попытался перевернуть камень, чтобы посмотреть, есть ли там клад. Трелёвочный трактор порвал троса, но так и не смог его сдвинуть с места, с помощью ковша-лопаты тоже (Катышев Н. Ф., 1929 г. р., г. Белёв). С тех пор камень никто не трогал.

Становище Кудеяра

Это урочище находится в том лесу, что и Кудеяров камень, в одном километре выше по течению Козельны, где в неё впадает слева Сухая Козельна, в тридцатом квартале Володьковского лесничества.

По рассказам старожилов, здесь, на мысу, был стан Кудеяра где жили разбойники в пещерах. У местных жителей это урочище почитаемое, в него запрещается ходить, а также рубить лес (Тетеричев Н. А., Елисеева А. П.)

Автором проведён осмотр урочища. В месте слияния двух оврагов находится высокий, около двадцати метров, мыс. Вокруг него вырубки, но лес в радиусе двухсот метров от мыса не тронут. Преобладающая древесная порода — это гигантские, в два обхвата, старые ели, растущие на пойме, склонах и вокруг этого урочища. На этом мысу находится единственное место в бассейне Козельны, где растёт плаун годичный. Это подтверждает рассказы старожилов о заповедности данного места и сохранности леса в течение последних веков. На площадке мыса небольшие воронки, глубиной и диаметром до двух метров. В них находятся сифоны, куда свободно проходит шести—семиметровый прут. Видимо, под горой есть пустоты, а землю от обвала держат корни старых елей. В трёхстах метрах выше по Козельне от Кудеярова Становища, на этом же, левом берегу, находятся Кудеяровы Порожки. Это берег Козельны в виде уступов-террас спускается на пойму. Террас четыре, длиной около сорока метров каждая, шириной до десяти метров и высотой от трёх до шести метров, здесь на пойме находится родник. Ничего подобного на Козельне больше нет. По легенде, по этим порожкам к нему спускался богатырь-атаман Кудеяр (Елисеева А. П.).

В четырёх—пяти километрах от Становища Кудеяра и Кудеярова камня обнаружены три древних поселения XI—XVIII веков, два из них известны науке [13].

Кудеяров Верх

Овраг Кудеяров Верх находится в Толкижской засеке в шестнадцатом квартале Володьковского лесничества, впадает справа в ручей Вязовну, левый приток реки Большой Мизгеи, и в трёх километрах юго-западнее от южной окраины села Вязовна II (Дурновка) и на таком же удалении от древнего Вязовенского селища и трёх селищ в сёлах Спасское, Животово, Воротцы. Селища датируются XI—XVIII вв. и находятся рядом с двумя засеками (Екимов Ю. Г., Зацаринный С. В.).

В Белёвском и сопредельных районах «верхами» называют овраги.

Кудеяров Верх представляет собой большой, глубокий овраг с очень крутыми склонами, само урочище находится на правом берегу оврага от устья, до его первого правого оврага (200 м). По легенде жителей окрестных сёл, в этом месте был стан Кудеяра и его ватаги. Здесь они жили в пещерах, вырытых в склонах оврага, здесь же и спрятали награбленные сокровища, только брать их не следует — проклятые они. Иногда заблудившихся людей разбойники оставляли в живых, но при этом заставляли поклясться, что никому не расскажут об их местонахождении. Для клятвы нужно было съесть землю. Люди, в последующие после Кудеяра века, боялись ходить в это место и искать его сокровища (Катышев Н. Ф.; Душенков Сергей Андреевич, 1922 г. р.; Голышева Татьяна Александровна, 1925 г. р., с. Вязовна).

Сейчас в Кудеяровом овраге есть место, называемое Барсучий Городок, здесь обосновались барсуки, роя свои норы в отвесных склонах оврага. Места эти труднодоступные, на километры вокруг старый осиновый лес с большим количеством валежника. Огромные стволы, вывернутые с корнями, разбросаны хаотически по большой территории. Зачастую на сотни метров сплошной ветровал состоит из нескольких ярусов упавших друг на друга деревьев.

Как мы видим, в большинстве мест, связанных с Кудеяром, легенды отражают множественность пещер или подземных ходов, в которых живут разбойники, в них же они прячут свои сокровища. Известно, что многим славянским святилищам сопутствуют пещеры, в которых совершались определенные обряды. Культовое значение пещерам придавалось многими народами [14].

В нашем случае речь идёт, возможно, не о языческих святилищах, а скорее, о

рудиментах тех древних верований, существовавших в этих древних сёлах и на этой земле. Всё это с принятием христианства трансформировалось, но языческая сущность и память об обрядах и связанных с ними местах сохранилась в «бытовом» православии. Это относится и к Кудеярову кургану, и к кургану деревни Крюковки. Вполне правомерно считать курганы одним из видов культовых памятников, тем более что сами курганы, собственно, являлись семейными святилищами [15].

Около почитаемых камней возникал целый комплекс, в который входили священные деревья, источник, а окружающий лес также имел культовое значение и являлся заповедным [16].

Примечания

1. Гамаюнов А. И. Размышления над романом Н. И. Костомарова «Кудеяр». //Белёвские чтения. Вып. I. М.: МГУЛ, 2001. С. 46.
2. Там же. С. 46.
3. Там же. С. 40—41.
4. Там же. С. 44.
5. Там же. С. 44—45.
6. Там же. С. 45.
7. Большинство поселений открыто автором данной статьи. Подъёмный материал находится в ТОИАЛМ, осмотрен археологами: Екимовым Ю. Г., Зацаринным С. В. (Тула); Прошкиным О. Л., Грудинкиным Б. В. (Калуга).
8. Описание города Белёва и Белёвского уезда со всеми лежащими в них дачами, в чьём они владении, какое число муж. полу душ и сколько мерою земель, со внесением экономических примечаний, 1792 г.
9. Прошкин О. Л., Екимов Ю. Г., Барбашов Е. Р. Славянские археологические памятники IX—X вв. в Белевском течении Оки //Белёвские чтения. Выпуск V. М.: МГУЛ, 2005. С. 206.; Зацаринный С. В. Новые археологические памятники XII—XVII веков в Белёвском районе по материалам краеведа Е. Р. Барбашова //Белёвские чтения. Вып. V. М.: МГУЛ, 2005. С. 240.
10. Городцов В. А. Материалы для Археологической карты долины и берегов р. Оки. Результаты археологической экскурсии, совершённой, по поручению и на средства Императорского Московского Археологического общества, в 1895 г. //Труды XII Археологического съезда в Харькове. 1902. Т. I., М. С. 543.
11. Городцов В. А. Указ. соч. С. 542—543.
12. Русанова И. П., Тимощук Б. А. Языческие святилища древних славян. М., 1993. С. 36, 63, 64.
13. Краснов Ю. А. Археологическая карта России. Тульская область. Ч. I. М., 1993. С. 107—108.
14. Русанова И. П., Тимощук Б. А. Указ. соч. С. 63—64.
15. Там же. С. 9.
16. Там же. С. 10—11; 63.

О ПОЧИТАЕМЫХ В НАРОДЕ ПРИРОДНЫХ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТАХ В ДЗЕРЖИНСКОМ РАЙОНЕ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

А.А.Перепелицын, г. Калуга

В августе 2008 года автор получил информацию от водителя попутной машины об интересном пласте преданий, бытующих в деревне Матово Дзержинского района, связанных с географическими объектами: по его словам, имелся там Синий Камень с зарытым под ним золотом, холм Корабль («вросшая в берег баржа с золотом Наполеона»), Серебряный Ручей (конечно, также с кладами). Собеседник сказал, что слышал предания во время краткосрочной работы по отделке коттеджей и запомнил их лишь в общих чертах. Полученная информация, однако, интриговала, так что в сентябре 2008 года мы предприняли поездку на место.

В настоящее время деревня населена в основном дачниками и переехавшими на постоянное место жительства горожанами. Опрос нескольких встреченных на улице жителей показал, что Синий Камень, лежащий неподалеку от деревни в русле Угры, знают практически все, как и обрывки преданий о нем, в двух вариантах: говорят о спрятанном под камнем кладе, а также о том, что камень закрывает выход подземного хода. Оба сюжета, как нам

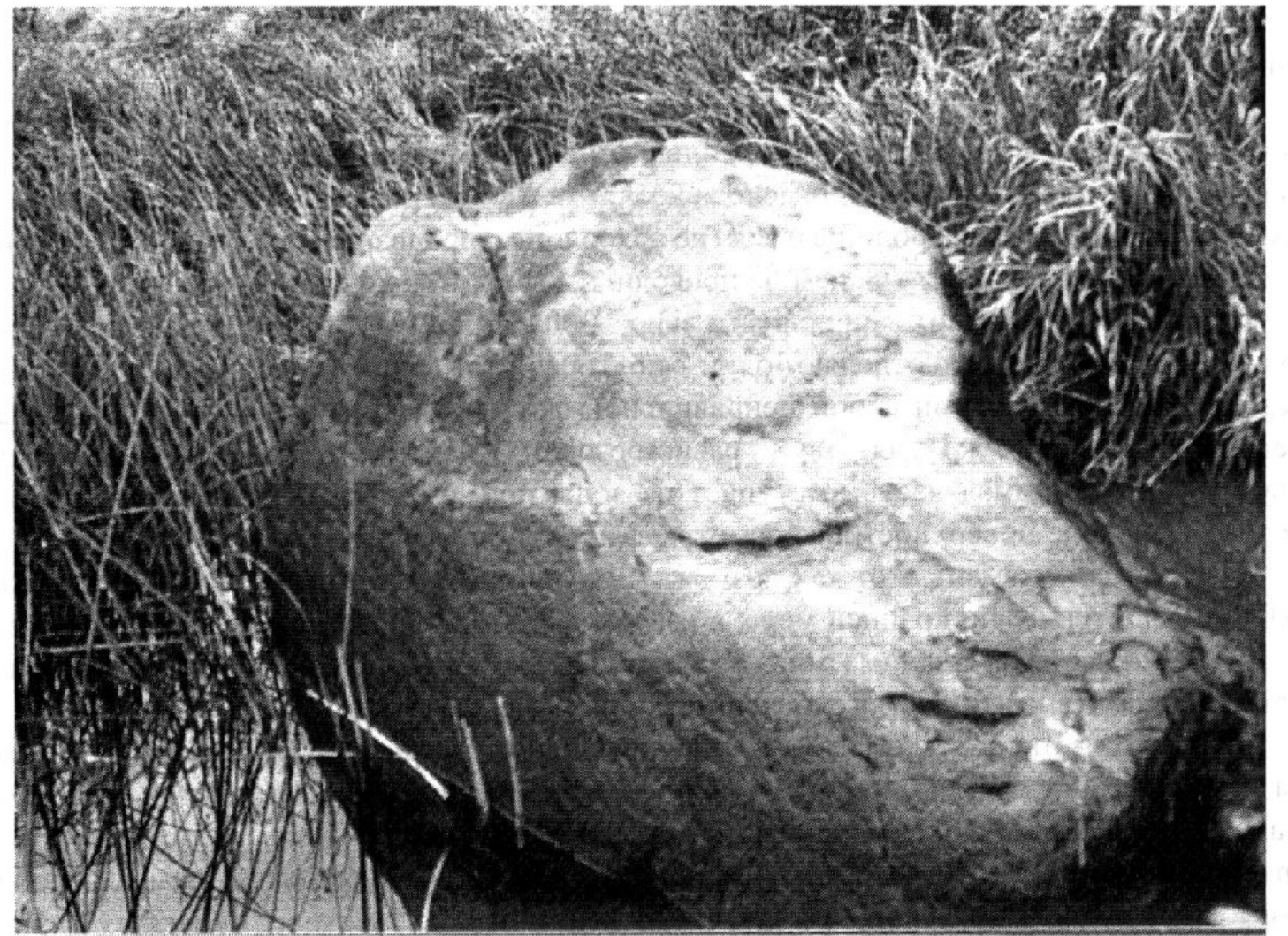


Рис. 1. Синий Камень близ д.Матово Дзержинского района Калужской области, вид со стороны реки.

известно по собственным данным, достаточно распространены в Калужской области, и, как отмечают многочисленные источники, за ее пределами. Одна из собеседниц добавила еще, что «после войны камень хотели взорвать, однако у взрывников то ли руки, то ли ноги отнялись» — сюжет также повсеместно распространенный.

Здесь же нам посчастливилось познакомиться с Еленой Игоревной Зиновьевой — хотя она и не является коренной жительницей этих мест, будучи весьма любознательным человеком, запомнила (однако, к сожалению, не записала) слышанные от старожилков предания и поверья — еще двадцать лет назад их знали гораздо лучше. В настоящее время в деревне осталась единственная старожилка, хорошо помнящая местные легенды — Елена Федоровна Царева, 1929 года рождения. Вместе с Е.И.Зиновьевой мы посетили ее и записали рассказы. В незначительных деталях они отличаются от слышанных нами и Зиновьевой ранее. В общем же базовый основной вариант легенды нам представляется таким: некогда плыл по реке то ли князь, то ли воевода, его корабль потерпел крушение и врос в берег. Это место и называется Корабль. Почти все, плившие на корабле, погибли и похоронены здесь же. А сам князь покоится под Синим Камнем. Дочь его осталась в живых (по другой версии — пришла в поисках отца позже), но не смогла бросить могилу и стала жить рядом, на Корабле, где и умерла. Темными ночами князь вставал и ходил к ней на Корабль. Якобы существует тропинка, не зарастающая, по ней местные жители не ходили. По другому варианту легенды Синий Камень и Корабль связывал подземный ход. По нему из горы выходил в реку даже сам княжий корабль. Синий Камень неспокоен, растет из под земли, а дно вокруг него словно выстлано каменными плитами. Несколько раз его пытались увезти, взорвать, но он оставался на месте, а у покушавшихся на него отнимались руки—ноги. Неподалеку находится Серебряный Ручей с живой водой — по обычаю, каждый, кто приходил к нему, привязывал к ветвям ленточку, либо бросал мелкую монету. Ближе к деревне протекает другой ручей — Гражданка. Вода в нем считается обычной, либо даже мертвой.

Е.Ф.Царева поведала несколько других любопытных поверий, преданий и быличек — однако сюжеты их достаточно типичны для Калужской области. Предание же о Корабле, Синем Камне и Серебряном Ручье нам представляется своеобразным, не имеющим прямых аналогий.

Впрочем, камни, называемые Синими, в России известны, о чем будет сказано чуть ниже. Пока же приведем результаты предпринятого нами осмотра местности.

Как и следовало ожидать, Корабль оказался типичным городищем, расположенным на слиянии двух оврагов, с хорошо сохранившимися валами и рвами. В ходе последовавшей после осмотра консультации в отделе археологии Калужского областного краеведческого музея выяснилось, что городище известно археологам, предварительно датировано ранним железным веком; раскопок на нем не проводилось.

Синий Камень находится приблизительно в 300 метрах от городища, непосредственно в русле реки, от берега его отделяют один—полтора метра открытой воды (в зависимости от сезона). Представляет он собой неправильной формы с седлообразной верхней частью ледникового происхождения валун красно-розового гранита максимальным размером до двух метров, видимая часть выступает из воды примерно на метр. Следов обработки человеком в ходе поверхностного осмотра заметить не удалось.

По видимому, камень этот как возможный культовый объект внимания археологов на себя не обратил — по крайней мере, в известной автору литературе не удалось найти не только упоминаний о связанных с ним легендах, но даже описаний самого валуна, несомненно, привлекавшего внимание многочисленных туристов-байдарочников.

Между тем, хотя объектом какого-либо поклонения Синий Камень в настоящее время (и на памяти старожилов) не является, есть предположение о культовом характере Синего Камня. Косвенным доказательством этого предположения нам представляется его традиционное название. Местные жители, разумеется, выводят его, в рамках народной этимологии, от легкого серо-голубоватого оттенка, особенно заметного на закате (вызывают его вкрапления черной слюды и покрывающие валун лишайники). Однако всякий, осмотревший камень, согласится — не зная его традиционное имя, назвать его «синим» по цвету породы невозможно. Точно также как и другие «синие камни» нашей страны, о существовании коих необходимо напомнить.

Самый, пожалуй, известный из них лежит на берегу Плещеева озера в Ярославской области и, несомненно, имел культовое значение: о поклонении и почитании его местными жителями упоминают летописи. «Бысть во граде Переславле камень за Борисом и Глебом в боярку, в него же вселился демон, мечты творя и привлекая к себе из Переславля людей: мужей и жен и детей их (...)И они слушаху его и стекахуся из году в год и творяху ему почести...». В какой-то форме продолжается поклонение тому камню, как мы убедились лично, и поныне. Интересно, что, как и в нашем случае, Переславский Синий Камень считается в легендах «самодвижущимся» — он выбирался из под земли, из под воды, и сейчас не успокоился [1,2].

В соседней Тульской области краевед Е.Р.Барбашов также обнаружил камень, именованный в народе Синим. Он же приводит гипотезу, объясняющую происхождение названия культовых камней от церковно-славянского слова «синец» — «бес» [3], что, впрочем, не кажется нам убедительным. В качестве «информации без комментариев» можно упомянуть и «синие камни» (*bluestones*), образующих «внутренний круг» знаменитого мегалитического комплекса Стоунхендж в Шотландии [4], впрочем, от комментариев по поводу этого совпадения лучше воздержаться.

В любом случае, в Калужской области описанный Синий Камень, по-видимому, единственно известный, и, безусловно, заслуживает охраны как памятник природы и истории.

Литература

1. Бердников В.И. Синий Камень Плещеева озера // Наука и Жизнь. №1. 1985.
2. Платов А.В. Ярилин Холм — новое о древнем // Мифы и магия индоевропейцев. Вып. 5, М., 1997.
3. Барбашов Е.Р. Культовые камни далеких предков http://www.belev.narod.ru/hway/hw5/hw5_p413.htm
4. Хокинс Дж., Уайт Дж. Разгадка тайны Стоунхенджа. М., 1984.

СОДЕРЖАНИЕ

ДОКЛАДЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

<i>Прошкин О.Л.</i> Культурный слой города Калуги и исторических центров Калужской области как объект археологического наследия.....	3
<i>Цетлин Ю.Б.</i> Естественно-научные методы в изучении древней керамики: pro& contra.....	9
<i>Кашкин А.В.</i> Археология Поочья: проблемы и перспективы.....	13

ДОКЛАДЫ

<i>Чубур А. А.</i> Шерстистый носорог <i>Coelodonta antiquitatis</i> Blumenbach (1799) из Калужского областного краеведческого музея. (К зооархеологии палеолитической эпохи Поочья).....	18
<i>Пежемский Д. В., Шмытов М. А.</i> Палеоантропологические материалы эпохи средневековья с территории Калужской области.....	21
<i>Третьюхина Н.С., Тихомиров П. Н.</i> Определение источников сырья на территории археологического памятника «Чертово городище» для изготовления каменного антропоморфного изваяния из г. Козельска.....	31
<i>Евдокимов В. И., Горецкий К. В.</i> К проблеме милославских волоков: историко-географический аспект.....	35
<i>Болдин И. В.</i> Структура Любутского археологического комплекса по результатам междисциплинарных исследований.....	37
<i>Долбунова Е. В., Мазуркевич А.Н.</i> Анализ ландшафтной приуроченности памятников раннего и среднего неолита в бассейне верхнего течения реки Западная Двина.....	40
<i>Грудинкин Б. В.</i> 60 лет изучения белёвской неолитической культуры.....	47
<i>Столяров Е. В.</i> Актуальные проблемы изучения раннего железного века бассейна верхней Оки.....	55
<i>Гусаков М. Г.</i> Ещё раз к вопросу о происхождении сетчатой керамики.....	58
<i>Модин Р. Н.</i> Костяные псалии с Сатинского городища.....	61
<i>Гурьянов В. Н.</i> Окская фибула с левобережья Десны.....	64
<i>Прошкин О. Л., Фролов А. С.</i> Случайная находка бронзовых изделий из Тарусы.....	65
<i>Фролов А. С.</i> Археологические исследования на Тарусском городище.....	73
<i>Григорьев А. В.</i> Постройка 4/XXVIII городища Супруты.....	77
<i>Пуцко В. Г.</i> Фрагменты русской металлопластики из тарусских находок.....	80
<i>Пуцко В. Г.</i> Двусторонний штамп для тиснения на коже из средневекового Любутска.....	85
<i>Пачкалов А. В.</i> Некоторые новые находки монет Золотой Орды в Калужской области.....	93
<i>Янишевский Б. Е.</i> Археологическое изучение центров волостей и станов Можайского княжества XIV—XV вв.....	95
<i>Патрик Г. К.</i> Археологические следы польской интервенции (первая четверть XVII в.).....	105
<i>Минаков А. С.</i> Археологическое изучение детинца Орловской крепости. Исследования и перспективы.....	109
<i>Барбашов Е.Р.</i> Легенды и предания о Кудеяре в Белёвском крае.....	111
<i>Перепелицын А. А.</i> О почитаемых в народе природных и археологических объектах в Дзержинском районе Калужской области.....	116

**АРХЕОЛОГИЯ XXI ВЕКА: СИНТЕЗ КЛАССИЧЕСКИХ
И СОВРЕМЕННЫХ МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЙ —
ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО
ИЗУЧЕНИЯ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ**

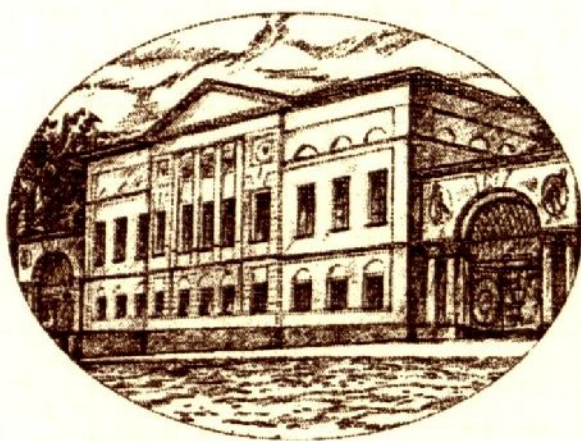
МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОГО СИМПОЗИУМА 8—9 АПРЕЛЯ 2009 Г.

Технический редактор *Шмытова И.В.*
Макетирование *Шмытова И.В.*

Подписано к печати 10.11.2009 г. Формат 60x84/8.
Объем 15 п. л. Тираж 300 экз.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Заказ №1848

Издательство «Полиграф-Информ» ИД № 01739 от 11.05.2000.

Отпечатано в ООО «Полиграф-Информ»
ПЛД № 42-17 от 16.09.98.
248021, г. Калуга, ул. Московская, 247. Тел.: 55-99-31



Калужский областной краеведческий музей
Калуга, ул. Пушкина, 14

WWW.KOKM.RU